

Art Logos

(искусство слова)

№ 3 (32), 2025

Art Logos (The Art of Word)
scientific journal, No. 3 (32), 2025

Главный редактор

Т. В. Мальцева, д-р филол. наук, профессор, ЛГУ им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

Редакционная коллегия

С. Л. Слободнюк, д-р филол. наук, д-р филос. наук, профессор,
ЛГУ им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

О. Ю. Осьмухина, д-р филол. наук, профессор, МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия

Т. И. Рожкова, д-р филол. наук, профессор, МГТУ им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия

А. А. Карпов, д-р филол. наук, профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

С. Г. Гренёв, канд. филол. наук, профессор, Университет Джорджауна, Вашингтон, США

М. Яхьяпур, канд. филол. наук, профессор, Тегеранский университет, Тегеран, Иран

В. В. Волков, д-р филол. наук, профессор, ТвГУ, г. Тверь, Россия

К. П. Сидоренко, д-р филол. наук, профессор, РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Е. В. Купчик, д-р филол. наук, доцент, ТюмГУ, г. Тюмень, Россия

О. А. Мещерякова, д-р филол. наук, доцент, ЛГУ им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

З. И. Резанова, д-р филол. наук, профессор, ТГУ, г. Томск, Россия

М. Р. Желтухина, д-р филол. наук, профессор, ВГСПУ, Волгоград, Россия

Г. Н. Чиршева, д-р филол. наук, профессор, ЧГУ, г. Череповец, Россия

Н. В. Козловская, д-р филол. наук, доцент, ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, Россия

О. Е. Похаленков, д-р филол. наук, доцент, КГУ им. К. Э. Циолковского, г. Калуга, Россия

Учредитель, издатель: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 3 февраля 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-68617

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Журнал издается с 2017 года. Периодичность 4 раза в год

Art Logos

(The Art of Word)

ISSN 2541-9803
e-ISSN 2713-1319

No. 3 (32), 2025

Chief editor

T. V. Maltseva, Doctor of Philology, Full Professor,
Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia

Editorial Board

S. L. Slobodnyuk, Doctor of Philology, Doctor of Philosophy, Full Professor,
Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia

O. Y. Osmukhina, Doctor of Philology, Full Professor, MRSU, Saransk, Russia

T. I. Rozhkova, Doctor of Philology, Full Professor, NMSTU, Magnitogorsk, Russia

A. A. Karpov, Doctor of Philology, Full Professor, SPbSU, St. Petersburg, Russia

S. G. Grenier, PhD in Philology, Professor, Georgetown University, Washington, D.C., USA

M. Yahyapour, PhD in Philology, Professor, University of Tehran, Tehran, Iran

V. V. Volkov, Doctor of Philology, Full Professor, TSU, Tver, Russia

K. P. Sidorenko, Doctor of Philology, Full Professor, Herzen University, St. Petersburg, Russia

E. V. Kupchik, Doctor of Philology, Associate Professor, UTMN, Tyumen, Russia

O. A. Meshcheryakova, Doctor of Philology, Associate Professor,
Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia

Z. I. Rezanova, Doctor of Philology, Full Professor, TSU, Tomsk, Russia

M. R. Zheltukhina, Doctor of Philology, Full Professor, VSSPU, Volgograd, Russia

G. N. Chirsheva, Doctor of Philology, Full Professor, ChSU, Cherepovets, Russia

N. V. Kozlovskaya, Doctor of Philology, Associate Professor, ILS RAS, St. Petersburg, Russia

O. E. Pokhalenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, KSU n. a. K. E. Tsiolkovski, Kaluga, Russia

Founder, publisher: Pushkin Leningrad State University

The journal is registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media February 03, 2017. The certificate of the mass media registration ПИИ № ФЧ 77-68617

The journal is included into the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree

The journal is issued since 2017. Quarterly, 4 issues per year

Содержание

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ПЕРСОНАЛИИ

Н. В. Константинова

- «Путешествие в Арзрум» А. С. Пушкина: «случай с калмычкой»
в аспекте деромантизации и автокоммуникации 10

С. А. Самолетов

- Публицистика советских писателей, проживавших в г. Пушкине
(бывшее Царское Село) в 1938–1941 годах, на страницах
районной газеты «Большевицкое слово» 23

А. В. Хлебцова

- Мотив духовно-нравственной ответственности в повести
К. М. Симонова «Четыре шага»: человек в условиях фронта 38

К. А. Якименко

- Рецепция творчества А. С. Пушкина
в произведениях Владимира Солоухина 53

И. Б. Ничипоров

- Богоискательские мотивы в лирике Елены Шварц 66

Р. М. Ханинова

- «Свой» – «другой»: пушкинская тема
в современной калмыцкой русскоязычной лирике 80

ЛИНГВИСТИКА. ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ

Т. Е. Лебедева

- «Сказание об осаде Тихвинского монастыря» по списку
РГБ из собрания Тихонравова: лингвистическое описание
и история текста 98

О. А. Мещерякова

- Языковые особенности ахроматического мира пушкинских
сказок в сопоставлении с фольклорной традицией 118

С. В. Сахневич	
Редукция семиотической перегрузки: феноменологический подход к исследованию знака, денотата, смысла и идеи	134
Л. В. Кудрина	
Интертекстуальность новостных текстов интернет-СМИ	149
Т. Л. Шапошникова, О. А. Гордиенко, И. В. Рус-Брюшинина	
Учебные пособия по русской литературе для иностранных студентов Кубани с лингвоконцептологических позиций	163
Р. Эсхаг, З. И. Мохаммади	
Лингвокультурные характеристики современного русского и иранского этикета	183
Д. Р. Гасимова	
Выражение национального колорита в переводах на русский и азербайджанский языки романа Л. Фейхтвангера «Братья Лаутензак»	198

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Н. К. Данилова	
Поэт о поэтическом восприятии мира	214
Т. В. Мальцева	
XXX Международная научная конференция «Пушкинские чтения: художественные стратегии классической и новой словесности»: результаты и перспективы	220

Contents

LITERARY STUDIES AND HISTORY OF LITERATURE. PERSONALITIES

Natalia Konstantinova

- Journey to Arzrum* by A. S. Pushkin: "The Case of the Kalmyk Woman" 10
in the Aspect of Deromanticization and Autocommunication

Sergey Samoletov

- The Journalism of Soviet Writers Who Lived in Pushkin 23
(Formerly Tsarskoye Selo) in 1938–1941, on the Pages
of the Regional Newspaper "Bolshevistskoye Slovo"

Anastasiiia Khlebtsova

- The Motif of Spiritual and Moral Responsibility in K. M. Simonov's 38
Story *Four Steps*: A Man in the Frontline Conditions

Kristina Yakimenko

- Reception of the Works of A. S. Pushkin in the Works 53
of Vladimir Soloukhin

Ilia Nichiporov

- God-seeking Motives in the Lyrics of Elena Schwartz 66

Rimma Khaninova

- "One's Own" – "The Other": Pushkin's Theme in Modern Kalmyk 80
Russian-language Lyrics

LINGUISTICS. LANGUAGE AS A MEANS OF COMMUNICATION

Tatiana Lebedeva

- The Tale of the Siege of the Tikhvin Monastery* According 98
to the Manuscript of the Russian State Library from Tikhonravov's
Collection: Linguistic Description and History of the Text

Olga Meshcheryakova

- Linguistic Features of the Achromatic World of Pushkin's Fairy 118
Tales in Comparison With the Folklore Tradition

Sergey Sakhnevich	
Reduction of Semiotic Overload: A Phenomenological Approach to the Study of Sign, Denotation, Meaning and Idea	134
Lada Kudrina	
The Intertextuality of Online Media News Texts	149
Tatyana Shaposhnikova, Olga Gordienko, Ines Rus-Bryushinina	
Teaching Aids on Russian Literature for Foreign Students of Kuban from Linguoconceptual Positions	163
Rudabe Es'haq, Zeynab Isakhan kizi Mohammadi	
Linguocultural Characteristics of Modern Russian and Iranian Etiquette	183
Jamila Gasimova	
Expression of National Color in Translations into Russian and Azerbaijani Languages of L. Feuchtwanger's Novel <i>The Lautensac Brothers</i>	198

REVIEWS

Natalia Danilova	
A Poet on the Poetic Perception of the World	214
Tatiana Maltseva	
XXX International Academic Conference "Pushkin Readings: Artistic Strategies of Classical and Modern Literature": Results and Prospects	220

[illegible]

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.
ПЕРСОНАЛИИ

Н. В. Константинова

«Путешествие в Арзрум» А. С. Пушкина: «случай с калмычкой» в аспекте деромантизации и автокоммуникации

В статье рассматривается специфика «творческой лаборатории» А. С. Пушкина на материале документального травелога «Путешествие в Арзрум». Новизна исследования состоит в выявлении способов построения сюжетной ситуации в документальном травелоге в аспекте проблемы автора. Для анализа привлекается сюжетная ситуация «случай с калмычкой» с точки зрения обнаружения способов беллетризации документального материала, а именно деромантизации и автокоммуникации. Использование сравнительного метода анализа – сопоставления «кавказского дневника» 1829 г. и итогового варианта «Путешествия в Арзрум» 1836 г. – позволяет увидеть ряд существенных изменений в описании «случая с калмычкой». Включение эпизода с калмычкой в литературный контекст обнаруживает связь с традицией сентиментализма, сюжетной ситуацией «Лизинго текста», а также ее романтическими вариантами. Выявленные повествовательные эксперименты обнаруживают особую авторскую рефлексию и над процессом текстопорождения, и над общим литературным контекстом (сентиментально-романтической традицией), и над своими произведениями, написанными до 1829 г. Они становятся маркерами эволюции пушкинского творчества – деромантизации, самоиронии и пародирования, выражают переход к реализму, тяготение к прозаизации.

Ключевые слова: сюжетная ситуация, путешествие, авторская установка, деромантизация, автокоммуникация, документальный травелог, «Путешествие в Арзрум».

Для цитирования: Константинова Н. В. «Путешествие в Арзрум» А. С. Пушкина: «случай с калмычкой» в аспекте деромантизации и автокоммуникации // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 3. – С. 10–22. DOI: 10.35231/25419803_2025_3_10. EDN: SLDOOB

Пушкинский период считается своеобразной точкой отсчета в формировании нового этапа развития травелога в XIX в. На этом фоне нами выделяется «Путешествие в Арзрум» как травелог, в котором проявляется новый способ моделирования структуры повествования [11]. Новаторство Пушкина чаще рассматривается в контексте развития жанра травелога. Так, в частности, отмечалось, что именно в «Путе-

шествии в Арзрум» «борьба во имя реализма с жанром сентиментального путешествия доводится до конца» [10, с. 328]. В 30-е гг. XIX в. складывается новая поэтика реалистического путешествия и «обретает совершенную форму в путешествии Пушкина»¹. В аспекте проблемы автора понимание феномена пушкинского травелога наиболее подробно комментируется в диссертационном исследовании И. В. Банах, в частности, указываются авторские приемы, благодаря которым и происходит разрушение условности субъективного повествования за счет «минимализации идеологической дистанции между биографическим автором и героем-повествователем и – соответственно – возврата к автобиографичности повествования, утраченной в сентиментальном путешествии» [3, с. 11].

Определение специфики повествования в пушкинском травелоге неоднократно становилось предметом исследования. Основная проблема заключается в соотношении «биографического автора» и героя-путешественника. С этим вопросом связаны разнообразные дискуссии пушкинистов. Так, П. В. Алексеев, характеризуя принципы ориентализации пространства в травелоге А. С. Пушкина, в том числе ставит и важные вопросы, касающиеся проблемы автора: «В какой степени нарратив травелога отражает реальное путешествие и каковы точки сближения интенций автора и повествователя? <...> Каков биографический и литературный контекст произведения?» [1, с. 5]. Отвечая на поставленные вопросы, исследователь ориентируется на литературный контекст травелога Пушкина. По замечанию Ю. Н. Тынянова, «...герой “Путешествия в Арзрум”, авторское лицо, от имени которого ведутся записки, – никак не “поэт”, а русский дворянин, путешествующий по архаическому праву “вольности дворянской” и вовсе не собирающийся “воспевать” чьи бы то ни было подвиги» [18, с. 67–68]. С этим тезисом спорит П. В. Алексеев и, напротив, обращает внимание на неоднократное указание автора на то, что повествователь – поэт, что позволяет «выделить “литературность”, или “книжность”, как базовый принцип проведения границы между Западом и Востоком в пушкинском травелоге: демаркация мифоло-

¹ Проценко Е. Г. Литература «Путешествий» в России в 1840–1850-е годы: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Л., 1984. С. 97.

гических границ Запада и Востока осуществляется только в пространстве культуры» [1, с. 6].

Материалы и методы

Подобные разногласия литературоведов по поводу авторской позиции, на наш взгляд, были спровоцированы особым типом повествования, в котором намеренно совмещены различные «маски» рассказчика¹. М. Ю. Касумова, ориентируясь на мнение Б. Томашевского [17, с. XLIX], в свою очередь, высказывает мысль о полной идентификации «биографического автора» и рассказчика, характеризуя эту особенность как принципиальное новаторство Пушкина в жанре путешествия, и, указывая на очевидный автобиографизм, утверждает, что «авторский голос четко говорит сам о себе, рассуждает от своего имени, дистанция, порожденная искусством, отсутствует» [5, с. 78–79]. На неоднозначность роли рассказчика как определенную установку автора указывает также И. Л. Багратион-Мухранели, отмечая, что Пушкин уходит от «однозначной самоидентификации», отказывается от литературного канона сентиментальных путешествий и не принимает образа повествователя хождений, «избегает романтической восторженности своих ранних произведений», имитирует «реальность событий» [2, с. 160].

Новизной настоящего исследования является включение «Путешествия...» как в общий историко-литературного контекст первой трети XIX в., так и в «творческую лабораторию» Пушкина, что способствует выявлению некоторых новых особенностей выражения авторской позиции в травелог. Одним из способов ее проявления, известным по другим произведениям поэта, становятся отсылки к своим или чужим произведениям. В статье подробнее будет представлен метод перенесения этого принципа в документальный травелог, что позволяет увидеть семантические смещения, влияющие на повествовательную модель. Предметом исследования в данном случае является специфика травелога Пушкина как яркого образца авторских повествовательных экспериментов. В качестве материала для анализа привле-

¹ А. Шенле, например, использует термин «нарративная маска», комментируя принципы соотношения в травелог Пушкина вымысла и реальности. См.: Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790–1840. СПб.: Академический проект, 2004. С. 194.

кается сюжетная ситуация «случай с калмычкой» в аспекте деромантизации и автокоммуникации.

Результаты

Эпизод встречи путешественника с калмычкой имеет важное значение в структуре повествования пушкинского травелога, так как позволяет обнаружить совмещение разных точек зрения при описания документального материала. История этого эпизода подробно описана исследователями. Особо стоит отметить работы Б. А. Кичиковой, в которых содержится подробный комментарий особенностей фрагмента о встрече путешественника с калмычкой в контексте творчества А. С. Пушкина, учитываются этнографические особенности описания эпизода, связь с эпистолярным наследием автора [6–9]. В настоящей статье «случай с калмычкой» интересует нас в аспекте двойной авторской направленности – как в сторону романтического сюжета, так и в сторону самоиронии.

Сопоставление «кавказского дневника» 1829 г. и итогового варианта – «Путешествия в Арзрум» 1836 г. – позволяет увидеть ряд существенных изменений. «Путевые записки» 1829 г. содержат первый вариант описания встречи с калмычкой [14, с. 1028–1029], в котором акцентируется внимание на самой дорожной ситуации (встречи путешественника с «калмыцким семейством», увлеченность «молодой калмычкой»), на подробном описании внешности и голоса калмычки («собой очень недурная», «лицо смуглое, темно-румяное, багровые губки, зубы жемчужные», «голос ее был чрезвычайно приятен»), ее действиях («шила куря табак», «подала мне свою трубку и стала завтракать со всем своим семейством», «предложила мне свой ковшик», «моя гордая красавица ударила меня по голове мусикийским орудием подобным нашей балалайке»). В ходе диалога калмычки с путешественником выясняется, что ей 18 лет, при этом не проясняется ее имя, отмечается отказ от поцелуя («Поцалуй меня. – Неможна, стыдно»). Вместо ожидаемого любовного приключения путешественник получает ковшик «гадкого» чая с бараньим жиром, кусочек сушеной кобылятины и удар по голове «мусикийским орудием». Результатом встречи становится поспешный отъезд («Калмыцкая любезность мне

надоела, я выбрался из кибитки и поехал далее») и послание, которое в «путевых записках» не называется, но указывается, а место пропуска текста обозначается тройным тире («Вот к ней послание, которое вероятно никогда до нее не дойдет – – –»). Исследователями отмечено, что на месте пропуска подразумевалось стихотворное послание «Калмычке». Оно было сначала записано в дорожной первой Арзрумской тетради [7, с. 166], а затем впервые опубликовано в «Литературной газете» в 1830 г. (№ 38 от 5 июля). Кроме того, установлено, что в конце 1836 г. Пушкин подготовил план издания своих поэтических произведений, основанный на новом принципе, – не хронологическом, но жанровом и жанрово-тематическом. Сгруппировав тексты в писарских копиях, на обложке каждого раздела он собственноручно написал его название. Стихотворение «Калмычке» входит в раздел «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)»¹. На то, что в «путевых записках» 1829 г. есть указание на место для стихотворения «Калмычке», обращает внимание Я. Л. Левкович: «В запись от 15 мая необходимо включить стихотворение “Калмычке” – его место в дневнике сразу было определено самим Пушкиным» [13, с. 121, 133]. Место «послания» обозначено тройным тире после вводящей его в дневник фразы.

Однако, примечательнее все же его отсутствие в «кавказском дневнике», важен и смысловой пропуск, выраженный тире, благодаря чему создается уже в первом варианте описания эпизода встречи с калмычкой совмещение разных точек зрения на эпизод (поэзия и проза). Первая же строка стихотворения «Калмычке» – «Прощай, любезная калмычка!» – соотносится, с одной стороны, с ироничной фразой путешественника «калмыцкая любезность мне надоела», с другой стороны, отсылает к первой строчке стихотворения «К морю» – «Прощай, свободная стихия!» 1824 г. Функция автокоммуникации не только в самоиронии, ирония затрагивает и типичный романтический сюжет о встрече с дикой красавицей: мотивы свободы, дикой стихии никак не соотносятся с «прозаичной» встречей. Поэтическое «прощание» поэта с романтическим этапом своего творчества символически выражается и в «Калмычке». Об этом,

¹ В раздел входят следующие тексты, распределенные в хронологическом порядке: Дорожные жалобы. Калмычке. «На холмах Грузии лежит ночная мгла...». Монастырь на Казбеке. Обвал. Кавказ. Из Гафиза. Делибаш. Дон.

в частности, свидетельствует и описание внешности героини: узкие глаза, плоский нос, широкий лоб. По поводу этого портретного описания Д. Д. Благой заметил: «... если в "Кавказском пленнике" "природа", в лице "девы гор", представала в романтическом, идеализированном виде, здесь она дана такой, как есть. <...> Подобный этнографически точный женский портрет, конечно, был бы немислим ни в южных поэмах, ни вообще во всей предыдущей лирике Пушкина» [4, с. 358].

Включение эпизода с калмычкой в литературный контекст обнаруживает и связь с традицией сентиментализма, сюжетной ситуацией «Лизинго текста» («заезжий» дворянин добивается благосклонности местной крестьянской девушки, простолюдинки), сатирического ее изображения в «Путешествии...» А. Н. Радищева (о «валдайских развращенных девках», которые «всякого проезжающего останавливают и стараются возжигать в путешественнике любопытствие, воспользоваться его щедростью на счет своего целомудрия» [15, с. 466]), а также эпизод отсылает к «Станционному смотрителю» (о поцелуе Дуни, который не мог долго забыть случайный проезжий путешественник). Таким способом автор создает сложную игру с разными типами повествования.

В итоговом варианте описания, в тексте 1836 г. «Путешествия в Арзрум», эпизод с калмычкой ещё более усложняется и преобразовывается: устраняются подробности в описании внешности (остается только обобщенная характеристика – «молодая калмычка, собою очень недурная»), путешественник не обращается с просьбой его поцеловать, а только соглашается выпить ковшик «гадкого» чая с бараньим жиром и солью, закусывает кусочком сушеной кобылятины и уезжает. Таким образом исчезают какие-либо намеки на любовные отношения, симпатию, однако в конце эпизода путешественник резюмирует: «Калмыцкое кокетство испугало меня; я поскорее выбрался из кибитки и поехал от степной Цирцеи» [14, V, с. 427]. Калмычка из целомудренной девы, отказывающей проезжему в поцелуе, превращается в «степную Цирцею».

Аллюзивно возникает мифопоэтический подтекст, снижается и образ Цирцеи, волшебницы, способной своим зельем соблазнить и оставить у себя жить любого мужчину-путешественника, и сама сюжетная ситуация. У Пушкина

зелье превращается в «гадкий» чай с бараньим жиром, Цирцея – в калмычку, а соблазнение – в калмыцкое кокетство, и все завершается поспешным бегством путешественника. Калмычка, как и кавказский пленник, – герои литературных сюжетов – в травелоге преобразуются в постаревшего в неволе пастуха и несостоявшуюся возлюбленную, которую путешественник оставляет пить тошнотворный чай с бараньим жиром и солью. Образ «степной Цирцеи» пародирует как в отношении мифологического, так и романтического сюжета. Послание «Калмычке» также может рассматриваться как своего рода минус-прием.

О значимости изменений фрагмента существуют разные версии исследователей, связанные, в том числе, и с проблемой автора. Так, Сим Жиын считает, что это объясняется «маскировкой» автора: «автор-наблюдатель предпочитает в тексте “Путешествия” не раскрывать себя как поэта-профессионала» [16, с. 76], В. А. Кошелев, напротив, опровергает эту точку зрения и утверждает, что «“Путешествие в Арзрум” – это произведение документальной прозы, написанное **поэтом** (выделено. – В. К.), здесь текст насыщен поэтическими цитатами из разных эпох и на разных языках. К случаю же авторской “маскировки” можно отнести лишь включенный в текст “Путешествия...” замечательный пример постижения Пушкиным иного культурного и духовного опыта, его “протеизма” и “всемирной отзывчивости” – стихотворение “Стамбул гяуры нынче славят...”, представленное как “начало сатирической поэмы”, приписанной вымышленному “янычару Амин-Оглу”» [12, с. 270]. На наш взгляд, отсутствие упоминания о стихотворном послании калмычке в эпизоде встречи и прощания дополнительно значимо в контексте анализа всей структуры повествования травелога Пушкина «Путешествие в Арзрум». Это связано с тем, что послание все же появляется, но в другом фрагменте и выполняет иную функцию при описании осмотра только что завоеванной крепости Карс. Поэтическое послание калмычке выполняет в этой ситуации другую роль – официального документа, «письменного предписания»: «Мой армянин толковал мне как умел военные действия, коим сам он был свидетелем. Заметя в нем охоту к войне, я предложил ему ехать со мною

в армию. Он тотчас согласился. Я послал его за лошадьми. Он явился вместе с офицером, который потребовал от меня письменного предписания. Судя по азиатским чертам его лица, не почел я за нужное рыться в моих бумагах и вынул из кармана первый попавшийся мне листок. Офицер, важно его рассмотрев, тотчас велел привести его благородию лошадей по предписанию и возвратил мне мою бумагу; это было послание к калмычке, намаранное мною на одной из кавказских станций» [14, V, с. 423].

Важность и официальная роль офицера очевидно разрушается стилистически сниженным комментарием по поводу настоящего содержания бумаги (листка). А листок, в свою очередь, ещё раз напоминает читателю эпизод, в котором, пародируя романтический сюжет, герой бежит от калмычки, оставив несостоявшуюся возлюбленную пить тошнотворный чай с бараньим жиром и солью. По мнению Б. А. Кичиковой, «микросюжет о стихах, выданных за подорожную, вероятно, относится к той области пушкинского творчества, о которой нам известно лишь немного, – к его мастерству устного рассказа, сжатой в пружину устной новеллы, или анекдота, который он очень ценил как жанр». А травелог Пушкина, в связи с этим соотносится с биографическим контекстом, в котором эпизод с подорожной мог существовать «в качестве дорожного анекдота о всесии “бумаги” и находчивости путешественника» [7, с. 169]. Так автором выражается и ирония по поводу значимости и подлинности документального материала, и пародия на сентиментально-романтический сюжет, и самоирония автора над своими поэтическими экспериментами как результатом реального дорожного происшествия. В этом аспекте интересен комментарий исследователя о том, как отражается эпизод с калмычкой в эпистолярном наследии Пушкина. В одном из писем 1833 г. своей жене Пушкин иронически комментирует свое поведение: «Как я хорошо веду себя! как ты была бы мной довольна! за барышнями не ухаживаю, смотрительшей не щиплю, с калмычками не кокетничаю – и на днях отказался от башкирки, несмотря на любопытство, очень простительное путешественнику» [7, с. 169]. На «озорство» как «общее настроение, излучаемое стихотворением «Калмычке», указывает и Е. Г. Эткинд [20, с. 550].

Обсуждение и выводы

Таким образом, эпизод о встрече с калмычкой представляет в тексте Пушкина «Путешествие в Арзрум» совмещение разных точек зрения на событие путешествия, подтверждая синкретизм повествовательной модели. Отмеченная исследователями «маскировка» автора, с одной стороны, обнаруживает установку Пушкина как автора, рефлексирующего над процессом текстопорождения, ориентирующегося не только на общий литературный контекст (на сентиментально-романтическую традицию), но и на свои произведения, написанные до 1829 г. В связи с чем и послание «Калмычке» как отдельный стихотворный текст, и варианты его включения в версии травелога о путешествии на Кавказ становятся маркерами переосмысления литературной традиции, деромантизации, самоиронии и пародирования, указывают на изменения, отражающие эволюцию не только историко-литературного процесса XIX века, но и переходный этап в творчестве Пушкина – переход к реализму, тяготение к прозаизации. С другой стороны, деромантизируется и роль путешественника, который в травелоге позиционирует себя поэтом, но одновременно осознает несовершенство своих текстов (послание калмычке характеризуется фразой «намаранное мною на одной из кавказских станций»). Ирония рассказчика в свою очередь оказывается направленной на литературные шаблоны и штампы, выражающие специфику сентиментального и романтического типов сознания. Важно, что несостоятельность прежней чувствительной и романтизированной точек зрения на мир раскрывается в эпизоде описания военных действий, когда рассказчик выполняет роль военного, представителя русского войска. Ситуация войны нивелирует и сентиментально-романтические сюжеты, и значимость литературной деятельности как таковой.

Список литературы

1. Алексеев П. В. Ориентализация пространства в «Путешествии в Арзрум» А. С. Пушкина // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 382. – С. 5–12.
2. Багратион-Мухраели И. Л. Мотив чудесного исцеления в «Путешествии в Арзрум» А. С. Пушкина // Вестник ТвГУ. Сер. Филология. – 2013. – Вып. 6. – С. 160–167.

3. Банах И. В. К проблеме повествовательной объективности в «Путешествии в Арзрум» А. С. Пушкина // Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе (проблемы теоретической и исторической поэтики): материалы междунар. науч. конф. – Гродно: ГрГУ, 2003. – Ч. 2. – С. 7–13.
4. Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826–1830). – М.: Советский писатель, 1967. – 721 с.
5. Касумова М. Ю. Исследование Востока художественными средствами в жанре «путешествия» // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – Вып. № 3 (34). – С. 78–79.
6. Кичикова Б. А. «Ты не лепечешь по-французски...» (послание А. С. Пушкина «Калмычке»: из материалов к комментарию) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2015. – № 1. – С. 111–115.
7. Кичикова Б. А. Послание А. С. Пушкина «Калмычке» как историко-литературная проблема // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2015. – № 2. – С. 166–173.
8. Кичикова Б. А. Послание А. С. Пушкина «Калмычке»: аспекты жанрового своеобразие // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2015. – № 3. – С. 169–176.
9. Кичикова Б. А. Послание А. С. Пушкина «Калмычке»: из материалов к комментарию // Актуальные проблемы современного монголоведения: сб. науч. трудов. – Элиста: КИГИ РАН, 2015. – С. 196–204.
10. Комарович В. Л. К вопросу о жанре «Путешествия в Арзрум» // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. 3. – М.-Л., 1937. – С. 326–338.
11. Константинова Н. В. «Путешествие в Арзрум» А. С. Пушкина в истории развития документального травелога XIX века // Пушкинские чтения – 2023. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы XXVIII Междунар. науч. конф. / отв. ред. проф. Т. В. Мальцева. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. – С. 21–31.
12. Кошелев В. А. «Арзрум нагорный...» // Кошелев В. А. Пушкин: история и предание. Очерки. – СПб.: Академический проект, 2000. – С. 269–296.
13. Левкович Я. Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. – Л.: Наука, 1988. – 327 с.
14. Пушкин А. С. Путевые записки 1829 г. // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. – Т. VIII. – Кн. 2. – С. 1027–1046; дополненное к юбилею поэта: В 19 т. – М.: Воскресенье, 1994–1997.
15. Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Русская проза XVIII века. – М.: Художественная литература, 1971. – С. 397–550. (серия «Библиотека всемирной литературы»).
16. Сим Жиын. Образ пути и его значение в творчестве Пушкина: «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года»; «Стихи, сочиненные во время путешествия» // Русская литература. – 2003. – № 2. – С. 66–80.
17. Томашевский Б. Пушкин // Пушкин А. С. Сочинения / ред., биогр. очерк и прим. Б. Томашевского / вступит. ст. В. Десницкого. – Л.: ГИХЛ, 1935. – С. XXV–LXII.
18. Тынянов Ю. Н. О «Путешествии в Арзрум» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. – М.; Л., 1936. – С. 57–73.
19. Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790–1840 / пер. с англ. Д. Соловьева. – СПб.: Академический проект, 2004. – 272 с.
20. Эткинд Е. Г. Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 600 с.

Natalia Konstantinova

Journey to Arzrum by A. S. Pushkin: "The Case of the Kalmyk Woman" in the Aspect of De-romanticization and Auto-communication

The article examines the specifics of A. S. Pushkin's "creative laboratory" based on the material of the documentary travelogue *Journey to Arzrum*. The novelty of the research is the identification of ways to construct a plot situation in a documentary travelogue in the aspect of the author's problem. The plot situation "the case of the Kalmyk woman" is used as a material for analysis from the point of view of discovering ways to fictionalize documentary material, namely de-romanticization and auto-communication. Using the comparative method of analysis – comparing the "Caucasian diary" of 1829 and the final version – *Journey to Arzrum* of 1836 – allows us to see a number of significant changes in the description of the "Kalmyk case". The inclusion of the Kalmyk episode in the literary context also reveals a connection with the tradition of sentimentalism, the plot situation of the "Lisa's text", as well as its romantic variants. The revealed narrative experiments reveal a special author's reflection on the process of text generation, and on the general literary context (sentimental-romantic tradition), and on his works written before 1829, become markers of the evolution of Pushkin's work, de-romanticization, self-irony and parody, express the transition to realism, the tendency to prose.

Key words: plot situation, journey, author's attitude, de-romanticization, auto-communication, documentary travelogue, *Journey to Arzrum*.

For citation: Konstantinova, N. V. (2025) «Puteshestvie v Arzrum» A. S. Pushkina: «sluchaj s kalmychkoy» v aspekte deromantizatsii i avtokommunikatsii [Journey to Arzrum by A. S. Pushkin: "The Case of the Kalmyk Woman" in the Aspect of De-romanticization and Auto-communication]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 10–22. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2025_3_10. EDN: SLDOOB

References

1. Alekseev, P. V. (2014) Orientalizatsiya prostranstva v «Puteshestvii v Arzrum» A. S. Pushkina [Orientalization of space in A. S. Pushkin's "Journey to Arzrum"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Tomsk State University*. No. 382. Pp. 5–12. (In Russian).
2. Bagration-Mukhranelli, I. L. (2013) Motiv chudsnogo isceleniya v «Puteshestvii v Arzrum» A. S. Pushkina [The motive of miraculous healing in A. S. Pushkin's "Journey to Arzrum"]. *Vestnik TvGU – TvGU Bulletin*. Ser. Philology. Issue 6. Pp. 160–167. (In Russian).
3. Banach, I. V. (2003) K probleme povestvovatelnoy obektivnosti v «Puteshestvii v Arzrum» A. S. Pushkina [On the problem of narrative objectivity in A. S. Pushkin's *Journey to Arzrum*]. *Vzaimodeystvie literatur v mirovom literaturnom protsesse (problemy teoreticheskoy i istoricheskoy poetiki)* [Interaction of literatures in the world literary process (problems of theoretical and historical poetics)]. *Proceedings of the International Scientific Conference*. Grodno: GrSU, 2003. Part 2. Pp. 7–13. (In Russian).
4. Blagoy, D. D. (1967) *Tvorcheskiy put Pushkina (1826–1830)* [Pushkin's creative path (1826–1830)]. Moscow: Sovetskij pisatel' Publ. (In Russian).
5. Kasumova, M. Y. (2015) Issledovanie Vostoka xudozhestvennymi sredstvami v zhanre «puteshestviya» [Exploring the East by artistic means in the genre of "travel"]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal – International Scientific Research Journal*. No. 3 (34). Pp. 78–79. (In Russian).
6. Kichikova, B. A. (2015) «Ty ne lepechesh po-francuzski...» (poslanie A. S. Pushkina «Kalmychke» iz materialov k kommentariyu) ["You don't babble in French..." (A. S. Pushkin's message to "Kalmychka": from the materials for the commentary)]. *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN – Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences*. No. 1. Pp. 111–115. (In Russian).

7. Kichikova, B. A. (2015) Poslanie A. S. Pushkina «Kalmychke» kak istoriko-literaturnaya problema [Pushkin's Epistle to the Kalmyk Woman as a historical and literary problem]. *Vestnik Kalmykского института gumanitarnyx issledovanij RAN – Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanities Studies of the Russian Academy of Sciences*. No. 2. Pp. 166–173. (In Russian).
8. Kichikova, B. A. (2015) Poslanie A. S. Pushkina «Kalmychke» aspekty zhanrovogo svoe-obraziya [Pushkin's Message to the Kalmyk Woman: aspects of genre originality]. *Vestnik Kalmykского института gumanitarnyx issledovanij RAN – Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanities Studies of the Russian Academy of Sciences*. No. 3. Pp. 169–176. (In Russian).
9. Kichikova, B. A. (2015) Poslanie A. S. Pushkina «Kalmychke» iz materialov k kommentariyu [Pushkin's Message to the "Kalmyk Woman": from the materials for the commentary]. *Aktualnye problemy sovremennogo mongolovedeniya* [Actual problems of modern Mongolian studies. Collection of scientific papers]. Elista: KIGI RAS. Pp. 196–204. (In Russian).
10. Komarovich, V. L. (1937) K voprosu o zhanre «Puteshestviya v Arzrum» [On the issue of the genre of "Travels to Arzrum"]. *Pushkin. Vremennik Pushkinskoj komissii*. 3 [Pushkin. A temporary member of the Pushkin Commission. 3]. Moscow–Leningrad. Pp. 326–338. (In Russian).
11. Konstantinova, N. V. (2023) «Puteshestvie v Arzrum» A. S. Pushkina v istorii razvitiya dokumentalnogo traveloga XIX veka ["Journey to Arzrum" by A. S. Pushkin in the history of the development of the documentary travelogue of the XIX century]. *Pushkinskie chteniya – 2023. Xudozhestvennye strategii klassicheskoy i novoy slovesnosti zhanr avtor tekst* [Pushkin Readings – 2023. Artistic strategies of classical and new literature: genre, author, text]. Materials of the XXVIII International Scientific Conference, ed. by prof. T. V. Maltseva. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Pp. 21–31. (In Russian).
12. Koshelev, V. A. (2000) «Arzrum nagornyj...» ["Arzrum nagorny..."]. *Koshelev V. A. Pushkin istoriya i predanie. Ocherki* [Pushkin: history and tradition. The essays]. St. Petersburg: Akademicheskij proekt Publ. Pp. 269–296. (In Russian).
13. Levkovich, Ya. L. (1988) *Avtobiograficheskaya proza i pisma Pushkina* [Pushkin's autobiographical prose and letters]. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).
14. Pushkin, A. S. (1940) *Putevyje zapiski 1829 g.* [Travel notes 1829]. Pushkin A. S. Complete collected works: in 16 volumes. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1937–1949. Vol. VIII. Book 2. Pp. 1027–1046. Supplemented to the poet's anniversary: In 19 volumes. Moscow: Voskresenie Publ., 1994–1997. (In Russian).
15. Radishchev, A. N. (1971) *Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu* [Journey from St. Petersburg to Moscow]. *Russkaya proza XVIII veka* [Russian Prose XVIII century]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ. Pp. 397–550. (Series "Library of World Literature"). (In Russian).
16. Sim, Giyn (2003) *Obraz puti i ego znachenie v tvorchestve Pushkina* «Puteshestvie v Arzrum vo vremya poxoda 1829 goda» «Stihi sochinennye vo vremya puteshestviya» [The image of the way and its significance in Pushkin's work: "Journey to Arzrum during the 1829 campaign"; "Poems composed during the journey"]. *Russkaya literatura – Russian Literature*. No. 2. Pp. 66–80. (In Russian).
17. Tomashevsky, B. (1936) Pushkin [Pushkin]. *Pushkin A. S. Sochineniya. Red., biogr. ocherk i prim. B. Tomashevskogo. Vstupit. st. V. Desnickogo* [Pushkin A. S. Works. Editing, biographical essay and notes by B. Tomashevsky. Introductory article by V. Desnitsky]. Leningrad: Hudozhestvennaya literatura Publ. Pp. XXV–LXII. (In Russian).
18. Tynyanov, Yu. N. (1936) O «Puteshestvii v Arzrum» [On "Journey to Arzrum"]. *Pushkin. Vremennik Pushkinskoj komissii* [Pushkin: The Time of the Pushkin Commission]. Moscow; Leningrad. Pp. 57–73. (In Russian).
19. Schenle, A. (2004) *Podlinnost i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoj literatury puteshestvij 1790–1840* [Authenticity and fiction in the author's self-awareness of Russian travel literature 1790–1840]. St. Petersburg: Academic Project Publ. (In Russian).
20. Etkind, E. G. (1999) *Bozhestvennyj glagol Pushkin prochitannyj v Rossii i vo Francii* [The Divine Verb: Pushkin, read in Russia and France]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury Publ. (In Russian).

Об авторе

Константинова Наталья Владимировна, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, Новосибирский государственный педагогический университет, доктор филологических наук, доцент (г. Новосибирск, Российская Федерация); e-mail: scribe2@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-7329-9977

About the Author

Natalia Konstantinova, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Methods of Teaching Literature, Novosibirsk State Pedagogical University, Doctor of Philology, Associate Professor (Novosibirsk, Russian Federation); e-mail: scribe2@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-7329-9977

дата получения: 02.07.2025 г.
дата принятия: 30.07.2025 г.
дата публикации: 30.09.2025 г.

date of receiving: 02 July 2025
date of acceptance: 30 July 2025
date of publication: 30 September 2025

С. А. Самолетов

Публицистика советских писателей, проживавших в г. Пушкине (бывшее Царское Село) в 1938–1941 годах, на страницах районной газеты «Большевистское слово»

В статье рассматривается публицистическая деятельность советских писателей, проживавших в городе Пушкине (бывшее Царское Село) в предвоенные годы. В качестве материала исследования выбраны публикации на страницах районной газеты «Большевистское слово». Литераторы (А. Н. Толстой, В. Я. Шишков, А. Р. Беляев, Ю. Н. Тынянов и другие) активно сотрудничали с местной газетой, участвуя в обсуждении актуальных вопросов общественно-политической жизни, выступая с собственными проектами и предложениями по сохранению культурного наследия города и организации просветительской работы среди его жителей, а также публикуя свои литературные произведения (рассказы, отрывки из романов). Поскольку многие документы, связанные с жизнью писателей, были утрачены во время немецко-фашистской оккупации города, сохранившиеся в подшивках газетные публикации представляют безусловный интерес для исследователей.

Ключевые слова: Царское Село, город Пушкин, город муз, советские писатели, А. Н. Толстой, В. Я. Шишков, А. Р. Беляев, Ю. Н. Тынянов.

Для цитирования: Самолетов С. А. Публицистика советских писателей, проживавших в г. Пушкине (бывшее Царское Село) в 1938–1941 годах, на страницах районной газеты «Большевистское слово» // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 3. – С. 23–37. DOI: 10.35231/25419803_2025_3_23. EDN: VEGJQS

История города Пушкина (прежние названия Царское Село, затем Детское Село) как императорской резиденции хорошо известна и до сих пор составляет основное содержание экскурсий для многочисленных туристов, посещающих город. Менее известна его литературная история. Для многих она связана лишь с именами А. С. Пушкина и его друзей-лицеистов. Между тем в XIX – первой половине XX века город представлял собой настоящую Мекку для писателей и поэтов.

Ольга Форш называла Царское Село городом «коронованных правителей и некоронованных гениев» [7, с. 21].

В последние годы исследователи стали уделять больше внимания литературной истории города. Особо необходимо отметить местных краеведов. В самом центре города находится интереснейший историко-литературный музей, основанный в 1977 году¹. В марте 1996 года создано и до настоящего времени активно работает местное издательство «Серебряный век»², специализирующееся на выпуске книг по краеведению, истории, литературоведению. На данный момент издательством выпущено около 200 наименований печатной продукции. Теме истории и краеведения уделяет особое внимание редакция районной «Царскосельской газеты». На сайте газеты в разделе «Архивариус» можно найти множество интереснейших статей о людях и событиях, связанных с Царским Селом³.

Тем не менее, если говорить о литературной истории города, особенно в период после революции и до начала Великой Отечественной войны, то в его летописи остается немало белых пятен. Отдельные разрозненные факты можно найти в воспоминаниях самих писателей, их родственников и друзей. Среди наиболее интересных: сборник «Воспоминания об А. Н. Толстом» [5], мемуары С. А. Беляевой [3], Д. А. Толстого [12], О. П. Гончаровой [7], И. Л. Андроникова [1]. Значительный интерес представляют также работы современных исследователей Г. Г. Бунатян [4], Н. А. Давыдовой и Г. Ф. Груздевой [13], Н. Корниловой⁴, В. М. Цыпина [14], А. П. Гаврина [6] и других.

Материалы и методы

Одна из причин слабой изученности данного периода – утрата многих документов во время оккупации города немецко-фашистскими войсками в 1941–1944 гг. По этой причине подшивки районной газеты «Большевицкое слово», выходявшей с 1938 по 1941 год, могут служить важным источником информации для исследователей. Помимо крупней-

¹ Историко-литературный музей города Пушкина. Электронный ресурс. URL: <https://ilmp.ru/> (дата обращения: 13.04.2025).

² Издательство «Серебряный век». Электронный ресурс. URL: <https://vk.com/public218157608> (дата обращения: 13.04.2025).

³ Царскосельская газета. Электронный ресурс. URL: <http://pages-zg.ru/?cat=45> (дата обращения: 13.04.2025).

⁴ Корнилова Н. Писатель-фантаст Александр Беляев в Детском Селе – городе Пушкине // «Царскосельская газета». 2017. № 2. Электронный ресурс. URL: <http://pages-zg.ru/?p=718> (дата обращения: 13.04.2025).

ших научных библиотек (РГБ, РНБ), подшивки сохранились в редакции «Царскосельской газеты», цифровые копии можно посмотреть в районной библиотеке имени Д. Н. Мамина-Сибиряка города Пушкина. Именно они послужили основным материалом нашего исследования.

В исследовании использованы публикации пушкинских краеведов, материалы, представленные в Историко-литературном музее города Пушкина, исследования, посвященные творчеству писателей, чьи имена представлены в предлагаемой статье.

Результаты

«Трудно найти в мире более литературное место, чем Царское Село. Из великих поэтов, пожалуй, лишь Лермонтов ничего не написал о Царском»¹ (хотя служил здесь в Гусарском полку в 1834–1837 и в 1838–1840 гг., поэтому одна из улиц города долгое время носила название улицы Лермонтова (ныне Гусарская улица). Напомним, что именно в эти годы было написано стихотворение «Смерть поэта» и роман «Герой нашего времени». – С. С.).

Великих поэтов золотого века сменили поэты и писатели века серебряного. В городе сохранились здания женской Мариинской гимназии, где училась А. Ахматова, и мужской Николаевской гимназии, выпускниками которой были Н. Гумилёв, братья Оцупы, Вс. Рождественский и др., а директором И. Ф. Анненский². Наконец, после революции город стал любимым местом для жизни и творчества советских писателей, самыми известными из которых были А. Н. Толстой, В. Я. Шишков, Ю. Н. Тынянов, О. Д. Форш, А. Р. Беляев, критик и литературовед Р. В. Иванов-Разумник. Последние двое оставались в Пушкине в годы оккупации немецко-фашистскими войсками. Александр Беляев скончался в 1942 году и похоронен на Казанском кладбище города (там же находится могила О. Д. Форш). Иванов-Разумник был перемещен в Германию, где скончался в Мюнхене в 1946 году³.

¹ Шеваров Д. Что значит Царское Село для русской литературы // Российская газета. 2016. 3 ноября. Электронный ресурс. URL: <https://rg.ru/2016/11/03/chto-znachit-carskoe-selo-dlia-russkoj-literatury.html> (дата обращения: 11.04.2025).

² Биографические статьи // Сайт музея Николаевской гимназии. Электронный ресурс. URL: <https://mng.ctit.ru/статьи> (дата обращения: 11.04.2025).

³ Разумник Васильевич Иванов-Разумник // Сайт Национальной Российской библиотеки. Электронный ресурс. URL: https://expositions.nlr.ru/proriv_blokada/ivanov-razumnik.php (дата обращения: 13.04.2025).

Здания, в которых проживали писатели, удалось сохранить, хотя во время войны они серьезно пострадали. Дома В. Я. Шишкова и А. Р. Беляева являются жилыми, о том, что здесь жили и работали писатели, напоминают только мемориальные доски. Дом А. Н. Толстого по адресу улица Церковная, д. 6 (до революции принадлежавший сербскому дворянину В. И. Вуичу) передан Историко-литературному музею города Пушкина. Сейчас там идет реставрация, по окончании которой в нем предполагается открыть литературный музей. Сам А. Н. Толстой проживал в этом доме в 1930–1938 гг. Именно здесь написаны «Золотой ключик», отдельные части романов «Петр I» (и сценарий к фильму), «Хождение по мукам».

Кроме того, «дом в конце 1920-х и в 1930-х годах стал центром детскосельской художественной „колонии“. Писатели, журналисты, артисты, композиторы, ученые – детско-сёлы и приезжавшие из Ленинграда и других городов – все любили бывать у этого остроумного и общительного человека. Здесь жили, работали и бывали в гостях у писателя: М. А. Бонч-Бруевич, А. Ф. Иоффе, Н. Н. Качалов, Б. Л. Лавренев, К. С. Петров-Водкин, В. А. Рождественский, П. П. Сойкин, О. Д. Форш, Ю. А. Шапорин, П. Е. Щеголев, В. Я. Шишков, А. Р. Беляев, М. М. Зощенко, В. А. Каверин, Н. С. Тихонов, Е. В. Тарле, Ю. Н. Тынянов, И. Г. Эренбург. В Детском Селе Толстой познакомился с известной советской балериной Галиной Улановой»¹. После переезда А. Н. Толстого в Москву в 1938 году в здании был организован Дом творчества ленинградских писателей, просуществовавший до начала войны. «Многие советские писатели, поэты, литературоведы, критики в предвоенные годы работали и отдыхали в Пушкинском Доме творчества. Здесь побывали: И. Эренбург, Б. Лавренев, Н. Тихонов, Н. Чуковский, Н. Никитин, М. Зощенко, В. Каверин, М. Слонимский, А. Гитович, Б. Эйхенбаум, драматург А. Штейн, крупнейший историк академик Е. Тарле, известный переводчик М. Лозинский и другие»².

Помимо литературной работы, писатели принимали активное участие в общественной жизни города. Тот же А. Н. Тол-

¹ Дом А. Толстого // Сайт Историко-литературного музея города Пушкина. Электронный ресурс. URL: <https://project7282074.tilda.ws/page36930426.html> (дата обращения: 11.04.2025).

² Там же.

стой в 1933–34 гг. являлся депутатом Детскосельского городского совета. По этой причине, когда в 1938 году в Пушкине стала выходить районная газета «Большевицкое слово», писатели начали активно сотрудничать с редакцией. Первый номер газеты вышел 5 марта 1938 года. Заголовки статей сразу погружают нас в ту трагическую эпоху: «Подлая банда убийц и шпионов» (перепечатка передовицы из «Правды»), «Смерть бандитам», «Никакой пощады взбесившимся гадам!», «Уничтожить выродков человечества». Как известно, со 2 по 13 марта проходил Третий Московский процесс над группой бывших руководителей партии и государства во главе с Н. И. Бухариным и А. И. Рыковым. Подобно другим советским изданиям, «Большевицкое слово» с первого номера активно включилось в процесс травли опальных лидеров, публикуя гневные отклики представителей общественности.

К чести советских писателей, проживавших в Пушкине, нужно сказать, что нам не удалось найти на страницах газеты ни одного подобного «отклика», подписанного кем-либо из них. Вместе с тем, в газетной публицистике писателей, конечно, отражались настроения и реалии того непростого времени. Так, в номере 150 (273) от 21 декабря 1939 года, посвященном 60-летию со дня рождения «вождя народов» Сталина, наряду с другими были опубликованы «поздравления» писателей: «Сталинская забота о людях» А. Р. Беляева и «Великий Сталин бессмертен» В. Я. Шишкова. К сожалению, газета стала издаваться только в 1938 году, то есть в последние годы пребывания писателей в Пушкине. В апреле 1938 года А. Н. Толстой переехал в Москву. С другой стороны, А. Р. Беляев в том же 1938 году вернулся в Пушкин и не покидал его уже до своей смерти, активно сотрудничая с газетой.

С началом войны Дом творчества писателей был закрыт, а после освобождения Пушкина и восстановления здания здесь разместился детский сад. Тем не менее еще до отъезда имя А. Н. Толстого успело несколько раз появиться на страницах газеты. Уже в № 7 от 18 марта было опубликовано его письмо под заголовком «Бережно сохранять национальные сокровища». «Трудно объяснить, – писал А. Н. Толстой, – каким образом на двадцать первом году советской власти под Ленинградом, с его новостроющимися проспектами, асфальто-

выми улицами, – рядом, под боком, – в 25 километрах, гибнут всеми забытые национальные сокровища. Гибнут парки, каких нет в Европе. Гибнут постройки и скульптуры в этих парках, гибнут такие изумительные создания архитектурного гения, как Екатерининский дворец...» (Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация оригинальных текстов. – С. С.).

Чуть позже эта тема была вновь поднята уже в коллективном письме писателей «Сохранить памятники пушкинских мест», опубликованном в № 66 от 8 августа 1938 года и подписанном А. Н. Толстым, Ю. Н. Тыняновым, В. Я. Шишковым, С. Семеновым, Ал. Дымшицем, Инн. Оксеновым, В. Мануйловым, Г. Тарасовым. В письме можно найти такие строки о состоянии Пушкинского лицея и других пушкинских мест в городе: «Однако и лицей, и парк, и дача Китаева в настоящее время находятся в состоянии, близком к разрушению. Здание лицея, занятое под частные квартиры, не ремонтировалось десятки лет и чрезвычайно запущено. В четвертом этаже перед комнатой, в которой жил Пушкин-лицеист, устроена дощатая уборная. Стены квартир, коридоров и лестниц отсырели и загрязнены, окна выбиты. Разрушен также и бывший дом Китаева (ныне музей „Дача А. С. Пушкина“. – С. С.): он перенаселен до крайности и неблагополучен в пожарном отношении <...>. Известная статуя „Девушка с кувшином“, воспетая Пушкиным, служит водоемом для расположенных вокруг нее торговых палаток».

В дальнейшем тема защиты исторических памятников оставалась в центре внимания писателей. Так, в № 73 от 27 августа 1938 года был опубликован материал Г. Антонова с таким же заголовком «Сохранить памятники пушкинских мест», в котором сообщалось, что «недавно во дворцах-музеях получена следующая телеграмма: „Прошу в течение трех дней сообщить данные о состоянии музеев и парков и необходимых мерах и средствах для ремонта. Депутат Верховного Совета СССР А. Толстой“». Автор публикации писал, что, в отличие от А. Н. Толстого, органы власти города не предпринимают никаких шагов, чтобы обеспечить сохранность памятников и архитектурных ансамблей. В первых двух номерах газеты за 1939 год критика местных властей со стороны писателей продолжилась. В № 1 (124) от 1 января 1939 года можно прочитать новогоднюю фантазию А. Р. Беляева «Визит Пушкина»

(первая публикация). В рассказе-фельетоне идет речь о посещении ответственного сотрудника Пушкинского райсовета Ванина самим Александром Сергеевичем, который захотел осмотреть парки и город. Экскурсия совсем не впечатлила поэта. «Директор поспешил увести Пушкина по усыпанным бумажками, папиросными коробками и окурками дорожкам к прудам. Увы, они не сияли, а заросли тиной... Пошли в Лицей. Поднимаясь по знакомым лестницам, Пушкин вновь оживился. Только нос его наморщился. На лестницах был сор, пахло кошками, щами и еще чем-то нехорошим. На одной площадке ребята, выбежавшие из двери квартиры, едва не сбили Пушкина с ног, на повороте коридора с ним столкнулась женщина, несшая ночной горшок...» А в следующем № 2 (125) от 4 января 1939 года было опубликовано новое обращение представителей пушкинской интеллигенции «Сделаем город Пушкин достойным этого великого имени», которое в числе прочих подписал В. Я. Шишков. В материале вновь был подвергнут критике пушкинский райсовет и заявлено о необходимости принять срочные меры для сохранения исторического наследия города.

Напомним, что это было время, когда многие исторические памятники в стране уничтожались. В частности, 10 июня 1939 года был взорван главный городской храм – собор Святой Екатерины (ныне восстановлен). Таким образом, не будет преувеличением сказать, что в том числе благодаря неравнодушию и гражданскому мужеству советских писателей мы имеем сегодня возможность наслаждаться красотой пушкинских парков и дворцов и посещать места, связанные с именем величайшего русского поэта.

Несмотря на то, что А. Н. Толстой покинул город, газета еще долгое время считала его «своим». Например, в № 114 от 9 декабря 1938 года опубликованы фото с митинга московской интеллигенции, при этом газета отдельно упоминает писателя и публикует его фото. В № 15 (138) от 4 февраля 1939 года, в сообщении о награждении 172 советских писателей, редакция отдельно выделяет имена А. Н. Толстого и В. Я. Шишкова.

С 1918 по 1936 год город носил название Детское Село. Оно появилось не случайно – здесь были основаны многочисленные детские колонии: на дачах княгини Юсуповой и Палей,

в особняке графа Гудовича, других домах, ранее принадлежавших дворянским семьям. «Сама идея превращения одного из пригородов Петрограда в образцовый „детский городок” окончательно утвердилась весной 1918 года. Большевики ставили перед собой грандиозную задачу – воспитать „нового человека”. В этих обстоятельствах дошкольному образованию уделялось особенное внимание. Новой формой воспитания и образования должны были стать детские трудовые колонии или коммуны. Главным местом для создания образцовых детских трудовых колоний было выбрано Царское Село»¹. Идея создания в городе «Детской образцовой оздоровительной колонии» принадлежала А. В. Луначарскому, а первый эшелон с больными голодными беспризорными детьми, прибывшими в Царское Село, сопровождала его первая жена Анна Александровна Луначарская [6, с. 119]. Луначарский считал, что в городе можно разместить до 5000 детей [9, с. 60].

Со временем детские колонии были закрыты или перепрофилированы, однако идея сделать Пушкин местом для развития детского творчества сохранила свою привлекательность. В частности, ее активно пропагандировал автор «Человека-амфибии» Александр Романович Беляев. На страницах газеты писатель высказал предложение о создании в Александровском парке детского парка чудес, где можно было бы отдохнуть, погрузиться в мир научных открытий². Этот проект активно обсуждался на страницах газеты³. Авторы этих публикаций в целом поддержали предложение А. Р. Беляева, хотя и обратили внимание на существующие технические и финансовые сложности. Интересно, что автором последней публикации была Любовь Циолковская, насколько мы можем судить, старшая дочь К. Э. Циолковского. Известно, что К. Э. Циолковский высоко оценивал произведения А. Р. Беляева и состоял с ним в переписке⁴, а его дочь в 1930-е годы, после смерти отца, вела активную переписку с теми, кто

¹ Трошин Д. «Не Царское Село – к несчастью, а Детское Село, ей-ей!» // Царскосельская газета, № 44 от 29.11.2018. Электронный ресурс. URL: <http://pages-zg.ru/?p=2985> (дата обращения: 13.04.2025).

² Корнилова Н. Писатель-фантаст Александр Беляев в Детском Селе – городе Пушкине // Царскосельская газета. 2017. № 2. URL: <http://pages-zg.ru/?p=718> (дата обращения: 13.04.2025).

³ См., например, публикации «О предложении А. Беляева организовать «Парк чудес» (№ 9 (132) от 20 января 1939 года) и «О парке чудес» (№ 18 (141) от 10 февраля 1939 года).

⁴ Корнилова Н. Писатель-фантаст Александр Беляев в Детском Селе – городе Пушкине // Царскосельская газета. 2017. № 2. Электронный ресурс. URL: <http://pages-zg.ru/?p=718> (дата обращения: 13.04.2025).

изучал наследие ученого и пропагандировал его труды¹. Хотя идеи и работы Константина Эдуардовича к тому времени уже активно изучались специалистами, а сам он в 1932 году в связи с 75-летием был награжден орденом Трудового Красного Знамени, до настоящего признания было еще далеко. Тем важнее оценка, которую дал ему и его трудам выдающийся советский писатель-фантаст.

В № 113 (236) от 28 сентября 1939 года «Большевистского слова» была опубликована статья А. Р. Беляева «Великий транспортник», посвященная памяти К. Э. Циолковского в связи с четвертой годовщиной со дня его смерти. В ней он называет Циолковского «патриархом звездоплавания» и выражает твердую уверенность в скором осуществлении его проектов, хотя «Циолковского даже в наше время некоторые люди склонны считать, – пусть гениальным, пусть научным, – но фантастом, мечтателем».

Чуть позже в районной газете была помещена статья А. Р. Беляева «Досуг детей» (№ 20 (143) от 16 февраля, № 23 (146) от 21 февраля и № 31 (154) от 12 марта 1939 года). В ней писатель в очередной раз излагает свою позицию относительно того, какие кружки, секции, интересные мероприятия можно было бы организовать для детей в городе. Из текста статьи становится ясно, что Александр Романович очень внимательно следил за школьной жизнью, знал не понаслышке, чем увлекаются дети, и, кроме того, был прекрасным знатоком истории края. «Выезжая из Ленинграда в город Пушкин, пассажир видит за городской чертой однообразную, плоскую, местами заболоченную равнину, – пишет А. Р. Беляев. – Многие ли знают, что это древнее дно послеледникового пресноводного бассейна – Анцилового озера. Проехав станцию Шушары, из правых окон можно увидеть возвышенную гряду. Это терраса – древний берег еще более раннего существовавшего здесь бассейна – Иольдиева моря». К сожалению, проект создания в городе парка чудес так и не удалось реализовать сначала по причине отсутствия возможностей, а потом из-за начавшейся Великой Отечественной войны.

¹ Костин А. В. Любовь Константиновна Циолковская – верный помощник отца // Сайт Государственного музея истории космонавтики имени К. Э. Циолковского. Электронный ресурс. URL: <https://gmik.ru/2017/10/02/lyubov-konstantinovna-tsiolkovskaya-vernyiy-pomoshchnik-ottsa/> (дата обращения: 13.04.2025).

Ну и, конечно, многие публикации в газете, подписанные именами писателей, представляли собой их литературные произведения. Писатели охотно передавали в газету свои рассказы, отрывки из романов и даже целые романы. Часть публикаций представляют собой статьи, так или иначе связанные с литературными произведениями или событиями. Самая крупная публикация такого рода – роман А. Р. Беляева «Лаборатория Дубльвэ». Начало романа было помещено в № 4 (127) от 8 января 1939 года, публикация продолжалась до 6 марта 1939 года и была остановлена в связи с начавшимся размещением в газете материалов XVIII съезда ВКП(б).

В № 38 от 6 июня 1938 года ко дню рождения А. С. Пушкина был опубликован отрывок из романа «Пушкин» Ю. Н. Тынянова. Речь идет о конце первой главы первой части, где Петр Абрамович Ганнибал посещает семью С. Л. Пушкина и впервые видит внука.

В августе–сентябре 1938 года в нескольких номерах газеты был опубликован рассказ В. Я. Шишкова «Чертознай», а в № 3 (126) от 6 января 1939 года – рассказ «Полет». В № 35 от 30 мая 1938 года напечатана статья В. Я. Шишкова «Гениальное творение русского народа», посвященная «Слову о полку Игореве», 750-летие которого отмечалось в этом году.

Журналисты газеты охотно общались с писателями и посещали их дома. В частности, в № 25 от 5 мая 1938 года опубликован материал под заголовком «У Вячеслава Яковлевича». Шишков рассказывает корреспонденту газеты о работе над романом «Емельян Пугачев», которая к тому времени, как следует из материала, подходила к концу: о том, как возникла идея его написания, с какими сложностями пришлось столкнуться. Перечисляются наиболее яркие исторические факты, использованные в романе.

В 1940 году количество публикаций, подписанных именами советских писателей, несколько сократилось. Активнее всех публиковался в «Большевистском слове» А. Р. Беляев. По-прежнему в газете печатались как литературные произведения писателя, так и публицистические статьи. В их числе: рассказ «Анатомический жених» (№ 18 (293) от 12 февраля); статьи, посвященные памяти выдающихся ученых и писателей – И. П. Павлова («Гениальный ученый», № 23 (300)

от 27 февраля), М. В. Ломоносова («Михайло Ломоносов», № 43 (320) от 16 апреля), Жюль Верна («Жюль Верн», № 34 (311) от 24 марта), Фритьофа Нансена («Герой-победитель, № 55 (332) от 15 мая). Кроме того, Александр Романович продолжал продвигать свой проект организации летнего детского отдыха («Парки летом», № 15 (292) от 6 февраля), выступал в защиту памятников культуры, русского языка, а также публиковал научно-популярные статьи о различных научных явлениях и изобретениях («Капризы климата», № 10 (287) от 25 января; «Рождение радио», № 52 (329) от 8 мая).

Большую дискуссию вызвала статья В. Я. Шишкова и выдающегося русского и советского литературоведа Л. Р. Когана «Культура и общественность» (№ 13 (290) от 2 февраля), в которой авторы констатировали, что «культурная работа в городе Пушкине развита слабо. Районный Дом культуры и городская библиотека, которые должны быть центром ее, явно не на высоте задачи». Это оценку поддержал и А. Р. Беляев, опубликовав свой отклик на статью «Еще о библиотеке» (№ 17 (294) от 10 февраля): «Библиотека не только не стоит на той высоте, на которой она должна стоять в городе, носящем имя Пушкина и имеющем огромное количество студентов и научных работников, но и далеко уступает многим районным и даже заводским библиотекам, – пишет А. Р. Беляев. – Нельзя назвать удачным само место и здание, полутемное и мрачное. Нет вешалки, нет сторожа. Бывали случаи, когда читатели приходили... с лыжами, потому что оставить их негде. Отсутствие охраны ведет к частым хищениям книг. Дети толпятся в прихожей, кричат и мешают читать и работать. Количество книг для города Пушкина – постыдно мало. Журналов не хватает. Экономические, например, совсем не выписываются, а спрос на них велик. Научных и научно-популярных также почти нет».

В завершение приведем интересную деталь. В подшивке «Большевистского слова» за 1940 год, хранящейся в редакции современной «Царскосельской газеты», оказался номер с разметкой гонорара (№ 1 (278) от 1 января). Раньше такая разметка в редакциях часто делалась прямо на экземпляре газеты. Поверх каждого материала ответственный секретарь или редактор писали сумму авторского вознаграждения за публикацию. Гонорар «писателя-орденоносца В. Я. Шишкова»

за публикацию «Новые произведения» (короткое сообщение о собственных планах на новый 1940 год объемом 50 строк) составил 25 рублей. Материалы похожего объема других авторов, расположенные рядом, оценены в 10 и 15 рублей.

Сотрудничество советских писателей с районной газетой города Пушкина продолжалось вплоть до начала Великой Отечественной войны и в первые дни обороны. «Труд – создает, война – разрушает... Нам навязали войну-разрушительницу, – писал А. Р. Беляев в своей последней публикации 26 июня 1941 г. – Что же? Будем „разрушать разрушителей“. Наша доблестная Красная Армия докажет вероломному врагу, что рабочие и крестьяне умеют не только строить заводы и фабрики, но и разрушать „фабрики войны“. Какие бы тяжелые испытания не пришлось нам пережить, армия великого народа не сложит оружия, пока враг не будет отброшен и уничтожен».

18 сентября 1941 года город Пушкин был захвачен немецко-фашистскими войсками и освобожден только 24 января 1944 года. Выпуск газеты стал невозможен. Многие памятники города за время оккупации были разрушены, в том числе связанные с жизнью писателей. В настоящее время продолжается процесс восстановления этих памятников, а вместе с ним и литературной истории города.

Обсуждение и выводы

Публикации советских писателей в районной газете «Большевикское слово» представляют собой интереснейший материал для изучения не только их биографий и собственного творчества, но и повседневной жизни города Пушкина в предвоенные годы. Из этих публикаций мы узнаем множество интересных фактов и деталей, позволяющих составить представление о том, как бывшая царская резиденция постепенно превращалась в крупный советский город со своей спецификой. Эта специфика заключается, в частности, в том, что здесь до сих пор отсутствует крупная промышленность. Город удалось сохранить как культурно-исторический заповедник, центр сельскохозяйственной науки, крупнейший туристический объект. В этом немалая заслуга советских писателей, которые принимали активное участие в общественно-политической жизни, боролись за сохранение

культурно-исторического наследия, выступали с собственными предложениями и проектами. Сегодня их именами названы пушкинские улицы и бульвары. Кроме того, данные публикации представляют интерес для исследователей советской литературы XX века. Большинство материалов не перепечатывались нигде, отсутствуют в библиографических каталогах и остаются вне поля зрения литературоведов и историков литературы. Между тем их ценность для понимания особенностей эпохи и творчества писателей, представлявших эту эпоху в истории отечественной литературы, очевидна.

Список литературы

1. Андроников И. Л. Всё живо... – М.: АСТ, 2018. – 448 с.
2. Бар-Селла З. Александр Беляев. – М.: Молодая гвардия, 2013. – 428 с.
3. Беляева С. А. Воспоминания об отце. – СПб.: Серебряный век, 2009. – 96 с.
4. Бунатян Г. Г. Город муз: Литературные памятные места города Пушкина. – 2-е изд., испр. и доп. – Л.: Лениздат, 1987. – 222 с.
5. Воспоминания об А. Н. Толстом / сост. З. А. Никитина, Л. И. Толстая. – М.: Советский писатель, 1973. – 464 с.
6. Гаврин А. П. Город, овеянный славой. – СПб.: Статус, 2010. – 408 с.
7. Гончарова О. П. «Рядом Царское Село и рядом Павловск...» Ольга Форш в Тярлево. – СПб.: Серебряный век, 2023. – 88 с.
8. Город Пушкин. Историко-краеведческий очерк-путеводитель / сост. Г. К. Козьмян. – СПб.: Лениздат, 1992. – 315 с.
9. Демьянов И. И. Слово о городе Пушкине. – Л.: Лениздат, 1972. – 112 с.
10. Рождественский Вс. Город моего детства. – СПб.: Серебряный век, 2012. – 159 с.
11. Семенова Г. Царское Село: знакомое и незнакомое. – М.: ЦентрПолиграф, 2009. – 672 с.
12. Толстой Д. А. Для чего всё это было. Воспоминания. – СПб.: Библиополис, 1995. – 623 с.
13. Царскосельский некрополь / под ред. Давыдовой Н. А., Груздевой Г. Ф. – СПб.: Серебряный век, 2014. – 280 с.
14. Цыпин В. М. Город Пушкин в годы войны. – СПб.: Genio Loci, 2010. – 328 с.

Sergey Samoletov

The Journalism of Soviet Writers Who Lived in Pushkin (Formerly Tsarskoye Selo) in 1938–1941, on the Pages of the Regional Newspaper "Bolshevistskoye Slovo"

The article examines the journalistic activities of Soviet writers who lived in the city of Pushkin (formerly Tsarskoye Selo) in the pre-war years. The publications on the pages of the regional newspaper "Bolshevistskoye slovo" were selected as the research material. Writers (A. N. Tolstoy, V. Ya. Shishkov, A. R. Belyaev, Yu. N. Tynyanov and others) actively collaborated with the local newspaper, participating in the discussion of topical issues of socio-political life, coming up with their own projects and proposals for preserving the cultural heritage of the city and organizing educational work among its residents, as

well as publishing their literary works (short stories, excerpts from novels). Since many documents related to the writers' lives were lost during the Nazi occupation of the city, the newspaper publications preserved in the files are of great interest to researchers.

Key words: Tsarskoye Selo, Pushkin, the city of muses, Soviet writers, A. N. Tolstoy, V. Ya. Shishkov, A. R. Belyaev, Yu. N. Tynyanov.

For citation: Samoletov, S. S. (2025) Publicistika sovetskikh pisatelej, prozhivavshih v g. Pushkine (byvshee Carskoe Selo) v 1938–1941 godah, na stranicah rajonnoj gazety «Bol'shevistskoe slovo» [The Journalism of Soviet Writers Who Lived in Pushkin (Formerly Tsarskoye Selo) in 1938–1941, on the Pages of the Regional Newspaper "Bolshevistskoye Slovo"]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 23–37. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2025_3_23. EDN: VEGJQS

References

1. Andronikov, I. L. (2018) *Vsyo zhivo...* [Everything is alive...]. Moscow: AST Publishing House. (In Russian).
2. Bar-Sella, Z. (2013) *Aleksandr Belyaev* [Alexander Belyaev]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ. (In Russian).
3. Belyaeva, S. A. (2009) *Vospominaniya ob otce* [Memories of her father]. St. Petersburg: Serebryanyj vek Publ. (In Russian).
4. Bunatyan, G. G. (1987) *Gorod muz: Literaturnye pamyatnye mesta goroda Pushkina* [The City of the Muses: Literary memorials of the city of Pushkin]. 2-e izd., ispr. i dop. Leningrad: Lenizdat Publ. (In Russian).
5. Nikitina, Z. A., Tolstaya, L. I. (1973) (eds.) *Vospominaniya ob A. N. Tolstom*. Moscow: Sovetskij pisatel' Publ. (In Russian).
6. Gavrin, A. P. (2010) *Gorod, oveyannyj slavoj* [The city is covered with glory]. St. Petersburg: Status Publ. (In Russian).
7. Goncharova, O. P. (2023) «*Ryadom Carskoe Selo i ryadom Pavlovsk...*» Ol'ga Forsh v Tyarlevo [“Near Tsarskoye Selo and near Pavlovsk...” Olga Forsh in Tyarlevo]. St. Petersburg: Serebryanyj vek Publ. (In Russian).
8. Koz'myan, G. K. (1992) (ed.) *Gorod Pushkin. Istoriko-kraevedcheskij ocherk-putevoditel'* [The city of Pushkin. Historical and local history essay-guide]. St. Petersburg: Lenizdat Publ. (In Russian).
9. Dem'yanov, I. I. (1972) *Slovo o gorode Pushkine* [The word about the city of Pushkin]. Leningrad: Lenizdat Publ. (In Russian).
10. Rozhdestvenskij, Vs. (2012) *Gorod moego detstva* [The city of my childhood]. St. Petersburg: Serebryanyj vek Publ. (In Russian).
11. Semenova, G. (2009) *Carskoe Selo: znakomoe i neznakomoe* [Tsarskoye Selo: familiar and unfamiliar]. Moscow: CentrPoligraf Publ. (In Russian).
12. Tolstoj, D. A. (1995) *Dlya chego vsyo eto bylo. Vospominaniya* [What all this was for. Memories]. St. Petersburg: Bibliopolis Publ. (In Russian).
13. Davydova, N. A., Gruzdeva, G. F. (2014) (eds.) *Carskosel'skij nekropol'* [Tsarskoye Selo Necropolis]. St. Petersburg: Serebryanyj vek Publ. (In Russian).
14. Cypin, V. M. (2010) *Gorod Pushkin v gody vojny* [The city of Pushkin during the war]. St. Petersburg: Genio Loci Publ. (In Russian).

Об авторе

Самолетов Сергей Александрович, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, кандидат филологических наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: ssamoletov@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-3870-0227

About the Author

Sergey Samoletov, Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, PhD in Philology (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: ssamoletov@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-3870-0227

дата получения: 25.06.2025 г.

дата принятия: 30.07.2025 г.

дата публикации: 30.09.2025 г.

date of receiving: 25 June 2025

date of acceptance: 30 July 2025

date of publication: 30 September 2025

А. В. Хлебцова

Мотив духовно-нравственной ответственности в повести К. М. Симонова «Четыре шага»: человек в условиях фронта

В повести «Четыре шага» К. М. Симонов обратился к «боковым» проблемам, обострившимся в жизни советских людей в годы Великой Отечественной войны. Рассмотрены значение и роль мотива духовно-нравственной ответственности каждого советского человека за тех, кто волею судеб оказывается рядом. Этот мотив необходим автору при разработке аксиологического контраста в характерах и судьбах: есть те, кто живет по законам совести и долга (военкор Лопатин, член Военного совета армии Пантелеев, батальонный комиссар Левашов), а есть и те, чей страх перед начальством и личная трусость напрямую приводят к гибели подчиненных (полковник Бабуров, полковой комиссар Бастрюков), или те, кто в угаре эгоцентризма забывает даже родительский долг (жена Лопатина Ксения). Опыт Симонова как военного журналиста и романиста свидетельствует, что советским людям в их массе свойственно чувство высокоморальной сопряженности всех со всеми. В то же время в войну, особенно в условиях фронта, наиболее явно обнаруживаются те, кто предаёт вечные ценности. В том числе если одни герои и персонажи повести в личной жизни особенно глубоко ощущают свое единство с семьями и друзьями, то другие персонажи (как «антигерои») живут лишь в заботе о собственном благополучии.

Ключевые слова: К. Симонов, повесть «Четыре шага», мотив, литературный характер, аксиология, архитектоника.

Для цитирования: Хлебцова А. В. Мотив духовно-нравственной ответственности в повести К. М. Симонова «Четыре шага»: человек в условиях фронта // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 3. – С. 38–52. DOI: 10.35231/25419803_2025_3_38. EDN: VTHKFM

Константин Симонов приобрел мировую известность как автор трилогии «Живые и мертвые», жанровое единство которой составляют три романа: «Живые и мертвые» (1959), «Солдатами не рождаются» (1962), «Последнее лето» (1971). В трилогии Симонов показал наиболее значительные события Великой Отечественной войны в первое военное трехлетие – вплоть до изгнания врага за границы страны: от первых наиболее трагических месяцев

1941 года – до контрнаступления Красной армии под Москвой; от героической обороны Сталинграда летом-осенью 1942 года – до стратегической наступательной операции «Уран», в ходе которой 2 февраля 1943 года победно завершилась Сталинградская битва; от сражений на белорусской земле и сопредельных территориях – до Белорусской наступательной операции «Багратион», когда в период с конца июня и до конца августа 1944 года советские войска, при поддержке партизан, перешли границу СССР и продвинулись до Восточной Пруссии.

В процессе создания трилогии, по словам самого писателя, возник замысел нового произведения: «Я задумал еще одну книгу – из записок Лопатина, – книгу о жизни военного корреспондента и о людях войны, увиденных его глазами. Между 1957 и 1963 годами главы этой будущей книги были напечатаны мною как отдельные, но при этом связанные друг с другом общим героем маленькие повести (“Пантелеев”, “Левашов”, “Иноземцев и Рындин”, “Жена приехала”)». Завершая развитие своей мысли, Симонов указал: «Впоследствии все эти вещи я соединил в одну повесть, назвав ее “Четыре шага”» и уточнил, что «начатое в ней повествование продолжил и закончил еще двумя повестями (“Двадцать дней без войны” и “Мы не увидимся с тобой...”»). Так сложился этот роман в трех повестях “Так называемая личная жизнь”» [14, с. 6].

Выбор автором главного героя романа – военного корреспондента Василия Николаевича Лопатина – продиктован несколькими причинами. Во-первых, Симонов показал, что специфика профессии позволяла герою освещать события, которые происходили на разных участках фронта, что обеспечивало панорамный взгляд на войну. Во-вторых, в образе Лопатина Симонов воплощает собственный опыт военного корреспондента. При этом сам писатель настаивал на том, что образ Лопатина не автобиографичен, так как герой – представитель иного поколения. Как справедливо отмечал Л. И. Лазарев, «одни и те же впечатления осмысливались военным корреспондентом Симоновым и Лопатиным <...> “на разных уровнях”. Лопатин <...> задумывается над проблемами, ко-

торые Симонова по молодости лет и по недостатку опыта [в годы войны] могли и не беспокоить» [7, с. 179].

Материалы и методы

В статье рассмотрены роль и значение мотива массовой духовно-нравственной ответственности советских людей за тех, кто в условиях военного времени оказался рядом с ними. Цель данной работы состоит в выявлении смысловых акцентов, которые Симонов расставляет в контрастном изображении героев и персонажей, живущих «по разные стороны баррикад»: по одну сторону стоят избравшие совесть и долг военный корреспондент Лопатин, член Военного совета армии дивизионный комиссар Пантелеев и батальонный комиссар Левашов, а по другую – приспособленцы, среди которых командир полка полковник Бабуров, полковой комиссар Бастрюков и беспредельная эгоистка жена Лопатина Ксения.

Особый интерес к творчеству Симонова среди исследователей развивался в 1960–1990 годах (И. Л. Вишневская [3], С. Я. Фрадкина [18], В. С. Синенко [15]). Актуальность статьи обусловлена тем, что исследователи (А. Г. Бочаров [2], Л. И. Лазарев [8], Л. А. Финк [17], А. В. Панков [12–13]) обращались к роману «Так называемая личная жизнь», включая его 1-ю часть – повесть «Четыре шага», только в конце 1970-х годов, и на протяжении последующих десятилетий произведение неправомерно было в тени забвения. Научная новизна работы состоит в современном осмыслении повести «Четыре шага» – в выявлении его аксиологической полноты и художественно-эстетической значимости.

Мотив понимается нами как «сосредоточенность автора на проблемно-тематической конкретике в изображении героя или взаимосвязи героев» [10, с. 113]. Рассматривая литературный характер, мы опирались на работы Л. Я. Гинзбург [4], Л. В. Чернец [19]. По В. Е. Хализеву, характер – это универсальная доминанта художественного творчества; это персонаж, «воспроизведенный в многоплановости и взаимосвязи его черт, а потому воспринимаемый как живое лицо» [20, с. 22]. Методологической основой осуществленного анализа является обращение к принципам типологического выявления парадигматики в характерологии и ее мотивной разработки.

Мотив духовно-нравственной ответственности советских людей в условиях фронта за тех, кто оказался рядом

Повесть «Четыре шага» обращена к трагедии 1941 года, связанной с отступлениями и окружениями Красной Армии по всей линии фронта. Сюжетно-композиционная модель повести представляет ряд эпизодов, объединенных судьбой военного журналиста Василия Николаевича Лопатина. Симонов передает процесс передвижений Лопатина в условиях фронтовой действительности. Глазами героя показана оборона Крыма (главы 1–8), бои под Одессой (главы 9–18), осадное положение Москвы в октябре (главы 19–20), обстановка в Мурманске (главы 21–22) и на Западном фронте (главы 23–27). На этом фоне Симонов обнажает и семейную драму Лопатина: его напряженные отношения с женой Ксенией и вынужденную разлуку с дочерью Ниной.

На каждом участке фронта Лопатин встречает сильных и мужественных людей, объединенных глубоким пониманием своего долга перед страной и убежденностью в том, что они должны защитить Родину от фашистов. К таким относятся прежде всего член Военного совета армии дивизионный комиссар Андрей Семенович Пантелеев, который воюет в Крыму, и комиссар полка Федор Васильевич Левашов, участвующий в боях под Одессой. И Пантелеев, и Левашов вынуждены противостоять не только фашистам, но людям «двойной души, холодного карьеризма, доносительского, трусливого сердца и лживой натуры» [3, с. 166].

Пантелеев, прибывая в дивизию генерала Кудинова на Перекоп, встречает командира полка, полковника Бабурова, у которого нет достоверных сведений о судьбе вверенной ему тяжелой морской батареи на Арабатской Стрелке и о дислокации там войск противника. Субъектное сознание Пантелеева накладывается Симоновым на речь повествователя, чтобы обнажить острый социально-нравственный вопрос: «Откуда в Красной Армии <...> взялись эти люди, которые боятся донести о неудаче больше, чем самой неудачи, боятся ответственности за потери больше самих потерь» [14, с. 25].

Как человек с богатым жизненным и военным опытом Пантелеев понимает, когда обстановка требует его личного вме-

шательства: «Сам поеду, сам посмотрю и сам себе отвечу» [14, с. 19], именно поэтому он едет на Арабатскую Стрелку, где, по слухам, ночью оказались немцы и погибла передовая рота. В образе Пантелеева важным является нравственное самосознание, а также умение взять на себя ответственность в абсолютно различных ситуациях. Так, герой лично ведет роту новобранцев в бой на Арабатской Стрелке, подавая пример самоотверженности и гражданского мужества. Симонов показывает, что Пантелеев рискует собственной жизнью, но ведет за собой людей, поднимая тех, кто упал на землю, испугавшись минометного обстрела: «Вставай, вставай, братчик, я ж стою, и ты встань. Лежать будешь – скорей убьют» [14, с. 35]. Пантелеев готов взять на себя ответственность за судьбу других людей, понимая, что должен обеспечить полный порядок на рубеже.

В образе Пантелеева Симонов подчеркивает нестигаемость и непреклонность, поэтому если положение требует принятия жестких решений, то он действует решительно и безапелляционно. Понимая, что вина за погибшую на Арабатской Стрелке передовую роту лежит на командире полка полковнике Бабурове, Пантелеев выносит категорический вердикт: «А этого прохвоста <...> я еще сегодня с чистой душой отдам под трибунал, а вынесут расстрел – подпишу расстрел. Рука не дрогнет, будьте покойны!» [14, с. 39]. В системе ценностей Пантелеева важной составляющей является бескомпромиссная гражданская стойкость, которой не хватило командиру полка Бабурову, а отсутствие такого духовно-нравственного стержня «Пантелеев не прощал ни себе, ни другим» [14, с. 24].

Симонов показывает, что война обнажает сущность людей, высвечивая как сильные, так и слабые стороны человеческой натуры. Обращаясь к начальному периоду войны, писатель «стремился постичь логику поведения человека, мотивы его поступков в поворотные моменты жизни» [5, с. 197–198]. Писатель раскрывает биографию полковника Бабурова, оказавшегося среди подверженных репрессиям в РККА 1937–1938 годов: «Когда Бабурова арестовали, <...> он на всю жизнь испугался. <...> Испугался всякой ответственности, которую ему правильно или неправильно могли приписать» [14, с. 54]. Симонов показывает, что в истоках этого состояния кроется трусость человека, сломавшегося из-за несправедливых обвинений

и готового «на преступление, если только можно будет снять с себя хоть долю, хоть часть обязательств» [3, с. 168]. Мысль о наказании приводит Бабурова «в такой ужас, что он боялся не только завтрашнего дня, но и сегодняшней ночи...» [14, с. 55]. Автор передает психологическое состояние Бабурова, который настолько охвачен страхом, что принимает решение о самоубийстве, не дожидаясь отправки под трибунал. Однако, по мнению Симонова, посредством самоубийства нельзя искупить вину за предательство и низость.

Иначе мотив ответственности развивается при изображении конфликта командира полка Левашова с комиссаром дивизии Бастрюковым, который является его непосредственным начальником. В отличие от Бабурова, в судьбе Бастрюкова нет личной трагедии, он всегда был «трусом и службистом (генерал Ефимов называет его «скоросшивателем»)» [7, с. 180]. «Излишняя правильность» Бастрюкова на фронте «скрывала полное отсутствие убеждений и нравственных принципов» [7, с. 180–181], а первые месяцы войны так его потрясли, что «он бесшумно и незаметно для окружающих рухнул и рассыпался на куски» [14, с. 105]. Отсутствие нравственных убеждений, принципов, идеалов породило в душе Бастрюкова мысли о «неправильном довоенном воспитании» [14, с. 109], а также неверие в победу советского народа над фашизмом. Симонов показывает, что «Бастрюков готов предать забвению и осмеянию все то, что воспитывали в нем в мирное время» [14, с. 24]. Именно это становится поводом для столкновения Бастрюкова и Левашова.

Писатель подчеркивает, что комиссар полка Левашов был «прирожденный политработник», его особенно ценил генерал Ефимов, а также уважали его бойцы, ласково называя «наш батя», так как Левашов знал каждого лично, жил жизнью полка: «...Левашов рассказывает шефам то о том, то о другом бойце <...>. Об одном он рассказывал, как тот погиб, <...> о другом – при каких обстоятельствах был ранен, про третьего, смеясь, вспоминал, как его пришлось силком отправлять с позиции в госпиталь...» [14, с. 80, 104]. Писатель акцентирует внимание на том, что Левашов осознает свой долг перед страной и понимает, что его место на фронте, поэтому даже после четырех ранений остается в своем полку.

Изображение конфликта между Бастрюковым и Левашовым Симонов доверяет повествователю, а не Лопатину, что помогает создать впечатление большей объективности в изображении, нежели внесение субъектно-субъективной, казалось бы, оценки Лопатина. Так, утерев заботу о самосохранении, Бастрюков делится с Левашовым: «А по-моему, будь у нас поменьше этого интернационализма раньше – позлей воевали бы теперь! Тем более что время само показало, как иностранец – так через одного, хоть с партбилетом, а шпион!» [14, с. 110]. У Левашова же в ответ «даже подкатил комок к горлу от этих слов», поскольку он «твердо был уверен, что Бастрюков, которого не мучили никакие такие мысли <...>, боялся и боится фашистов и употребляет и будет употреблять всю свою изворотливость, чтобы продержаться всю войну подальше от передовой» [14, с. 110]. Левашов, разгадавший психологическую подоплеку в словах Бастрюкова, окончательно убедился, что перед ним тот, кто будет бороться только за собственную жизнь.

Таким образом, Симонов показывает, что на военном изломе становятся особенно заметны все грани человеческой натуры. В людях сильных и совестливых автор подчеркивает твердую убежденность в нравственных принципах и безусловную веру в победу. Такими в повести показаны Пантелеев и Левашов. А при изображении Бабурова и Бастрюкова Симонов подчеркивает ненадежность мелких душонок, а истоки и причины трусости и будущего предательства определяются озабоченностью лишь за свою жизнь и за то положение, которое такие люди занимают в военной иерархии. В частности, довоенное стремление выслужиться, страх перед начальством, желание личной выгоды уничтожают в Бабурове и Бастрюкове нравственные начала.

Мотив женских судеб: на фронте и вне его

В повести «Четыре шага» Симонов затрагивает важный социально-нравственный вопрос: положение женщины на войне, жизнь женщины в условиях фронта. Традиционно образ женщины в военной прозе представлен как образ матери или жены, которая ждет возвращения мужчины с фронта. Однако в годы Великой Отечественной войны участие женщин в военных действиях стало массовым явлением. В первую

очередь призыву подлежали женщины, имеющие медицинское образование и специальную техническую подготовку [1, с. 11]. В частности, Симонов показывает судьбы «шоферки» [14, с. 31], как ее называют окружающие, Паши Горобец и военфельдшера Таисии Белкиной. Молодые женщины на передовой вызывают у бойцов и командиров недоумение. Так, Пантелеев искренне удивляется, увидев на Арабатской Стрелке девушку-шофера: «Что, у вас бойцов, что ли, нет?» [14, с. 21]. Юная девушка вызывает в Пантелееве отеческие чувства, что и объясняет его стремление уберечь Пашу от передовой: «Поезжай-ка ты отсюда подальше! И чтобы я тебя больше не видел поблизости, понятно тебе, дочка?» [14, с. 31]. А Лопатин, встретив в боевой зоне под Одессой военфельдшера Тая, спрашивает, как ее зовут, потому что «не привык обращаться к женщинам по их военным званиям» [14, с. 85].

Писатель запечатлел предельно краткую историю жизни Паши Горобец: «окончила семилетку, потом работала на Сольпроме, <...> потом автокурсы» [14, с. 56]. Девушка была призвана на фронт вместе со своей полуторкой, и теперь перевозит по Арабатской Стрелке военнослужащих, орудия, снаряды. При анализе образа Паши особенно значим эпизод, когда она везет на передний край минометы: по дороге девушка попала под обстрел; испугавшись разорвавшихся снарядов, она «пригнулась за рулем и погнала машину, не разбирая дороги, боясь этих свистящих звуков» [14, с. 57]. Паша испытывает естественное в таких условиях чувство страха, однако, продолжая выполнять свои обязанности, вызывается еще раз съездить на позиции, чтобы отвезти ящики с минами. С образом Паши в повести связана тема самоотверженности и самоотдачи, так как несмотря на физические и эмоциональные перегрузки девушка выполняет все приказы.

В годы Великой Отечественной войны наряду с мужчинами на линии фронта находились и женщины-медики, которые оказывали первую помощь раненым и спасали жизни. Военфельдшер Тая, как и Паша, призвана на фронт по своей специальности. Лопатин встречает ее под Одессой, когда направляется на наблюдательный пункт полка. Несмотря на ожесточенные бои, Тая под обстрелами вытаскивает раненых бойцов и командиров.

Таким образом, Симонову было важно засвидетельствовать, что Паша и Тая – представительницы того молодого поколения, для которого значима Родина. Обе девушки понимают, для чего они призваны на фронт. Скромные и немногословные, они убеждены, что должны находиться на передовой, чтобы быть в одном строю со всей страной.

Однако писателю не менее важно показать и тех женщин, кто оказывается полной противоположностью таким, как Паша и Тая. В результате на страницах повести Симоновым выведен образ женщины, сознавшей в своей шпионской деятельности в пользу врага. Так, в эпизоде допроса пойманной на Арабатской Стрелке шпионки на речь повествователя Симонов вновь накладывает субъектное сознание Пантелеева: «Что случилось, почему эта вот сидящая перед ним простая, плохо одетая женщина стала тем, кем она стала, – немецкой шпионкой? Почему она согласилась служить немцам?» [14, с. 46]. Пантелеев расспрашивает женщину о ее прошлом, чтобы понять мотивы ее предательства. В отличие от Паши и Таи, писатель не дает шпионке имени, но указывает ее происхождение (у отца «были и мельница, и сельская лавка, и батраки» [1, с. 46]), в силу чего она считалась богатой невестой. Деньги как главная ценность определяют и ее дальнейшую жизнь: к немцам женщину привел ее сожитель, служивший у них в комендатуре, – и за выполнение разведывательного задания немцы обещали ей заплатить.

Как справедливо отмечал Г. И. Ломидзе, «эмоциональная глухота, душевная замкнутость, обособленность, нежелание осознать свою судьбу как неотрывную судьбу других людей усиливает состояние эгоистической отрешенности» [9, с. 88]. Именно это характеризует безымянную шпионку, психологическое состояние которой поразило Лопатина, внимательно наблюдающего за ней во время допроса. Симонов акцентирует внимание на равнодушии, с которым женщина рассказывала о своем предательстве, подчеркивает отсутствие в словах шпионки раскаяния и сожаления о выбранном пути. Так, автор отмечает, что женщина была лишена какой-либо человечности, не испытывала ни страха, ни стыда за свое предательство. Ведомая сожителем, женщина шла за ним, «как собака», – «туда, куда он велел, и сделала то, что он велел» [14, с. 48]. Иными

словами, в истоках ее предательства кроются материальная выгода и слепое следование животным инстинктам, что разрушает человеческую личность и порождает моральную пустоту.

Таким образом, в повести «Четыре шага» Симонов показывает не просто разные, но даже полярные модели поведения женщин во время войны. Паша и Тая, воспитанные с осознанием ценности Родины, понимают, что необходимо противостоять вражескому натиску. Девушки, каждая по-своему, оказывают посильную помощь Красной Армии, находясь на линии военных действий, в крайне суровых условиях. Абсолютно иные жизненные установки у безымянной шпионки, в результате следования которым женщина идет на предательство.

Симонов также разрабатывает мотив ответственности родителей за воспитание детей. В повести «Четыре шага» мотив ответственности связан не только с боевыми действиями на передовой. Писатель затрагивает важные социально-нравственные вопросы, которые касаются семейных взаимоотношений.

Образ Лопатина раскрывается при изображении его личной семейной драмы. Писатель подчеркивает, что семейная жизнь Лопатина разладилась еще в мирные годы, а война наиболее остро высветила его разногласия с женой Ксенией. В образе Ксении Симонов подчеркивает капризное себялюбие и уверенность в том, что она может по своей прихоти распоряжаться окружающими. Такое поведение особенно заметно в эпизоде ее разговора с редактором газеты, в которой служит Лопатин, когда Ксения со слезами просит отозвать мужа из командировки: «Рыдала, говорила о том, сколько семей на ее глазах уже разрушила война, умоляла вызвать ее мужа в Москву» [14, с. 178]. Когда же Лопатин приезжает с фронта, то выясняется, что Ксения, завлеченная одним из московских театров, случайно оказалась в Москве, поскольку улетела с театром (и его новым директором – своим любовником) в Казань, отправив при этом единственную дочь – несовершеннолетнюю Нину – в эвакуацию вместе со школой под Горький. Лопатину очень больно оттого, что «жена оказалась в эвакуации в одном месте, а дочь – в другом» [14, с. 64]. Но понимая отчужденность дочери и матери, Лопатин даже не стремится скрыть свое негодование по этому поводу.

Соединяя Лопатина и Ксению в Москве осенью 1941 года, Симонов подчеркивает духовно-нравственную несовместимость супругов: у них совершенно разные взгляды на жизнь и семью, разное понимание ответственности за дочь. Как справедливо отмечает А. В. Караганов, у Лопатина «более глубокое понимание того, что огромную роль в любви играет уважение, дружба, родство душ», а у Ксении «остатки всего этого испарились и стали трухой в растущем умении рассчитывать и “устраивать” свою жизнь» [6, с. 211]. Симонов акцентирует внимание на том, что Лопатин осознает свой долг в отношении воспитания Нины, особенно в условиях войны, и просит у редактора отпуск на пару дней: «Решение повидать дочь родилось неожиданно, но теперь казалось необходимым» [14, с. 179]. Как справедливо отмечал Л. А. Финк, «приоткрывая в Лопатине интимное, Симонов тем самым обнаруживает силу его характера, гражданственность и целеустремленность» [16, с. 330]. При этом в образе Ксении подчеркивается эгоистичное отношение к дочери. Ксения говорит о намерении вместе с Лопатиным написать письмо дочери «завтра», при этом Лопатин прекрасно знает, что, когда она говорила «обязательно», «это вовсе не значило, что она это сделает» [14, с. 159].

Таким образом, мотив нравственной ответственности за окружающих актуализируется в повести в том числе при изображении семейной драмы Лопатина. Симонов отмечает, что Лопатин – человек, обладающий гражданским мужеством, осознающий свое место на фронте, подчиняющийся интересам своей службы. Наряду с этим Лопатин – отец, понимающий свою ответственность в отношении воспитания дочери. Антиподом Лопатина выступает его жена Ксения, в которой война в полной мере обнажила душевную пустоту и беспредельный эгоизм.

Обсуждение и выводы

В повести «Четыре шага» многопланово разработан мотив духовно-нравственных ценностей советских людей, достигнутых Великой Отечественной войной, что ведет за собой обостренное осознание ими ответственности за судьбы окружающих и всей страны. При этом Симонов не скрывает и темных сторон в реализации этой проблемы. В результате

в фокусе изображения оказывается череда характеров. Писатель глубоко погружается в психологию людей, воплощая ее главным образом непосредственно – в диалогах. Создавая образы Пантелеева, Левашова и Лопатина как тех, кто осознает свой долг перед Родиной, людьми близкими или, напротив, совсем незнакомыми, Симонов подчеркивает способность своих героев отвечать за свои слова и действия, безоговорочное понимание ценности каждой человеческой жизни.

Наряду с этим писателю важно показать и антиподов своих героев. Причиной гибели вверенного полковнику Бабурову подразделения становятся трусость и страх этого профессионального, казалось бы, военного перед начальством, замалчивание собственных ошибок и просчетов. В действиях же комиссара Бастрюкова нет неточностей и огрехов, однако на проверку оказывается, что он просто умело скрывает мелочность души: в конфликте с Левашовым проявляется его истинное лицо – эгоиста и приспособленца.

Значительное место в повести занимают женские образы. В образах «шоферки» Паши и военфельдшера Таи Симонов подчеркивает самоотверженность и готовность прийти на помощь другому. Антиподом этих молодых девушек стал образ шпионки (которую писатель сознательно лишил имени): ею движет лишь стремление к личной выгоде. В неменьшей мере антиподом Паши и Таи является образ жены Лопатина Ксении, неспособной поддержать даже собственную юную дочь.

Список литературы

1. Барсукова Н. В. Женщины в Вооруженных силах СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Омский научный вестник. – 2012. – № 5 (112). – С. 11–13. EDN: PNFDQR
2. Бочаров А. Г. Бесспорно подлинная жизнь // Дружба народов. – 1979. – № 5. – С. 257–260.
3. Вишневская И. Л. Константин Симонов: Очерк творчества. – М.: Советский писатель, 1966. – 184 с.
4. Гинзбург Л. Я. О литературном герое. – Л.: Советский писатель, 1979. – 223 с.
5. Демченко А. И. Литературная летопись Великой Отечественной // Культура в фокусе научных парадигм. – 2020. – № 10–11. – С. 192–198. EDN: DVYJHC
6. Караганов А. В. Константин Симонов – вблизи и на расстоянии. – М.: Советский писатель, 1987. – 281 с.
7. Лазарев Л. И. Военная проза Константина Симонова. – М.: Худож. лит., 1974. – 240 с.
8. Лазарев Л. И. На всю жизнь // Вопросы литературы. – 1979. – № 11. – С. 33–58.

9. Ломидзе Г. И. Нравственные истоки подвига: Советская литература и Великая Отечественная война. – М.: Советский писатель, 1985. – 246 с.

10. Лоскутникова М. Б. Архитектонический строй романа «Обрыв»: сквозные и локальные мотивы // Материалы VI Международной научной конференции, посвященной 205-летию со дня рождения И. А. Гончарова: сб. ст. русских и зарубежных авторов. – Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2017. – С. 113–121. EDN: GNARWS

11. Панков А. В. Летопись подвига: По страницам современной военной прозы // Известия. – 1979. – 24 января.

12. Панков А. В. Высший долг // Лит. обозрение. – 1979. – № 5. – С. 14–15.

13. Плоткин Л. А. Судьба романа // Плоткин Л. А. Литература и война: Великая Отечественная война в русской и советской прозе. – Л.: Сов. писатель, 1967. – С. 173–218.

14. Симонов К. М. Так называемая личная жизнь (Из записок Лопатина). Роман в 3-х повестях: Четыре шага; Двадцать дней без войны; Мы не увидимся с тобой... // Симонов К. М. Собр. соч.: В 10 т. – М.: Худож. лит., 1982. – Т. 7. – 558 с.

15. Синенко В. С. Трилогия К. Симонова «Живые и мертвые»: монографическое исследование. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1986. – 165 с.

16. Финк Л. А. Константин Симонов: Творческий путь. – М.: Сов. писатель, 1979. – 416 с.

17. Финк Л. А. Школа мужества // Литературная газета. – 1978. – 31 мая. – С. 4.

18. Фрадкина С. Я. Творчество Константина Симонова. – М.: Наука. 1968. – 207 с.

19. Чернец Л. В. Тип персонажа и его эволюция // Вестник МГПУ. Серия Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2016. – Т. 24. – № 4. – С. 8–16. EDN: XHOGQX

20. Хализев В. Е. Теория литературы. – М.: Академия, 2013. – 432 с.

Anastasiia Khlebtsova

The Motif of Spiritual and Moral Responsibility in K. M. Simonov's Story *Four Steps:* A Man in the Frontline Conditions

In the story *Four Steps* K. M. Simonov turned to the “side” problems, exacerbated in the life of Soviet people during the Great Patriotic War. The meaning and role of the motif of spiritual and moral responsibility of each Soviet person for those who by the will of fate near by were considered. This motif is necessary for the author in the development of axiological contrast in the characters and fates: there are those who live by the laws of conscience and duty (military officer Lopatin, member of the Military Council of the Army Panteleyev, battalion commissar Levashov), and there are those whose fear of their superiors and personal cowardice directly lead to the death of their subordinates (Colonel Baburov, regimental commissar Bastryukov), or those who in the heat of self-centeredness forget even parental duty (Lopatin's wife Ksenia). Simonov's experience as a war journalist and novelist testifies to the fact that Soviet people in their masses are characterized by a sense of high-moral conjugality of all with all. At the same time, in war, especially in frontline conditions, those who betray eternal values are most clearly revealed. In particular, while some heroes and characters in the story feel their unity with their families and friends particularly deeply in their personal lives, other characters (like the “anti-heroes”) live only in concern for their own well-being.

Key words: Simonov, story *Four Steps*, motif, literary character, axiology, architectonics.

For citation: Khlebtsova, A. V. (2025) Motiv duhovno-nravstvennoj otvetstvennosti v povesti K. M. Simonova «Chetyre shaga»: chelovek v usloviyah fronta [The Motif of Spiritual and Moral Responsibility in K. M. Simonov's Story *Four Steps: A Man in the Frontline Conditions*]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 38–52. (In Russian). DOI: 10.35231/2541980_3_2025_3_38. EDN: VTHKFM

References

1. Barsukova, N. V. (2012) Zhenshchiny v Vooruzhennykh silah SSSR v gody Velikoj Otechestvennoy vojny 1941–1945 gg. [Women in the Armed Forces of the USSR during the Great Patriotic War 1941–1945]. *Omskij nauchnyj vestnik – Omsk scientific bulletin*. No. 5 (112). Pp. 11–13. (In Russian).
2. Bocharov, A. G. (1979) Bessporno podlinnaya zhizn' [Undeniably authentic life]. *Druzhba narodov – Friendship of Peoples*. No. 5. Pp. 257–260. (In Russian).
3. Vishnevskaja, I. L. (1966) *Konstantin Simonov: Ocherk tvorchestva* [Konstantin Simonov: Essay on creativity]. Moscow: Sovetskij pisatel' Publ. (In Russian).
4. Ginzburg, L. Ya. (1979) *O literaturnom geroe* [On the literary hero]. Leningrad: Sovetskij pisatel' Publ. (In Russian).
5. Demchenko, A. I. (2020) Literaturnaya letopis' Velikoj Otechestvennoy [Literary chronicle of the Great Patriotic]. *Kul'tura v fokuse nauchnykh paradigm – Culture in the focus of scientific paradigms*. No. 10–11. Pp. 192–198. (In Russian).
6. Karaganov, A. V. (1987) *Konstantin Simonov – vblizi i na rasstoyanii* [Konstantin Simonov – near and at a distance]. Moscow: Sovetskij pisatel' Publ. (In Russian).
7. Lazarev, L. I. (1974) *Voennaja proza Konstantina Simonova* [Military prose of Konstantin Simonov]. Moscow: Hudozhestvennaja literatura Publ. (In Russian).
8. Lazarev, L. I. (1979) Na vsyu zhizn' [For life]. *Voprosy literatury – Literary issues*. No. 11. Pp. 33–58. (In Russian).
9. Lomidze, G. I. (1985) *Nravstvennye istoki podviga: Sovetskaya literatura i Velikaya Otechestvennaya vojna* [Moral Origins of the feat: Soviet literature and the Great Patriotic War]. Moscow: Sovetskij pisatel' Publ. (In Russian).
10. Loskutnikova, M. B. (2017) *Arhitektonicheskij stroj romana «Obryv»: skvoznye i lokalnye motivy* [Architectonic structure of the novel “Malinovka Heights. The Precipice”: through and local motifs]. *Materialy VI Mezhdunar. nauchnoj konf., posvyashchennoj 205-letiyu so dnya rozhdeniya I. A. Goncharova: Sb. St. russkih i zarubezhnykh avtorov* [Proceedings of the VI International Scientific Conference dedicated to the 205th anniversary of the birth of I.A. Goncharov: Collection of articles by Russian and foreign authors]. Ulyanovsk. Pp. 113–121. (In Russian).
11. Pankov, A. V. (1979) *Letopis' podviga: Po stranicam sovremennoj voennoj prozy* [Chronicle of the feat: On the pages of modern military prose]. *Izvestia – News*. 24 January. (In Russian).
12. Pankov, A. B. (1979) Vysshyj dolg [Highest duty]. *Literaturnoe obozrenie – Literary Review*. No. 5. Pp. 14–15. (In Russian).
13. Plotkin, L. A. (1967) *Sud'ba romana* [Fate of the novel]. Plotkin L. A. *Literatura i vojna: Velikaya Otechestvennaya vojna v russkoj i sovetskoj proze* [Literature and War: The Great Patriotic War in Russian and Soviet prose]. Leningrad: Sovetskij pisatel' Publ. Pp. 173–218. (In Russian).
14. Simonov, K. M. (1982) *Tak nazyvaemaya lichnaya zhizn' (Iz zapisok Lopatina). Roman v 3-h povestiyah: Chetyre shaga; Dvadcat' dnei bez vojny; My ne uvidimsya s toboj...* [The so-called personal life (From Lopatin's notes). A novel in 3 novels: Four Steps; Twenty Days Without War; We will not see you...]. *Simonov K. M. Sobr. Soch. v 10 tt.* [Collection op. in 10 vols.]. Vol. 7. Moscow: Hudozhestvennaja literatura Publ. (In Russian).
15. Sinenko, V. S. (1986) *Trilogija K. Simonova «Zhivye i mertvy»: monograficheskoe issledovanie* [Simonov's trilogy “The Living and the Dead”: monographic research]. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian).
16. Fink, L. A. (1979) *Konstantin Simonov: Tvorcheskij put'* [Konstantin Simonov: Creative path]. Moscow: Sovetskij pisatel' Publ. (In Russian).
17. Fink, L. A. (1978) *Shkola muzhestva* [School of courage]. *Literaturnaya Gazeta – Literary newspaper*. 31 May. P. 4. (In Russian).
18. Fradkina, S. Ja. (1968) *Tvorchestvo Konstantina Simonova* [Creativity of Konstantin Simonov]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
19. Chernets, L. V. (2016) *Tip personazha i ego evolyuciya* [Character type and its evolution]. *Vestnik MGPU. Seriya Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie – Bulletin*

of MCU Series Philology. *Theory of language. Language Education*. Vol. 24. No. 4. Pp. 8–16. (In Russian).

20. Halizev, V. E. (2013) *Teoriya literatury* [Literary Theory]. Moscow: Akademiya Publ. (In Russian).

Об авторе

Хлебцова Анастасия Витальевна, аспирант, Московский городской педагогический университет (Москва, Российская Федерация); e-mail: sizova.a.v@mail.ru; ORCID ID: 0009-0005-6776-9812

About the Author

Anastasiia Khlebtsova, Graduate Student, Moscow City University (Moscow, Russian Federation); e-mail: sizova.a.v@mail.ru; ORCID ID: 0009-0005-6776-9812

дата получения: 13.06.2025 г.

дата принятия: 30.07.2025 г.

дата публикации: 30.09.2025 г.

date of receiving: 13 June 2025

date of acceptance: 30 July 2025

date of publication: 30 September 2025

К. А. Якименко

Рецепция творчества А. С. Пушкина в произведениях Владимира Солоухина

В статье исследуется влияние литературного наследия А. С. Пушкина на творческий стиль и тематику произведений Владимира Солоухина. Анализируются пушкинские реминисценции и отсылки в произведениях Солоухина «Последняя ступень», «Письма из Русского музея», «Мать-и-мачеха», «Серафима», «Девочка на урезе моря», «Посещение Званки», «Время собирать камни», «Приговор». Указаны отсылки Солоухина к произведениям А. С. Пушкина «Я вас любил», «Евгений Онегин», «Земля и море» и др. Отмечается постоянное обращение к Пушкину в публицистике В. А. Солоухина, «заочный» творческий диалог писателя с поэтом (например, по поводу творчества Г. Р. Державина), общие творческие стратегии, биографические мотивы (например, мотив путешествия). Анализируются высказывания В. Солоухина литературоведческого характера о творчестве Пушкина. Показано, какое влияние оказывает наследие А. С. Пушкина на проблематику избранных произведений Солоухина, формирование сюжетного строя и образованного ряда персонажей романа «Мать-и-мачеха» и лирической повести «Владимирские проселки».

Ключевые слова: В. Солоухин, рецепция, лирическая повесть, Пушкин, образ, творческий диалог, вдохновение, сюжет, личность, советская литература.

Для цитирования: Якименко К. А. Рецепция творчества А. С. Пушкина в произведениях Владимира Солоухина // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 3. – С. 53–65. DOI: 10.35231/25419803_2025_3_53. EDN: WCKTLQ

На протяжении многих лет место Александра Сергеевича Пушкина в русской литературе остается неизменным: на пьедестале литературной иерархии, на недостижимой высоте. Пушкин является той самой константой, с которой начинается русская культура. Изучение творческого влияния Пушкина на последующие поколения литераторов – предмет неиссякаемой творческой и критической рецепции. Тем интереснее рассмотреть влияние личности Александра Сергеевича на творчество советского писателя Владимира Солоухина. Солоухин отличается от ряда писателей тем, что Пушкин был

для него живым собеседником, с которым писатель строил творческий диалог почти всю свою жизнь.

В советскую эпоху произведения Солоухина пользовались небывалым спросом. Читательскую аудиторию они подкупали искренностью, смелостью, а также той тематической направленностью, которая иной раз граничила с дерзостью. Произведения Солоухина «Письма из Русского Музея» и «Черные доски» стали настоящим откровением для советского читателя. Тема поправленного искусства, а именно иконописи, рассуждения о пользе для русского народа монархической системы управления, непринятие прогресса, смелое осуждение политики партии – все это вызывало у читателей СССР горячий отклик. К сожалению, сейчас известность писателя минимальна. Солоухин был «неудобным» писателем, который через собственную авторскую символику умел доносить до читателя то, что остается за скобками. Поэтому Солоухин мало переиздавался, а его роман «Последняя ступень» практически недоступен даже в современном медиaprостранстве и библиотеках.

Можно говорить о том, что научный анализ наследия Владимира Солоухина не осуществлен в полной мере, многие произведения не опубликованы, не определено место писателя в литературном процессе своего времени. Но, по словам известного журналиста В. Полякова, «Солоухин вернётся, он возвращается, он уже вернулся... Да и не уходил он никуда»¹.

Большую роль в изучении и популяризации творчества Владимира Солоухина сыграли работы литературоведов Е. Ю. Геймбух [4], В. П. Карташевой и Т. В. Рыбаковой [6], К. И. Кушнир [7], Н. А. Костюк [8], Т. В. Рыбаковой², К. И. Суховой³, Е. А. Федосовой⁴, С. Р. Хамхоева [13], О. С. Ширяевой⁵, а также деятельность сотрудников музейно-выставочного центра имени В. А. Солоу-

¹ Статья В. Полякова «Солоухин возвращается» посвящена 30-летию со дня смерти В. Солоухина. См.: Литературная газета. 2017. № 13 (6592) (05.04.2017). Электронный ресурс. URL: <https://lgz.ru/article/soloukhin-vozvrashchaetsya/> (дата обращения: 01.08.2025).

² Рыбакова Т. В. Архитектоника текста лирико-философской прозы «Камешки на ладони» В. А. Солоухина // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 12 (150). Электронный ресурс: URL: <https://research-journal.org/media/articles/15639.pdf> (дата обращения: 01.08.2025).

³ Сухова К. И. Вербализация образа малой родины в лирике В. А. Солоухина: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2022. 195 с.

⁴ Федосова Е. А. Мотивы творчества и словесная живопись в прозе Владимира Солоухина: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 176 с.

⁵ Ширяева О. С. Душа как ключевое слово русской культуры: на материале произведений Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Белова, В. Солоухина, В. Распутина: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 236 с.

хина в родном селе писателя Алепино Владимирской области, организующих содержательные мероприятия и конференции, посвященные жизни и творчеству Солоухина.

Для восполнения пробелов в анализе наследия В. Солоухина актуальным представляется изучение его произведений в контексте творчества А. С. Пушкина, влияние которого прослеживается во многих произведениях писателя.

Материалы и методы

В статье исследуется влияние эстетики А. С. Пушкина на творчество Владимира Солоухина. Анализируются пушкинские реминисценции в произведениях Солоухина «Последняя ступень», «Письма из Русского музея», «Мать-и-мачеха», «Серафима», «Девочка на урезе моря», «Посещение Званки», «Время собирать камни», «Приговор». Привлекается к анализу и документальная проза писателя, так как Солоухин одним из первых начал развивать в литературе жанр нон-фикшн, «подняв жанр психологического очерка на уровень интеллектуальной элитарной прозы» [5, с. 112]. В повести «Последняя ступень» анализируются также и политические взгляды А. С. Пушкина о монархии как идеальной форме власти, которые разделял Солоухин. Повесть была написана в 1976 году, однако Солоухин при жизни не включал это произведение в свои сборники, так как концепция повести противоречила советской реальности. В 1995 году «Последняя ступень» дополнилась авторскими правками, а затем была издана отдельной книгой. В исследовании применяется сравнительно-исторический метод и приемы рецептивной эстетики.

Результаты

Солоухин, разделяя не только творческие, но и политические взгляды Пушкина, всегда видел в нем единомышленника. Так, в своем романе «Последняя ступень» Солоухин как убежденный монархист, размышляя о самодержавии, приводит в пример слова Пушкина: «Зачем нужно, чтобы один из нас стал выше всех и даже выше самого закона? Затем, что закон – дерево; в законе слышит человек что-то жесткое и небратское. С одним буквальным исполнением закона не далеко уйдешь; нарушить же или не исполнить его никто из нас

не должен; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая закон, которая может явиться людям только в одной полномощной власти. Государство без полномощного монарха – автомат: много-много, если оно достигнет того, до чего достигнули Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? Мертвечина; человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит» [12, V, с. 78]. Советский писатель Солоухин не скрывал своих монархистских взглядов. На писательских собраниях он открыто демонстрировал перстень с изображением Николая Второго, не боясь общественного порицания. Постоянно призывал русский народ к духовному объединению, верности национальным святыням, говоря о том, что «населением могут править и генсеки, а вот народом – только монарх!» [12, V, с. 98]. В своей публицистике Солоухин сокрушался о потере исторических связей между поколениями, о разрушенных русских церквях, утраченных иконах, которые уничтожались большевиками без сожаления.

Самой страшной душевной раной для писателя, которая болела всю жизнь, стал снос Храма Христа Спасителя в Москве. Этот факт и события, связанные с кошунственной беспечностью советских властей – разграбление могил известных деятелей культуры, переименование исторических названий колхозов, деревень, улиц, а также забвение своей собственной истории, – отразились в знаменитом очерке «Письма из Русского музея». Очерк стал посланием потомкам: нужно остановиться и подумать о своих корнях, о губительном влиянии прогресса на душу человека. Владимир Солоухин, сравнивая в очерке два русских города – Ленинград и Москву, постоянно делает отсылку к знаменитым пушкинским строкам, знакомым каждому русскому человеку: «Москва, как много в этом звуке для сердца русского слилось» и «Люблю тебя, Петра творенье» [12, III, с. 7]. Поэт Пушкин для Солоухина в его вопросе – какой же город ему ближе – становится советчиком, на авторитет которого Солоухин полагается.

Часто Солоухин прибегает к ироничной манере спора с Пушкиным: «За что Александр Сергеевич так нещадно расправляется на своих страницах с лизоблюдами и пресмыкающимися перед миром сильных? Потому что сам терпеть не мог таких товарищей. А я вот поспорю с Пушкиным. Хоть качества

и впрямь на редкость малодостойные, в современном мире они часто еще слагаемые успешной карьерной лестницы» [12, II, с. 111]. Разрешает себе Солоухин и несколько вольно общаться с гением, что вполне органично для Солоухина-юмориста. Но любит Пушкина Солоухин именно за созвучность поэта собственным мыслям: Солоухин переживал, что у нового поколения молодых людей нет должного патриотического чувства, оттого «вырастают из таких невежд те, кто церкви взрывают, да могилы писателей с землей равняют» [14, с. 36]. Чувство родного дома, по мнению Солоухина, исходит из «собственного чувства к родной земле. Если внимательно прислушаться к себе, то мы увидим, что это чувство не стихийно, что оно организовано культурно, ибо питалось не только стихийным созерцанием природы, но и воспитывалось всем предыдущим искусством, культурой. Классический образец Пушкина «Люблю Отчизну я, но странною любовью» – это пример такого нравственного воспитания с самого детства» [13, III, с. 368].

В рассказе «Посещение Званки» Солоухин рассказывает о родовом поместье Державина, которое, к сожалению, наряду со многими усадьбами знаменитых поэтов предано забвению. Рассуждая о биографии Державина, Солоухин поднимает литературоведческий вопрос о недостаточной изученности творческих связей Державина и Пушкина, так как многие литературоведы игнорируют эту тему, кроме упоминания того факта, что Державин слушал молодого выпускника Лицея на экзамене. «А между тем Пушкин знал своего предшественника досконально», – говорит Солоухин и приводит в пример пушкинское подражание Державину в строках «Вошел: и пробки в потолок», «Гремит музыка, слышны хоры» [13, III, с. 321].

Анализируя творчество обоих поэтов, Солоухин позволяет себе такое замечание, что Державин, стихи которого Солоухину кажутся тяжеловатыми, явился неким «подстрочником» для Пушкина [13, III, с. 323]. На помощь своему суждению он призывает самого Пушкина: «Ну вот смотрите, сам Пушкин и говорит о Державине»: “Читая его, кажется, что читаешь дурной, вольный перевод с какого-то чудесного подлинника” [13, III, с. 323]. Солоухин тут же вторит Пушкину: «Какой же чудесный перевод мерещился Пушкину за державинской тяжеловесной строфой?» [13, III, с. 324]. Вероятно, подлинник

современного Пушкину русского поэтического языка. Но ведь Пушкин этот язык фактически и создал. То есть, по мнению Солоухина, Пушкин и есть «переводчик» Державина, создавший «чудесный подлинник». Это достаточно вольное утверждение нельзя считать за литературоведческую аксиому. На самом деле, Солоухин настолько ценит гений Пушкина, что все поэты кажутся ему лишь декорациями к пушкинскому таланту. Это, конечно, очень самонадеянно с точки зрения литературоведения, но по-человечески можно понять симпатию Солоухина к Пушкину-поэту. Солоухин говорит о том, что биография Пушкина во многом определяла его творческие устремления, хотя писатель категорически против отождествления Пушкина-автора с его героями: «Онегин или Германн – не Пушкин, само-собой, но если бы Пушкин не был страстным любителем картежной игры, то и Германн не погиб бы из-за карт» [13, III, с. 553]. Здесь нельзя не вспомнить концепцию М. М. Бахтина, где он говорит о том, что автор «завладевает» героем [2]. Произведения Солоухина более биографичны, повествователь в произведениях Солоухина приближен к мироощущению самого автора, так как «автор уже связан внутреннею логикой выбранного, которую он и должен раскрыть в своем изображении» [1, с. 345]. В целом, можно согласиться и с мнением В. В. Виноградова о том, что в «образе автора, в его речевой структуре объединяются все качества и особенности стиля художественного произведения» [3, с. 133]. В этом смысле произведения Солоухина всегда в той или иной степени автобиографичны.

Продолжая эту мысль, нельзя не вспомнить одно из главных произведений в творческом наследии Солоухина – роман «Мать-и-мачеха». При автобиографичности текстов Солоухина, писатель в этом романе наделяет главного героя теми человеческими качествами, которые не импонируют ему самому: Дмитрий Золушкин достаточно безвольный, эгоцентричный карьерист, который в борьбе за личное счастье отдается на волю судьбы, а при первых трудностях задумывается о самоубийстве. Жизнь заставляет обычного парня из деревенской глубинки непременно выбирать между совестью и искушением славой, карьерным взлетом или человеческим достоинством. У Солоухина эти понятия диаметрально

противоположны. И главный герой часто терпит поражение в личном поединке с собственными страстями. Это же касается и отношений с противоположным полом. У главного героя Дмитрия Золушкина любовь похожа на постоянное испытание: сначала экзамен он проходит на предмет доступа в аристократический дом Гели, возлюбленной героя. Девушка – типичная представительница столичной богемы, которая в самом начале знакомства кажется Золушкину недоступной и гордой. Геля постоянно заставляет Дмитрия доказывать, что он достоин ее благосклонности. В центре повествования некий любовный треугольник, состоящий из самого Золушкина, девушки Гели и молодого аспиранта, подающего надежды в научной сфере. Солоухин в шутовском тоне говорит о своем герое, который оказался в гостях у своей девушки: «Онегин и тот бы струхнул от такого взыскательного взгляда бывшей модистки, а теперь заведующей библиотекой, а поди знай и будущей тещи. Золушкин судорожно сглотнул вязкую слюну и мысленно пробежался в памяти по именам писателей-поэтов, но, как назло, ничего в голову не лезло, хоть стреляйся. Но здесь предстоит серьезная дуэль, самоотводом не отделаешься» [12, VII, с. 151]. Фигура Онегина упомянута здесь в ироничном ключе как знак несостоятельности Золушкина. Текст «Мать-и-мачехи» содержит отсылку к стихотворению Пушкина «Я вас любил». Схожесть пушкинского героя стихотворения «Я вас любил» и героя «Мать-и-мачехи» заключается в том, что и Золушкин, и лирический герой Пушкина говорят о душевной, а не физической любви. Так, Золушкин отказывается от ночи с Гелей, которая не придает этой стороне личных взаимоотношений должного значения, с точки зрения Золушкина. И это становится первым разочарованием Дмитрия в любимой. В конце отношений с Гелей, как бы ставя для себя последнюю точку, он произносит фразу из стихотворения: «Как дай Вам Бог любимой быть другим!» [12, VII, с. 291]. Фраза свидетельствует о том, что чувство, которое Золушкин испытывал к возлюбленной, исчерпало себя. Таким образом, можно сделать вывод о том, что и Пушкин, и Солоухин боготворят любовь, оценивают ее как высшее чувство, способное изменить человека. Но если у Пушкина любовь меняет лирического героя в лучшую сторону, и он смиренно при-

нимает любой исход отношений и благословляет любимую на новое чувство, то у Солоухина Золушкин не становится лучше, напротив, в постоянном соревновании с самим собой он становится злым и замкнутым. Все, чего хочет главный герой, – поскорее закончить эти отношения. И тогда Золушкин вспоминает о своей первой любви, девушке Шура, которую он оставил в деревне. Шура казалась ему слишком юной и неопытной. С удивлением Золушкин замечает, что Шура Куделина расцвела и выделяется среди деревенских девушек красотой и уверенностью: «Дмитрий сразу поймал глазами голову Шуры Куделиной, да и как ее было не поймать, если она, и без того чуть-чуть повыше других, положила еще поверх головы, и не положила даже, а поставила ребром тяжелую, как кистень, золотистую косу» [12, VII, с. 214]. Здесь возможна прямая аналогия с Татьяной Лариной, которая также стала предметом снисходительной насмешки Онегина. Золушкин возвращается в деревню и видит, как изменилась вчерашняя девчонка Шура. У нее много поклонников, и с болью в душе Золушкин понимает, что Шура вряд ли когда-то будет с ним. Подобно Онегину, мечется он между городом и своей родной деревней, которая тоже не принимает его. Золушкин в смятении ищет защиты у природы. И находит объяснение законам мироздания у цветка мать-и-мачехи: «Спасибо тебе, чудесный цветок! ты разбудил меня от тяжелого сна. Но я снова уйду туда, в каменные, железные ущелья, к заколоченным деревенским избам, на пристани и вокзалы, на проселки и большаки. Ведь и воин твой не вечно же умилялся, но препоясал чресла мечом, благословленный на великую смертельную битву. Да, на вечности твоей, на бессмертии твоим я примерил свои человеческие дела» [12, VII, с. 318]. Золушкин проиграл бой за свою истинную возлюбленную в погоне за мнимой любовью. Но он не хочет сдаваться, а поэтому главная битва впереди. Солоухин оставляет, подобно Пушкину, открытым финал, предлагая читателю самому домыслить дальнейший ход событий.

Один из самых пронзительных рассказов в творчестве Солоухина «Девочка на урезе моря» в самой первой своей редакции был предварен эпиграфом – строками из стихотворения Пушкина «Земля и море»: «А я в надежной тишине / Внимаю шум ручья долины». В этом рассказе Солоухин поднимает

совсем «не академическую» для литературы, но очень важную и болезненную для многих женщин тему аборта, что в советское время было довольно смелым поступком. В центре повествования Катя, хозяйка частного дома. Она доверительно беседует с писателем о своем намерении сделать аборт, а в голове автора есть доводы и «за», и «против» ее решения. Сам Солоухин был десятым ребенком в семье и отцом двух дочерей, поэтому в своей беседе с женщиной четко обозначает свою позицию: нет такого права у человека – отнимать жизнь. На что женщина резонно замечает, что «...и двоих-то еле-еле подняли! Хочется для себя каких-то впечатлений! Вон на море живем, а море-то и не видим совсем. Так... Больше вот на ключ ходим!» [13, II, с. 573]. Собеседник же неумолим и настаивает на том, что при принятии такого важного решения женщина должна быть милосердной. На этом разговор заканчивается, и герой Солоухина уезжает домой. Обстоятельства жизни через много лет заставляют его опять приехать в этот южный город, где он отыскивает знакомый дом и хозяйку, с которой вел тот непростой для обоих разговор. И тут герой с ужасом замечает, что женщина решила оставить ребенка, на что, возможно повлиял давний разговор с ним, но у девочки порок при рождении – заячья губа. Солоухинский герой думает, что женщина наверняка пожалела о своем решении, но неожиданно он видит, что Катя ласкает и целует ребенка: «Меня обожгло стыдом за то, что четверть часа назад я так дурно думал о Кате, а вместе с ней – и обо всех человеческих матерях» [13, II, с. 581].

Интересно, что для эпиграфа было выбрано именно такое стихотворение Пушкина, где противопоставляется стихия моря и «шум ручья». Можно предположить, что стихия моря – своего рода буря в душе женщины в непростой ситуации, когда нужно делать выбор между комфортом, удобством и рождением ребенка. В конце концов, получается, что для Кати, несмотря на рождение ребенка с особенностью внешности, вот этот родник материнства, простой, доступный и понятный – источник радости и женского счастья, где ее душа отдыхает. При физическом недуге человеческие качества девочки настолько хороши, что автор делает на этом акцент и считает, что когда-то из этого ребенка вырастет достойный человек. Подобная проблема коснулась и Пушкина. Так, Солоухин от-

мечает, что в биографии Пушкина образ «прекрасного лебедя, вылупившийся из толстого неповоротливого “Сашки”, разрабатывался многими авторами современности» [12, VII, с. 699].

Вообще в детских образах Солоухина внешняя некрасивость сполна компенсируется высокими человеческими качествами. Так, в рассказе «Серафима» из дурнушки вырастает «прекрасный лебедь»: «Тут мы с удивлением увидели, что Симка-то похорошела. Куда делась вчерашняя угловатость? Перед нами была миловидная девушка, с очень выразительным взглядом раскосых серых глаз. Как в самых невероятных рассказах, которые нашептывала няня перед сном, из дурнушки явился нам прекрасный лебедь» [11, V, с. 709]. Здесь мы видим прямую отсылку к биографии Пушкина и к его любимой няне Арине Родионовне.

В 1956 году Владимир Солоухин совершает удивительное путешествие по родным местам Владимирского края. Результатом этого путешествия явилась лирическая повесть «Владимирские проселки», где в форме своеобразных путевых заметок автор делится с читателем своими размышлениями о родном крае. Солоухин, конечно, же не мог не знать того факта, что и Пушкин был заядлым путешественником. Об этом Солоухин упоминает на страницах «Владимирских проселков»: «Особенно стыдно не знать родного края, когда в мире неизобретали столько удобных вещей – автомобиль, к примеру, скоростные поезда... Наши бы возможности да Александру бы Сергеевичу в его грезах о заграничных поездках, которые так и остались мечтами» [13, I, с. 9]. Повесть напоминает путевой дневник, в котором автор фиксирует все свои наблюдения о жителях родного края, а также делает экскурс в свое детство, соотнося свои детские впечатления с настоящими реалиями. Именно в этом произведении можно встретить упоминание о Пушкине как о путешественнике, который по-своему вдохновил Солоухина на такой поход по Владимирской земле.

Обсуждение и выводы

Изучение творческого влияния Пушкина на классиков и современных писателей – актуальная литературоведческая проблема, предмет творческой и критической рецепции. Мы рассмотрели влияние личности Пушкина и его наследия

на творчество советского писателя Владимира Солоухина. Проанализированы формы использования пушкинских текстов в произведениях Солоухина «Последняя ступень», «Письма из Русского музея», «Мать-и-мачеха», «Серафима», «Девочка на урезе моря», «Посещение Званки», «Время собирать камни», «Приговор». Изучение публицистики и художественной прозы Солоухина показало наличие индивидуальной авторской стратегии творческого диалога Солоухина с классиком. Установлены разные формы этого взаимодействия: внутренний диалог-беседа с поэтом, реминисценции, эпиграфика, цитация, контекстуальные отсылки к текстам Пушкина.

Для Владимира Солоухина Александр Сергеевич Пушкин стал именно другом, советчиком, учителем. Их творческий диалог продлился много лет, так как почти в каждом из созданных произведений Солоухина можно встретить отсылку к творчеству Пушкина. Творчество Пушкина стало для Солоухина своеобразной константой, к которой он так или иначе всегда обращался.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Собрание сочинений. – М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2000. – Т. 1. – С. 69–265.
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 т. – М.: Русские словари, 1997–2012. – Т. 5. – С. 159–207.
3. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. – М.: Гослитиздат, 1959. – 656 с.
4. Геймбух Е. Ю. Лирическая прозаическая миниатюра в сборнике В. А. Солоухина «Камешки на ладони» // Отечественная филология. – 2025. – № 2. – С. 29–35.
5. Запевалов В. Н. Солоухин В. А. Русские писатели XX века: биографический словарь. В 2 т. / Под ред. Н. Н. Скатова. – М.: Просвещение 1998–1999. – Т. 1. – С. 661–662.
6. Карташова Е. П., Рыбакова Т. В. Афористичность авторского сознания в жанре «лирико-философской миниатюры» (В. В. Розанов и В. А. Солоухин) // Вестник Марийского государственного университета. – 2024. – Т. 18. – № 3. – С. 388–395. DOI: 10.30914/2072-6783-2024-18-3-388-395.
7. Кушнир К. И. Языковое воплощение основных стихий в стихотворных текстах В. Солоухина (на примере стихии «Огонь») // Актуальные проблемы современной филологии и журналистики. – 2017. – № 4. – С. 12–13.
8. Костюк Н. А. Научное и художественное постижение мира в прозе В. Солоухина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2019. – № 3. – С. 55–60.
9. Ларин Б. А. О разновидностях художественной речи // Эстетика слова и язык писателя. – Л.: Худож. литература, 1974. – С. 28–53.
10. Литвинов М. В. Солоухин В. А. // Русские писатели XX века. Биографический словарь. В 2 т. / Под ред. П. А. Николаева. – М.: Книгоиздательство писателей, 2000–2001. – Т. 1. – С. 663.

11. Солоухин В. А. Собрание сочинений в 4 т. – М.: Художественная литература, 1984.
12. Солоухин В. А. Собрание сочинений в 8 т. – М.: Русский мир, 2005.
13. Солоухин В. А. Собрание сочинений в 4 т. – М.: Русский мир, 2011.
14. Хамхоев С. Р. Воздействие природы на человека в малой прозе Владимира Солоухина // Национальная ассоциация ученых. – 2023. – № 2. – С. 35–37.

Kristina Yakimenko

Reception of the Works of A. S. Pushkin in the Works of Vladimir Soloukhin

The article examines the influence of the literary heritage of A. S. Pushkin on the creative style and themes of Vladimir Soloukhin's works. The article analyzes Pushkin's reminiscences and references in Soloukhin's works *The Last Step*, *Letters from the Russian Museum*, *Coltsfoot*, *Seraphima*, *Girl on the Waterfront*, *Visit to Zvanka*, *Time to Gather Stones*, *The Verdict*. Soloukhin's references to the works of A. S. Pushkin *I Loved You*, *Eugene Onegin*, *Land and Sea*, etc. are indicated. The article notes the constant reference to Pushkin in V. A. Soloukhin's journalism, the "correspondence" creative dialogue between the writer and the poet (for example, regarding the work of G. R. Derzhavin), common creative strategies, and biographical motifs (for example, the motif of travel). The article analyzes V. Soloukhin's literary statements about Pushkin's work. It is shown what influence the legacy of A. S. Pushkin has on the problems of Soloukhin's selected works, the formation of the plot structure and imagery of the characters of the novel *Mother-and-Stepmother* and the lyrical story *Vladimirskie Proselki*.

Key words: V. Soloukhin, reception, lyrical story, Pushkin, image, creative dialogue, inspiration, plot, personality, Soviet literature.

For citation: Yakimenko, K. A. (2025) *Receptiya tvorchestva A. S. Pushkina v proizvedeniyah Vladimira Soloukhina* [Reception of the Works of A. S. Pushkin in the Works of Vladimir Soloukhin]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 53–65. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2025_3_53. EDN: WCKTLQ

References

1. Bahtin, M. M. (2000) *Avtor i geroj v esteticheskoj deyatel'nosti* [Author and Hero in Aesthetic Activity] *Bahtin M. M. Sbornie sochinenij* [Bakhtin M. M. Collected Works]. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ. Vol. 1. Pp. 69–265. (In Russian).
2. Bahtin, M. M. (1997–2012) *Problema rechevyh zhanrov* [The Problem of Speech Genres] *Bahtin M. M. Sbornie sochinenij v 7 t.* [Bakhtin M. M. Collected Works in 7 volumes]. Moscow: Russkie slovari Publ. Vol. 5. Pp. 159–207. (In Russian).
3. Vinogradov, V. V. (1959) *O yazyke hudozhestvennoj literatury* [On the Language of Fiction]. Moscow: Goslitizdat Publ. (In Russian).
4. Gejmbuh, E. YU. (2025) *Liricheskaya prozaicheskaya miniatyura v sbornike B. A. Soloukhina «Kameshki na ladoni»* [Lyrical Prose Miniature in the Collection of V. A. Soloukhin "Pebbles on the Palm"]. *Otechestvennaya filologiya – Domestic Philology*. No. 2. Pp. 29–35. (In Russian).
5. Zapevalov, V. N. (1998–1999) *Solouhin V. A. [Soloukhin V. A.] Russkie pisateli XX veka: biograficheskij slovar'. V 2 t. / Pod red. N. N. Skatova* [Russian writers of the twentieth century: a biographical dictionary. In 2 volumes, ed. by N. N. Skatov]. Moscow: Prosveshchenie Publ. Vol. 1. Pp. 661–662. (In Russian).
6. Kartashova, E. P., Rybakova, T. V. (2024) *Aforistichnost' avtorskogo soznaniya v zhanre «liriko-filosofskoj miniatyury»* (V. V. Rozanov i V. A. Solouhin) [Aphoristic nature of the author's consciousness in the genre of "lyric-philosophical miniature" (V. V. Rozanov and V. A. Soloukhin)] *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Mari State University*. Vol. 18. No. 3. Pp. 388–395. (In Russian). DOI: 10.30914/2072-6783-2024-18-3-388-395.

7. Kushnir, K. I. (2017) Yazykovoe voploshchenie osnovnykh stihij v stihotvornykh tekstakh V. Soloukhina (na primere stihii «Ogon'») [Linguistic embodiment of the main elements in the poetic texts of V. Soloukhin (on the example of the element "Fire")]. *Aktual'nye problemy sovremennoy filologii i zhurnalistiki – Actual problems of modern philology and journalism*. No. 4. Pp. 12–13. (In Russian).

8. Kostyuk, N. A. (2019) Nauchnoe i hudozhestvennoe postizhenie mira v proze V. Soloukhina [Scientific and artistic comprehension of the world in the prose of V. Soloukhin]. *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific notes of Petrozavodsk State University*. No. 3. Pp. 55–60. (In Russian).

9. Larin, B. A. (1974) O raznovidnostyakh hudozhestvennoy rechi [On the varieties of artistic speech] *Estetika slova i yazyk pisatelya* [Aesthetics of the word and the language of the writer]. Leningrad: Hudozh. Literatura Publ. Pp. 28–53 (In Russian).

10. Litvinov, M. V. (2000–2001) Solouhin V. A. [Soloukhin V. A.] *Russkie pisateli XX veka. Biograficheskij slovar'. V 2 t. Pod red. P. A. Nikolaeva* [Russian writers of the XX century. Biographical dictionary. In 2 volumes. Ed. P. A. Nikolaev]. Moscow: Knigoizdatel'stvo pisatelej Publ. (In Russian).

11. Solouhin, V. A. (1984) *Sobranie sochinenij v 4 t.* [Collected Works in 4 vols.]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ. (In Russian).

12. Solouhin, V. A. (2005) *Sobranie sochinenij v 8 t.* [Collected Works in 8 vols.]. Moscow: Russkij mir Publ. (In Russian).

13. Solouhin, V. A. (2011) *Sobranie sochinenij v 4 t.* [Collected Works in 4 vols.]. Moscow: Russkij mir Publ. (In Russian).

14. Hamhiov, S. R. (2023) Vozdejstvie prirody na cheloveka v maloј proze Vladimira Soloukhina [The Impact of Nature on Man in the Short Stories of Vladimir Soloukhin]. *Nacional'naya associaciya uchenykh – National Association of Scientists*. No. 2. Pp. 35–37. (In Russian).

Об авторе

Якименко Кристина Александровна, аспирант, Литературный институт имени А. М. Горького (Москва, Российская Федерация); e-mail: Qeen16@rambler.ru; ORCID ID: 0009-0001-8555-5368

About the Author

Kristina Yakimenko, Postgraduate Student, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing (Moscow, Russian Federation); e-mail: Qeen16@rambler.ru; ORCID ID: 0009-0001-8555-5368

дата получения: 24.06.2025 г.
дата принятия: 30.07.2025 г.
дата публикации: 30.09.2025 г.

date of receiving: 24 June 2025
date of acceptance: 30 July 2025
date of publication: 30 September 2025

И. Б. Ничипоров

Богоискательские мотивы в лирике Елены Шварц

В статье исследуются и систематизируются религиозные, главным образом христианские, мотивы в лирике Елены Шварц, чья творческая индивидуальность сформировалась в атмосфере ленинградской неофициальной позднесоветской культуры. Описываются различные художественные пути реинтерпретации библейских сюжетов и образов, подчеркивается ключевое место личности Христа, вызывающей сквозные для стихотворений разных лет интуиции о тайне боговоплощения, об отношениях между Лицами Святой Троицы, о Кресте и Воскресении, о возможностях и пределах индивидуального богоискательства. Уделяется внимание способам самораскрытия тяготеющего к богопознанию лирического субъекта, соотношению его тайновидения и интеллектуальной рефлексии. Разбираются образцы исповедальной лирики, где происходит сращение евангельской и личной историй, складываются разветвленные мифопоэтические сюжеты. Рассматриваются характерный для религиозной поэзии Шварц «экуменический» настрой и обусловленные им разнообразные «ролевые» метаморфозы лирического сознания. Делаются выводы об универсалиях и эволюции религиозно-поэтического мышления Шварц в 1960–2000-е гг.

Ключевые слова: Елена Шварц, ленинградская неофициальная поэзия, творческое богоискательство, лирическая исповедь, «евангельский текст» в литературе, «петербургский текст», мифопоэтическое мышление.

Для цитирования: Ничипоров И. Б. Богоискательские мотивы в лирике Елены Шварц // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 3. – С. 66–79. DOI: 10.35231/25419803_2025_3_66. EDN: RVPNSI

Творчество Елены Андреевны Шварц (1948–2010) стало самобытным явлением неофициальной поэтической культуры 1960–80-х гг., частью которой сама она называла «ленинградскую метафизическую школу»¹, ассоциировавшуюся у нее, в частности, с именами раннего И. Бродского, Л. Аронсона, В. Кривулина, С. Стратановского. Мемуаристы и исследователи связывали литературную репутацию Шварц с восходящей к Серебряному веку «позой служительницы

¹ Шварц Е. О стихах // Шварц Е. А. Собрание стихов, эссе и прозы. Электронный ресурс. URL: <https://predanie.ru/book/216736-sobranie/> (дата обращения: 11.06.2025).

© Ничипоров И. Б., 2025

только ей ведомого тайного поэтического культа»¹, указывали на ее «религиозную одаренность»², парадоксальное сопричастие в ее натуре «рационалистического визионера»³ и «романтического, напряженно-личностного мироощущения», которым она «ближе Цветаевой и Маяковскому»⁴. Поэтическая традиция интеллектуального богоискательства в диапазоне от символистов, О. Мандельштама, Б. Пастернака до И. Бродского трансформируется у Шварц в атмосфере андеграунда, где «религия несла воздух неполитизированной свободы»⁵, «эстетизированное православие воспринималось как явление «большой культуры», а не персональной веры»⁶, вследствие чего неинституциональный, изначально внецерковный «религиозный первоопыт <...> во многом определил специфику духовной поэзии андеграунда»⁷.

В религиозно окрашенной лирике Шварц справедливо отмечались «плотность культурной информации и острота ее восприятия на фоне разреженности внешнего мира»⁸, психологическая насыщенность, проявляющаяся в том, что ее героиня «живет в пространстве видений и сновидений»⁹, а в ее мироощущении запечатлены «религиозность, которая в любой момент может развоплотиться, обернуться пустотой»¹⁰, и в то же время «священный экстаз, видение-откровение, спасительная жертва – все это входит в ее мысль о поэзии»¹¹. Как полагали некоторые интерпретаторы, у Шварц «духовное часто редуцируется к душевному <...> разговор с Богом проходит <...> в контексте фантазий»¹², но при этом в субъектной структуре ее поэзии отчетливо выделены «два главных персонажа всех без исключения ее стихов и поэм – это Поэт

¹ Голынкин-Вольфсон Д. Об Елене Шварц // Шварц Е. А. Собрание стихов, эссе и прозы. Электронный ресурс. URL: <https://predanie.ru/book/216736-sobranie/> (дата обращения: 11.06.2025).

² Бейлис В. Вопросы и ответы // Шварц Е. А. Собрание стихов, эссе и прозы. Электронный ресурс. URL: <https://predanie.ru/book/216736-sobranie/> (дата обращения: 11.06.2025).

³ Шубинский В. Елена Шварц // Шварц Е. А. Собрание стихов, эссе и прозы. Электронный ресурс. URL: <https://predanie.ru/book/216736-sobranie/> (дата обращения: 11.06.2025).

⁴ Там же.

⁵ Колымагин Б. Ф. Русская религиозная поэзия 1960–1980 гг.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. С. 15.
⁶ Шубинский В. Изобилие и точность // Шварц Е. А. Собрание стихов, эссе и прозы. Электронный ресурс. URL: <https://predanie.ru/book/216736-sobranie/> (дата обращения: 11.06.2025).

⁷ Колымагин Б. Ф. Указ. соч. С. 19–20.

⁸ Шубинский В. Изобилие и точность...

⁹ Колымагин Б. Ф. Указ. соч. С. 52.

¹⁰ Там же. С. 53.

¹¹ Седякова О. *L'antica fiamma*. Елена Шварц. Электронный ресурс. URL: <https://www.olgasedakova.com/Poetica/251> (дата обращения: 11.06.2025).

¹² Колымагин Б. Ф. Указ. соч. С. 20, 55.

и Бог в их трагических, никогда не разрешаемых до конца противоречиях»¹. Характерный для умонастроения неофициальной среды «экуменический тренд»² художественной мысли обнаружился в том, что «поэту Елене Шварц было тесно в рамках одной религии. Она была дитя, и выражение, и <...> облагораживание бытового синкретизма 70-х годов, она выросла в нем, и она превратила его в высокую поэзию»³.

Материалы и методы

Направления анализа лирики Елены Шварц намечены в редких работах (см.: [1; 7–8]), исследование мотивного комплекса ее лирики системно еще не осуществлено, и настоящая статья направлена на решение этой задачи в рамках избранной проблематики. Библейские образы, евангельские сюжеты составляют важный семантический уровень поэтического мира Шварц и служат выражением опыта личного богоискательства. В статье изучается лирическое творчество Шварц 1960–2000-х гг., применяются методы мотивного, контекстуального и мифопоэтического анализа.

Результаты

В раннем стихотворении начала 70-х гг. «Моисей и куст, в котором явился Бог»⁴ обработка библейского сюжета о видении Моисею горящего и неопалимого тернового куста (Исх. 3, 2) нацеливает на приближение к личности Бога, смиренно («скромен Ты») обуздывающего Свое огневое могущество, «чтобы нечаянным усиьем / Всего творенья не спалить», и ищущего встречи со Своим творением. Образный ряд основан здесь на метафорической взаимообратимости духа и материи, а лирическое переживание растворяется в «мыслях» и пророческих «предошущениях» терновника. Его нынешнее «состояние» («Такое чувство у куста, / Как будто выключили ток, / Как будто плоть его пуста») истолковано как предвестие будущей миссии того же терновника уже в «служении» Христу: «Прихо-

¹ Юрьев О. Свидетельство // Шварц Е. А. Собрание стихов, эссе и прозы. Электронный ресурс. URL: <https://predanie.ru/book/216736-sobranie/> (дата обращения: 11.06.2025).

² Колымагин Б. Ф. Указ. соч. С. 54.

³ Мартынова О. В лесу под Кельном // Шварц Е. А. Собрание стихов, эссе и прозы. Электронный ресурс. URL: <https://predanie.ru/book/216736-sobranie/> (дата обращения: 11.06.2025).

⁴ Шварц Е. Цифровое собрание сочинений / под ред. Е. Сенаторовой, Л. Родичевой, П. Успенского, А. Шели. 2021. Т. 1. Электронный ресурс. URL: https://eshvarts.com/soch_v_1_text_7034/ (дата обращения: 11.06.2025).

дит ангел – он садовник, / Он говорит, стирая пыль с куста: /
Расти, расти, цветы, терновник, / Еще ты нужен для Христа».

Христоцентризм религиозной интуиции сохраняется и приобретает новые формы художественного выражения в позднейшей лирике Шварц. Примечательна новеллистическая структура стихотворения «Авраам и Троица» (1978)¹, где реинтерпретация ветхозаветного эпизода встречи Авраама с тремя таинственными странниками (Быт. 18, 1–33) приобщает недоумевающее и пытливо познающее Бога лирическое «я» к прозрению Авраамом Троицы Божества, того, «что Господь... одет во плоть». Его непростой жребий боговидца распознается в телесно-бытовом измерении («Авраам свою шею подставил, как вол, / И на ней утвердился Божий престол») и выводит к раздумьям о ветхо- и новозаветном вхождении Бога в трагедию ограниченного земного бытия: «Зачем Он Тройственный – так одинок? / Ужели страдание наше – только предчувствие, / И наше отчаянье – только намек?».

В финальной строфе искусно воспроизведенный ритм неторопливого продвижения трех странников знаменует перетекание времени в вечность, обнаруживает соразмерность их пути дальнейшему ходу Священной и всечеловеческой истории, предвещает будущее явление Христа, Его вочеловечение, Крест и Евхаристию: «Они шли. Третий чуть отставал на закате, / В винограднике алом надкусил недозрелую ягоду Он. / Ту, в чью кожу тонкую силой любви и закланий, / В чью оскомину будет навек заключен».

Характерные для лирики Шварц резкие переходы «от патетической интонации к бытовой»² способствуют открытию трансцендентной перспективы в будничной пульсации повседневности, воображаемому «переползанию» в «мир иной» из атеистически настроенной позднесоветской действительности с ее «описью событий, дат и прочих пустяков» («Соната темноты», 1975; «Новости дня», 1976). В стихотворении «Новостройки» (1971)³ живописа-

¹ Шварц Е. Цифровое собрание сочинений / под ред. Е. Сенаторовой, Л. Родичевой, П. Успенского, А. Шели. 2021. Т. 1. Электронный ресурс. URL: https://eshvarts.com/soch_v_1_text_7118/ (дата обращения: 11.06.2025).

² Шубинский В. Елена Шварц // Шварц Е. А. Собрание стихов, эссе и прозы. Электронный ресурс. URL: <https://predanie.ru/book/216736-sobranie/> (дата обращения: 11.06.2025).

³ Шварц Е. Цифровое собрание сочинений / под ред. Е. Сенаторовой, Л. Родичевой, П. Успенского, А. Шели. 2021. Т. 1. Электронный ресурс. URL: https://eshvarts.com/soch_v_1_text_7050/ (дата обращения: 11.06.2025).

ние урбанизированного мира навеивает смутную интуицию о присутствии Христа в современности. Состояние общей богооставленности, оторванности индивидуального и коллективного сознания от инобытия («Бог нас здесь не найдет, не услышит / И побрезгует черт») сулит гибельную отмену спасительных предначертаний новозаветной истории, поскольку «...здесь не нашел бы Марию архангел, / Он заблудился б среди блоков и луж без названья». Однако и сквозь земную самозамкнутость прорывается навстречу человеку Тот, кто после встречи с Авраамом «надкусил недозрелую ягоду»: «Может, снова среди грязных и розовых стен / В пятнашки играет Христос».

Религиозное тайновидение героини Шварц обогащается, а иногда осложняется интеллектуальной рефлексией, ориентированной на рационализацию мистического откровения. В стихотворении «Со смирением» (1973)¹, мягко иронизируя над евангелистами «Лукой говорливым иль озаренным Иоанном», она пытается выйти за рамки воссозданных ими и вошедших в церковный канон историй об Иисусе и, напрямую обращаясь к Нему, творчески постичь, «кем Ты был от века, / До преображенья в человека / (цифрой, пламенем?)». Богочеловеческая природа Христа составляет у Шварц предмет разностороннего эстетического и философского созерцания. Рождение Бога во плоти образно осмыслено ею как драма Божества, Его непостижимого воления («Непостижимое начало / В земном себя вдруг / Захотело встретить»), как встреча Бога с подверженной болезням плотью мира: «И человекобог – не Бог, не человек, – / Но Бог больной и плоть больная». В сюжетных рисунках стихотворений Шварц тайна человеческой соприродности Божеству порой «заземляется», проецируется на бытовую повседневность, поскольку в ее художественной аксиологии «тело обладает способностью напрямую связывать с Богом, с мирозданием, с высшим порядком. Тело – естественная часть той книги, которую пишет Бог, и в этом смысле оно опережает душу, которая всегда плутает в потемках одиноче-

¹ Шварц Е. Цифровое собрание сочинений / под ред. Е. Сенаторовой, Л. Родичевой, П. Успенского, А. Шели. 2021. Стихи из «Зеленой тетради». Электронный ресурс. URL: https://eshvarts.com/zet_tet_text_7022/ (дата обращения: 11.06.2025).

ства» [3, с. 35]: «Ужели, Господи, в начале октября / ты тоже простудой измучен?» («Болезнь», 1975¹).

Богоискательские интуиции включаются Шварц в прихотливые ассоциативные ряды, которые разворачиваются в метафорические сюжеты. Так, в стихотворении «Созерцание иконы – сначала с открытыми, а потом с закрытыми глазами»² складывается близкое православной традиции поэтическое «богословие» иконы как «перевалочного пункта», «черного пролома», «золотого квадрата», «глубокого тоннеля», которые сквозь «закопченные стекла», вопреки несовершенствам земных восприятий приоткрывают путь к боговидению. От фиксации частного зрительного впечатления («Глаз ударился в икону. / Больно. Это ли тупик?») импульсивный, втиснутый в укороченные строки пунктир лирического сюжета устремляется к подбору все новых ассоциаций, что напоминает описанную М. Л. Гаспаровым композиционную технику зрелой М. Цветаевой, которой «на глазах читателя как бы подыскивается наиболее адекватный образ» [1, с. 10], вследствие чего «стихотворение превращается в нанизывание ассоциаций по сходству, в бесконечный поиск выражения для невыразимого» [1, с. 10]. Икона увидена Шварц в образах «лебедки», одушевленной «золотой швейи», «печи», что «пышет пламенем вечным», «меча», на чем острие «два кротких глаза сияют», «игольного ушка», ограничивающего нашу рациональность, «выжигательного прибора», который «огненный вонзает в спину взор», а сама душа «напролом красной мошкой влетает» в это заповедное пограничье миров. Цветаевским интонациям созвучна и пронзительная экспрессия вопросительно-восклицательных обращений не только к доносящей отсвет Божественной славы иконе, но и к собственной жаждущей Бога душе: «О, зачем, воровская душа, / Малой искре всемирного света, / Обещания мало тебе / И небесного мало привета?».

Если в «Созерцании иконы...» иконописный образ свидетельствовал о высшей реальности и одновременно воплощал религиозные импульсы героини, то в ассоциативном строе

¹ Шварц Е. Цифровое собрание сочинений / под ред. Е. Сенаторовой, Л. Родичевой, П. Успенского, А. Шели. 2021. Т. 5. Электронный ресурс. URL: https://eshvarts.com/soch_v_5_text_6026/ (дата обращения: 11.06.2025).

² Шварц Е. Цифровое собрание сочинений / под ред. Е. Сенаторовой, Л. Родичевой, П. Успенского, А. Шели. 2021. Т. 1. Электронный ресурс. URL: https://eshvarts.com/soch_v_1_text_7113/ (дата обращения: 11.06.2025).

стихотворения «В соборе» (1962)¹ богоискательство перелагается на язык парадоксальных, случайных, но и глубоких подчас метафор: «Я сама превращаюсь в церковь / я вся до краев наполнена дымом». «Распятый Иисус» в Своей уничиженной телесности – «в гвоздях, желтый, худой» – осознан здесь как адресат лирического послания. Фальшивыми нотами бутафорской театральщины («И маской Пьеро луна / плывет над его головой») оттеняются внутренние колебания лирического «я», ощущающего в себе недостаток религиозного опыта, однако пытающегося выстроить с Ним «человеческий», по-светски эмоциональный разговор, ведь «... я же не верю в бога. / Мне его только жалко». Стихотворение выглядит как показательный художественный слепок неофициального, стихийно ищущего религиозной правды интеллигентского сознания оттепельных лет – с его отчуждением от практики христианской жизни, этическим максимализмом и доведенными до автоматизма этикетными формами речевого дистанцирования: «Иисус, я в Вас верю. / Вам от этого легче?..»; «Я никому не вру...», «Простите, Иисус» ...

С годами исповедальные монологи, бытовые, дорожные впечатления, культурно-исторические параллели все органичнее входят у Шварц в евангельский контекст, смысловыми центрами которого оказываются Рождество Христа и события Страстной недели. В стихотворении «Рождество на Авентине» (2005)² лирический путевой очерк о «Сочельнике сумрачном на Авентине» и «невзрачном там за Тибром Риме» с зарисовками рождественского вертепа неожиданно обретают острастную теоцентрическую перспективу, когда поэтическое воображение фокусируется на трудном, драматичном проникновении беспредельности в границы земного естества, Вездесущего Бога во плоть, на Его «привыкании» к телесному бытию Своего Сына – рожденного земной Девой Младенца: «Младенец в полусне / Еще в себе не вспомнил Бога. / Но помнит Бог. И он повсюду здесь, / Еще не свыкшись с телом, с сыном».

¹ Шварц Е. Цифровое собрание сочинений / под ред. Е. Сенаторовой, Л. Родичевой, П. Успенского, А. Шели. 2021. Т. 5. Электронный ресурс. URL: https://eshvarts.com/soch_v_5_text_6014/ (дата обращения: 11.06.2025).

² Шварц Е. Цифровое собрание сочинений / под ред. Е. Сенаторовой, Л. Родичевой, П. Успенского, А. Шели. 2021. Т. 3. Электронный ресурс. URL: https://eshvarts.com/soch_v_3_text_418/ (дата обращения: 11.06.2025).

От Боговоплощения поэтическая мысль Шварц протягивает нить к крестным страданиям Христа. В стихотворении «Так сухо взорвалась весна...» (1978)¹ лирическое сознание становится незримым свидетелем отношений Небесного Отца и Сына, вербализует, отчасти «очеловечивает», сокровенное общение между Лицами Святой Троицы в гефсиманском молении о Чаше накануне крестных мук: «Спускалась чаша будто череп / И Бога Бог в саду молил. / И Троицы на миг крыло / Как бы подбитое повисло...».

В последние годы жизни поэт не раз возвращается к сюжетам Страстных дней. В стихотворении с родственным И. Анненскому заголовком «Тоска оставленности» (2006)² Великая Пятница прочувствована как апофеоз богооставленности, разлитой в природно-предметном бытии, когда наступил «день без Бога», льет «дождь безнадежный», весь «мир покинут», «молитвы не протыкают неба», и даже сам нарратив молитвы приобретает оксюморонные черты: «Господи, как без Тебя душно...» Парадоксальным образом ключевой в христианстве опыт напряженного переживания страданий и смерти Богочеловека в ожидании Воскресения выводится у Шварц на архетипический уровень религиозного чувства, отчасти доступного и древнему языческому мышлению, истовым почитателям утопленного в Днепре Перуна: «Так язычники – их бога топили / А волны чурбаном уже играли – / «Выдубай, Перуне!», – вопили, / Он тонул, и они умирали / От тоски безвоздушной».

Триптих «Дни Страстной» (2008)³ о ее трех первых днях основан на ироничном сопряжении таинственной символики евангельских событий с сопутствующими профанными практиками, в согласии с которыми в определенные дни Страстной «в доме убирают», «чищают одежду», «покупают все потребное для кулича и пасхи»... Прорываясь от быта к бытию, богоискательский взор героини постигает смоковницу в качестве «Анти-Лазаря», ибо «она не воскресла», с горечью наблюдает, как Иудины монеты раскатились по миру («сатанинская на-

¹ Шварц Е. А. Собрание стихов, эссе и прозы. Электронный ресурс. URL: <https://predanie.ru/book/216736-sobranie/> (дата обращения: 11.06.2025).

² Шварц Е. Цифровое собрание сочинений / под ред. Е. Сенаторовой, Л. Родичевой, П. Успенского, А. Шели. 2021. Т. 3. Электронный ресурс. URL: https://eshvarts.com/soch_v_3_text_456/ (дата обращения: 11.06.2025).

³ Шварц Е. Цифровое собрание сочинений / под ред. Е. Сенаторовой, Л. Родичевой, П. Успенского, А. Шели. 2021. «Перелетная птица». Последние стихи. Электронный ресурс. URL: https://eshvarts.com/perelet_ptitsa_text_493/ (дата обращения: 11.06.2025).

града... пролилась по городам») и своей лукавой притягательностью воспроизвели в веках падение апостола-предателя, «чтоб серая луна Иуды / В унылой вечности горела».

В изображении Шварц и позднейшие события христианской, церковной истории прирастают символическими смыслами, становятся актами личного и коллективного богоискательства.

Богоискательская история юродивой Ксении («Ксения Петербургская»¹) – героини сквозного у Шварц «петербургского текста» – таит потенциал едва ли не романного сюжета, сопровождается «погружением в блаженное безумие, которому предшествует "потоп" сознания»², невообразимым отречением от своего «я» («Ксения Ксению в жертву принесла», «со своего ума сошла... прыгнула в чужой»), преодолением онтологических границ («размыла ум и сон») ради не иллюзорного возвращения умершего мужа, но выстраданного обретения Христа: «И в эту пустоту / Тебе вселиться нету сил – / А токмо что Христу». А в навеянном убийством священника Александра Меня стихотворении «Зарубленный священник» (1992)³ его библейский облик, «похожий на Люцифера и Отца», и его гибель «при начале конца» рисуются в эсхатологическом свете, ассоциируются с предвестиями тектонических перемен в религиозной жизни соотечественников.

Коллизии личных религиозных поисков художественно отражаются у Шварц в метаморфозах природного мира, в изображении душевных устремлений католической монахини в поэме «Труды и дни Лавинии, монахини из ордена Обрезания сердца», в замороженности таинственной жизнью заброшенного и возрожденного дацана в родном Петербурге («Семь ликов буддийского храма», «Буддийский храм») [2], в неортодоксальных воззрениях на «взаимопроникновение Бога и человека»⁴, предметной реальности, продиктованных ее органическим, «не книжным экуменизмом»⁵. По замеча-

¹ Шварц Е. А. Собрание стихов, эссе и прозы. Электронный ресурс. URL: <https://predanie.ru/book/216736-sobranie/> (дата обращения: 11.06.2025).

² Свитнева Е. Координаты духа, или Дикопис в ритме свинга // Новый мир. 2001. № 9. Электронный ресурс. URL: <https://nml1925.ru/articles/2001/200109/koordinaty-dukha-ili-dikopis-v-ritme-svinga-3851/> (дата обращения: 11.06.2025).

³ Шварц Е. Цифровое собрание сочинений / под ред. Е. Сенаторовой, Л. Родичевой, П. Успенского, А. Шели. 2021. Т. 1. Электронный ресурс. URL: https://eshvarts.com/soch_v_1_text_9102/ (дата обращения: 11.06.2025).

⁴ Свитнева Е. Указ. соч.

⁵ Анпилов А. Светло-яростная точка // Новое литературное обозрение. 1999. № 35. Электронный ресурс. URL: http://www.newkamera.de/ostihah/anpilov_01.html (дата обращения: 11.06.2025).

нию О. Седаковой – поэта и чуткого аналитика культуры [5], «не только веры человеческие, но и веры животных и стихий она пыталась изложить и соединить»¹.

В стихотворении «Виденье церкви на водах» (1979)² традиционный зачин исповеди о тайновидении и мистическом пребывании в нерукотворной, сотканной из воздушной и водной стихий церкви «не из железа, древа, глины», а «из чистых непорочных душ», – в ассоциативном развитии лирического сюжета сменяется «перевернутой» субъектно-объектной парадигмой. На обретенном ковчеге спасения героиня отходит от самоисследования и вливается в единое, творимое всем мирозданием «богослужение». Вечность и Молитва выступают для нее в роли не отвлеченных категорий, а одушевленных существ: Вечность «кочевала», «из трюма... привставала», Молитва перестала быть чьим-то речевым порождением и превратилась в персонифицированной сгусток эмоциональной энергии, связующей личность с Творцом: «Крича о грешном человеке, / Молитва кинулась в туман». В храме-корабле «поют небесные матросы», отправляется загадочное обрядовое действо («Там отпевали альбатроса, / В гробу лежала Отрок-рыба»), здесь при свечах «овечка Евангелие в слезах читала» – подобно тому как в позднейшем стихотворении «Церковная свеча» (2009)³ горящая в церкви свечка заместит центрального персонажа, станет «как бы овцой Христовой», совершающей деятельную молитву посредством огневого преобразования своего воскового естества: «Меняя тело на свечение, / Свой воск на свет исчезновенья, / Как знаменье Преображенья...».

У Шварц свидетелями об Иисусе, очевидцами Его земной жизни и распятия, проповедниками благой вести о Нем являются не столько евангелисты, сколько «представители» природных стихий, животного и растительного миров – в стихотворениях «Воздушное Евангелие», «Крест после распятия», «Ткань сердца расстелю Спасителю под ноги...», «Благая весть от четырех элементов», «Совы ночами из узких дупел...».

¹ Седакова О. *Lantica fiamma*. Елена Шварц. Электронный ресурс. URL: <https://www.olgasedakova.com/Poetica/251> (дата обращения: 11.06.2025).

² Шварц Е. Цифровое собрание сочинений / под ред. Е. Сенаторовой, Л. Родичевой, П. Успенского, А. Шели. 2021. Т. 1. Электронный ресурс. URL: https://eshvarts.com/soch_v_1_text_7152/ (дата обращения: 11.06.2025).

³ Шварц Е. Цифровое собрание сочинений / Под ред. Е. Сенаторовой, Л. Родичевой, П. Успенского, А. Шели. 2021. «Перелетная птица». Последние стихи. Электронный ресурс. URL: https://eshvarts.com/perelet_ptitsa_text_556/ (дата обращения: 11.06.2025).

В созданном ею разветвленном мифопоэтическом сюжете крест осознан в качестве «символа слияния человеческого и божественного» миров [4, с. 53], он «хотел... соком своим силы Его подкрепить», «поддерживал страдающего Бога», а по Воскресении срубленный «сын-кипарис» возродился к новому целостному бытию: «Крест вздрогнул и вспотел огнем, / И вдруг воскрес, / И вот он снова кипарис / В саду небес»¹. Пчела же, лицезревшая предсмертные страдания Иисуса, услышала от Него частичное повторение слов, обращенных к раскаявшемуся разбойнику: «К нему, шершавая, прижалась, и вся горю. / “Кольни меня, пчела, в сердце, / Нынче же будешь со мною в раю”»².

Героиня Шварц созидает в себе «внутригрудной Ерусалим», устанавливает органическую причастность своей телесности вехам земного пути Христа, «пыли с его ступни, / И тени креста, который Он несет», образно сопрягает молитвенное самовыражение с постепенным «врастанием» в увенчанную крестом храмовую архитектуру: «Господи, в церкви войду под купол / И наружу пробьюсь крестом»³.

Одним из сакральных центров в художественном пространстве Шварц стал Троице-Измайловский собор Петербурга, где 14 марта 2010 г. прошло отпевание поэта («В Измайловском соборе», 1990; «Птицы на кресте Измайловского собора», 2003). Ее героиня выступает в этих стихах в качестве богопознающего созерцателя, который вглядывается в иносказательные изображения Божества, сочленяет различные анималистические ассоциации в оригинальный мифопоэтический сюжет о Боге как «благословенном, хищном» соколе, любовно «ловящем» людские души: «Он клюет, плюет мне в темя, / В родничок сажает семя...»⁴ Лирическое «я» жаждет быть вдохновителем и «сотворцом» церковной службы в масштабе природной жизни – через мысленное повеление «образовать... собой треугольник» трем птицам, что «кружились над синью собора». «Служение» птиц знаменует для нее расширение коммуникативного горизонта богообщения как

¹ Шварц Е. А. Собрание стихов, эссе и прозы. Электронный ресурс. URL: <https://predanie.ru/book/216736-sobranie/> (дата обращения: 11.06.2025).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Шварц Е. Цифровое собрание сочинений / под ред. Е. Сенаторовой, Л. Родичевой, П. Успенского, А. Шели. 2021. Т. 1. Электронный ресурс. URL: https://eshvarts.com/soch_v_1_text_9031/ (дата обращения: 11.06.2025).

тревожного, вопрошающего поиска Божественного адресата и собеседника: «Ты увенчаешь креста вершину, / На поперечину сядьте вы две / По краям, если Господь меня слышит...»¹

Обсуждение и выводы

Религиозный поиск образует один из магистральных сюжетов в лирике Елены Шварц, оригинально выразившей духовно-интеллектуальные запросы своей творческой среды. Характерные для ранних текстов 1960–70-х гг. культурные, предметные ассоциации, способы лирического самовыражения, сосредоточенность на постижении личности Христа, тайны Его телесного рождения, Креста и Воскресения сохраняют свою весомость и прирастут новыми историческими параллелями и фоновыми решениями в произведениях последующих десятилетий. Пронзительная лирическая исповедь о тайновидении и богообщении вплетается у Шварц в изящно выстроенные мифопоэтические сюжеты, актуализирует парадоксальные трактовки библейских событий, размыкается в надконфессиональную и надличную сферу религиозной жизни.

Список литературы

1. Воронцова К. В. Пространство русской литературы в поэзии Елены Шварц // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2012. – Т. 70. – № 6. – С. 136–139.
2. Гаспаров М. Л. От поэтики быта к поэтике слова // Марина Цветаева. Статьи и тексты / под ред. Л. А. Мнухина. – Wien, 1992. – С. 5–16.
3. Дубаков Л. В. Экфрасисы петербургского буддийского храма в поэзии Елены Шварц // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2024. – Т. 29. – № 4. – С. 738–746. EDN: QQNTXY
4. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: В 3-х кн. Кн. 3: В конце века (1986–1990-е годы): учебное пособие. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
5. Марков А. В., Штайн О. А. Ладья небесная: экфрасис Елены Шварц как сумма читательского опыта // Семиотические исследования. – 2024. – № 4 (1). – С. 51–57.
6. Ничипоров И. Б. Поэтология Ольги Седаковой // Русистика без границ. Международный научный журнал (Болгария). – 2020. – № 1. – Т. 4. – С. 55–62.
7. Пронин М. В. О некоторых особенностях поэтического языка Елены Шварц // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2024. – № 3. – С. 129–136. DOI: 10.28995/26867249-2024-3-129-136
8. Zitzewitz J, von. From underground to mainstream. The case of Elena Shvarts // Twentieth-century Russian poetry. Reinventing the canon / ed. by K. Hodgson, J. Shelton, A. Smith. – Cambridge: Open Book Publishers, 2017. – P. 225–263.

¹ Шварц Е. Цифровое собрание сочинений / под ред. Е. Сенаторовой, Л. Родичевой, П. Успенского, А. Шели. 2021. Т. 3. Электронный ресурс. URL: https://eshvarts.com/soch_v_3_text_292/ (дата обращения: 11.06.2025).

Iliia Nichiporov

God-seeking Motives in the Lyrics of Elena Schwartz

The article examines and systematizes religious, mainly Christian, motives in the lyrics of Elena Shvarts, whose creative individuality was formed in the atmosphere of the Leningrad unofficial late Soviet culture. Various artistic ways of reinterpreting biblical stories and images are described, the key place of the personality of Christ is emphasized, evoking intuitions about the mystery of the incarnation, about the relationship between the Persons of the Holy Trinity, about the Cross and Resurrection, about the possibilities and dead ends of individual God-seeking, which are common to poems of different years. Attention is paid to the methods of self-disclosure of the lyrical subject gravitating towards knowledge of God, the relationship between his secret vision and intellectual reflection. Examples of confessional lyrics are analyzed, where the fusion of gospel and personal stories occurs, branched mythopoetic plots are formed. The "ecumenical" mood characteristic of Schwartz's religious poetry and the various "role" metamorphoses of lyrical consciousness associated with it are also considered. Conclusions are made about the universals and evolution of Schwartz's religious-poetic thinking in the 1960s-2000s.

Key words: Elena Schwartz, Leningrad unofficial poetry, creative search for God, lyrical confession, "Gospel text" in literature, "Petersburg text", mythopoetic thinking.

For citation: Nichiporov, I. B. (2025) Bogoiskatel'skie motivy v lirike Eleny SHvarc [God-seeking Motives in the Lyrics of Elena Schwartz]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 66–79. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2025_3_66. EDN: RVPNSI

References

1. Voroncova, K. V. (2012) Prostranstvo russkoj literatury v poezii Eleny SHvarc [The Space of Russian Literature in the Poetry of Elena Schwartz]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*. Vol. 70. No. 6. Pp. 136–139. (In Russian).
2. Gasparov, M. L. (1992) Ot poetiki byta k poetike slova [From the poetics of everyday life to the poetics of the word]. *Marina Cvetaeva. Star'i i teksty. Pod red. L. A. Mnuhina* [Marina Tsvetaeva. Articles and texts. Ed. by L. A. Mnukhin]. Wien. Pp. 5–16. (In Russian).
3. Dubakov, L. V. (2024) Ekfrasisy peterburgskogo buddijskogo hrama v poezii Eleny SHvarc [Ekphrasis of the St. Petersburg Buddhist Temple in the poetry of Elena Schwartz]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika – Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary criticism. Journalism*. Vol. 29. No. 4. Pp. 738–746. (In Russian). EDN: QQNTXY
4. Lejderman, N. L., Lipoveckij, M. N. (2001) *Sovremennaya russkaya literatura: V 3-h kn. Kn. 3: V konce veka (1986–1990-e gody): Uchebnoe posobie* [Modern Russian Literature: In 3 books. Book 3: At the End of the Century (1986 – 1990s): Study Guide]. Moscow: Editorial URSS Publ. (In Russian).
5. Markov, A. V., Shtajn, O. A. (2024) Lad'ya nebesnaya: ekfrasis Eleny SHvarc kak summa chitatel'skogo opyta [The Boat of Heaven: Elena Schwartz's Ekphrasis as the Sum of Reading Experience] *Semioticheskie issledovaniya – Semiotic Studies*. No. 4 (1). Pp. 51–57. (In Russian).
6. Nichiporov, I. B. (2020) Poetologiya Ol'gi Sedakovoj [Olga Sedakova's Poetology]. *Russistika bez granic. Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal (Bolgariya) – Russian Studies Without Borders. International Scientific Journal (Bulgaria)*. No. 1. Vol. 4. Pp. 55–62. (In Russian).
7. Pronin, M. V. (2024) O nekotoryh osobennostyah poeticheskogo yazyka Eleny SHvarc [About some features of the poetic language of Elena Schwartz]. *Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedenie. YAzykoznanie. Kul'turologiya» – Bulletin of the Russian State Universi-*

ty for the Humanities. Series "Literary Studies. Linguistics. Culturology". No. 3. Pp. 129–136. (In Russian). DOI: 10.28995/26867249–2024–3–129–136.

8. Zitzewitz J, von. (2017) From underground to mainstream. The case of Elena Shvarts. *Twentieth-century Russian poetry. Reinventing the canon*. Ed. by K. Hodgson, J. Shelton, A. Smith. Cambridge: Open Book Publishers. Pp. 225–263.

Об авторе

Ничипоров Илья Борисович, профессор, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор (Москва, Российская Федерация); e-mail: il-boris@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-6338-9947

About the Author

Ilia Nichiporov, Professor, Moscow State University, Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russian Federation); e-mail: il-boris@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-6338-9947

дата получения: 11.06.2025 г.
дата принятия: 30.07.2025 г.
дата публикации: 30.09.2025 г.

date of receiving: 11 June 2025
date of acceptance: 30 July 2025
date of publication: 30 September 2025

Р. М. Ханинова

«Свой» – «другой»: пушкинская тема в современной калмыцкой русскоязычной лирике

В статье рассматривается пушкинская тема в современной калмыцкой русскоязычной лирике в аспекте «свой» – «другой». Для калмыцких поэтов восприятие А. С. Пушкина как «своего», родного, близкого человека и как гения обусловлено в первую очередь сочувственным отношением поэта к калмыкам, нашедшим отражение в его творчестве разных лет, в его формулах «друг степей калмык», «любезная калмычка». Стихи-посвящения Пушкину, публицистика, мемуаристика, переводческая деятельность характерны для поэтов старших поколений. В современной калмыцкой русскоязычной лирике пушкинская тема представлена значительно уже по сравнению с калмыцкой лирикой. Парадигма «свой» в отношении классика русской литературы смещается в сторону парадигмы «другой». Частотность произведений, адресованных А. С. Пушкину, снизилась, локальность их тематики ориентирована на прочтение тех или иных хрестоматийных пушкинских текстов, избранных страниц его биографии. Пушкин страдающий, Пушкин родной, Пушкин талантливый, Пушкин игривый – некоторые грани этого образа в стихах-откликах и эссе современных калмыцких поэтов.

Ключевые слова: Пушкин, калмыцкая пушкиниана, «друг степей калмык», «любезная калмычка».

Для цитирования: Ханинова Р. М. «Свой» – «другой»: пушкинская тема в современной калмыцкой русскоязычной лирике // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 3. – С. 80–95. DOI: 10.35231/25419803_2025_3_80. EDN: TBYIKI

Благодарности: исследование проведено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 25-28-01283, <https://rscf.ru/en/project/25-28-01283>.

Пушкинская тема в калмыцкой литературе XX – начала XXI вв. занимает особое место, связанное, прежде всего, с пушкинским дискурсом о калмыках в его поэзии и прозе: «Из письма к Я. Н. Толстому» («Желай мне здравия, калмык!», 1820), «Калмычке» (1829), «Путешествие в Арзрум» (1829–1935), «История Пугачевского бунта» (1833–1834), «Капитанская дочка» (1836), «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» («Памятник» (1836) и др. В этом плане Пушкин-писатель стал

своим для калмыцких писателей, обратившихся в разножанровых произведениях к его личности и творчеству, – в стихах, рассказах, публицистике, мемуаристике, переводах. Пушкину адресован ряд коллективных сборников, начиная с 1937 г.: литературно-художественный альманах «Өслт» («Рост», 1937), посвященный 100-летию со дня смерти поэта, с калмыцкими переводами его произведений; «Теегин иньг, танд» («Вам, друг степей», 1974) со стихами калмыцких поэтов; «Мендим дурд, хальмг» («Желай мне здравия, калмык», 1989); «А. С. Пушкин в сердце калмыка» (1999); «Пушкинэ мөңкрсн нерн» («Пушкин на все времена», 2019) к 220-летию со дня его рождения¹.

Отдельное направление – переводы пушкинских текстов на калмыцкий язык, начиная с 1899 г., причем некоторые из них неоднократно переводились разными калмыцкими поэтами, например, тот же «Памятник» – Кару Манджиевым², Хасыром Сян-Белгиным³ и Михаилом Хониновым⁴.

Калмыцкую тему в пушкинском творчестве рассматривают литературоведы из Калмыкии: А. И. Суржок [15], Б. А. Кичикова [3–10], В. З. Церенов [19], Р. М. Ханинова [16–18]. Так, одной из первых к этой теме целенаправленно обратилась А. И. Суржок в статьях и в монографии «Пушкин и калмыки», выдержавшей несколько переизданий, в которых рассмотрен ряд пушкинских произведений. Особенностью исследования А. И. Суржок является то, что она изучила и пушкинскую тему в калмыцкой лирике XX в., правда, на основе русских переводов стихотворений калмыцких поэтов старших поколений. Ряд статей Б. А. Кичиковой характеризуется преимущественным вниманием к калмыцкой теме в творчестве А. С. Пушкина в аспекте творческой истории произведений, историко-литературного комментария, текстологии. В научно-популярной работе В. З. Церенова обобщены биографические факты, связанные с калмыцкой темой в пушкинском творчестве, с переводческой деятельностью калмыцких писателей в этом направлении. В статьях Р. М. Ханиновой прослежена традиция пушкинского послания калмычке в со-

¹ См.: Мендим дурд, хальмг = Желай мне здравия, калмык. Элст, 1989; Пушкинэ мөңкрсн нерн = Пушкин на все времена: калмыцкая пушкиниана: литературно-художественное издание: к 220-летию со дня рождения А. С. Пушкина / сост. Г. Ш. Сармашева, Г. Н. Эльбикова. Элиста, 2019. 813 с.

² Пушкин А. С. Бумб // Өслт. Элст, 1937. X. 13–14.

³ Пушкин А. С. Бумб // Сян-Белгин Х. Живртэ баһчуд. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1962. X. 61.

⁴ Мендим дурд, хальмг = Желай мне здравия, калмык. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1989. С. 116–117.

временной русской лирике, представлены стихи-посвящения некоторых калмыцких поэтов, рассказано об их участии в пушкинских праздниках поэзии.

Пушкинская тема в современной калмыцкой русскоязычной лирике не была объектом и предметом исследования, чем обусловлены актуальность и новизна данной статьи. Цель исследования – рассмотреть указанную тему в аспекте «свой» – «другой». Среди задач – выявление произведений современных калмыцких русскоязычных поэтов на заявленную тему, их сравнительно-сопоставительный анализ на уровне поэтики текста, рассмотрение авторских интенций в ракурсе восприятия личности и творчества А. С. Пушкина.

Материалы и методы

Понятие Другой рассматривается в современном литературоведении в разных аспектах взаимоотношения Я – Другой [см.: 1–2]. «Именно парадигма “свой – чужой – другой”, являющаяся одной из наиболее обсуждаемых моделей анализа в современном социогуманитарном знании, представляет собой способ социокультурной классификации, который может быть применен к миру людей и разных его направлений» [14, с. 52].

В статье анализируются художественные произведения современных калмыцких русскоязычных поэтов (стихи, эссе, сказка) в парадигме «свой» – «другой» через восприятие авторами личности и творчества А. С. Пушкина. Парадигма «свой» – «другой» по отношению к Пушкину исключает категорию «чужой». «Понятие другой ассоциируется прежде всего с другим человеком, другим Я (другим субъектом), хотя, как показал опыт философии XX в., вполне реальна и проблема “Я как Другой”. В таком контексте именно понятия чужой и другой представляют семантические полюса по отношению к “Я”: другой как просто иной по отношению ко мне, а чужой – как враждебный по отношению ко мне» [12, с. 235–236].

Материалами для статьи стали тексты профессиональных писателей, членов Союза писателей России и Союза российских писателей. В основном это стихи разных лет, написанные по разным случаям, не всегда привязанные к пушкинским датам. Если для старшего поколения калмыцких писателей, создававших свою пушкиниану на родном языке, характерно

особенное внимание к калмыцкой теме в творчестве русского гения, диалог с ней, то для большинства современных калмыцких русскоязычных поэтов она не является определяющей в их понимании Пушкина-человека и Пушкина-писателя. В этом плане Пушкин для этих авторов не «свой», а «другой». А его знаковые для старшего поколения калмыцких писателей емкие формулы («друг степей калмык», «любезная калмычка») обычно воспринимаются этими современными поэтами как аксиомы, не требующие обсуждения или полемики.

Пушкин для них – спутник на жизненном пути, биографический подход позволяет соотносить события жизни авторов с событиями пушкинских произведений, которые находят отклик в их стихах и эссе. Сравнительно-сопоставительный метод выявляет разные образы русского гения и его литературных героев в лирике калмыцких русскоязычных поэтов, проецируя интерпретацию пушкинских смыслов. Характерно, что среди авторов нет представителей молодого поколения. Нет и переводов пушкинских произведений на калмыцкий язык из-за его незнания, что также сужает поле деятельности среди таких поэтов.

Результаты

Тематический диапазон пушкинской темы в калмыцкой лирике XX – начала XXI вв.: обращение к жизни великого русского поэта; посещение поэтом калмыцких степей в 1836 г., дуэль и смерть в 1837 г.; диалог с калмыцкой темой в его творчестве: послание «Калмычке», «друг степей калмык» в «Памятнике», калмыцкая сказка в романе «Капитанская дочка»; размышления о назначении поэта и поэзии, поэт и свобода, поэт и судьба, судьба России, посещение пушкинских мест, участие в Пушкинских праздниках поэзии.

В современной калмыцкой русскоязычной лирике пушкинская тема представлена значительно уже по сравнению с калмыцкой лирикой. Парадигма «свой» в отношении классика русской литературы, на наш взгляд, сместилась в сторону парадигмы «другой». Во-первых, частотность произведений, адресованных А. С. Пушкину, снизилась. Во-вторых, она локально ориентирована на экфрасис – рукотворный памятник поэту (Валентина Лиджиева), сибирские воспоминания (Цебек Адучиев), на дуэль и ее последствия (стихи Виктора

Коксадаева). Эссе Татьяны Бадаковой «Мой Пушкин» (2024) сразу позиционирует восприятие Пушкина как «своего», что нашло отражение как в названии, так и в содержании. Более всего диалог с Пушкиным представлен в лирике Риммы Ханиновой. Этот диалог строится на основе обращения к ряду пушкинских текстов: «Путешествие в Арзрум», «Калмычке», «Моцарт и Сальери», «Капитанская дочка», «Пиковая дама» и др. Некоторые из таких ее произведений переведены на английский язык и вошли в сборники разных лет: «Взлететь над мира суетой» (1994), «День влюбленных» (1997); Поэзия Калмыкии 2009; Dzomba: Kalmyk tea (2015)¹.

В стихотворении Валентины Лиджиевой (г. р. 1959) «Свидание с Пушкиным» (1999) встреча происходит у памятника Пушкину в Москве, где в свое время она училась в Литературном институте им. А. М. Горького. «Пушкинский снег и зима. / Пушкин грустит в тишине... / Может, схожу я с ума? / Может, это во сне?»². В первой строке первой строфы словосочетание «пушкинский снег и зима» семантически многозначно: это отсылка к пушкинской теме зимы, к дуэли Пушкина зимой 1937 года. Экфрасис в стихотворении – бронзовый памятник А. С. Пушкину работы скульптора А. М. Опекушина, установленный в 1880 году в начале Тверского бульвара на Страстной (ныне Пушкинской) площади. Артефакт оживлен: «Пушкин грустит в тишине», – здесь наделение скульптуры в ее позе (склоненная голова) определенным настроением, созвучным настроению автора стихотворения. Следующие две строки относятся уже не к памятнику и не к Пушкину, а к собственным чувствам: «Может, схожу я с ума? / Может, это во сне?» Переживания лирической героини обусловлены предвкушением свидания с любимым человеком, о чем повествует вторая строфа: «Сердце от радости тает, / Губы нежны и сухи». Но свидание с ним не состоялось, поэтому: «Долго и жадно глотаю / Слезы, снежинки, стихи...». Стихи, о которых идет речь в последней строке, не обозначены в принадлежности кому-либо. Можно прочесть в контексте как собственные

¹ См.: Khaninova R. "It's often said there's no disputing taste..." Translated by Carlton Copeland // Dzomba: Kalmyk tea. Ossining, NY: Aelita Press. 2015. P. 75; Khaninova R. Pushkin texts. Translated by Nikolai and Gail Burlakoff // Dzomba: Kalmyk tea. Ossining, NY: Aelita Press. 2015. Pp. 79–80.

² Лиджиева В. Свидание с Пушкиным // Теегин герл = Свет в степи. 1999. № 4. С. 72. Далее в тексте цитаты из стихотворения приводятся по этому изданию.

стихи о любви, как пушкинские стихи о любви, как зарождающиеся строки не написанного еще авторского стихотворения о своей безответной любви. Ср. в другом стихотворении В. Лиджиевой «Мой любимый Тверской бульвар...» (2009), написанном через десять лет, в котором тема встречи с бульваром – это воспоминание о юности, о студенчестве, о свидании, о безответной любви: «Я лечу на свиданье с тобой, <...> Мы заснуть не могли до утра, / от любви безответной страдая, <...> Завтра ветер холодный дунет – / И растает мой сон тотчас. / И потухнет в душе пожар, / И свидание не состоится»¹. Характерно, что в этом стихотворении-воспоминании о юности нет упоминания памятника Пушкину в Москве несмотря на то, что в тексте присутствуют «начинающие поэты», чьи «молодые сердца и умы / устремлялись к добру и свету». Для знающих читателей этот артефакт скрывается в контексте локуса города. У памятника Пушкину, как известно, назначали свои свидания влюбленные. В двух стихотворениях В. Лиджиевой Пушкин предстает как свой только в первом из них, во втором – он не свой, не другой, не чужой, его вообще там нет, и это показатель мироощущения автора в той ситуации. Если в раннем стихотворении хронотоп относится к зиме, то во втором – к осени («Ты все так же шумишь листвою... <...> Завтра ветер холодный дунет...»). Это осень и в душе лирической героини, и в душе автора.

Ретроспекция в стихотворении Цебека Манджиевича Адучиева (1937–2022) переносит читателя в таежную Сибирь, куда шестилетним ребенком попал автор вместе с семьей в период сталинских репрессий (1943–1957). Вспоминая о тех тринадцати годах ссылки, он обратился к пушкинской сказке о рыбаке и рыбке, исполнявшей желания его старухи. Название «Про сказку о золотой рыбке» (2002) прочитывается в контексте пушкинского сочинения и пожилого уже возраста калмыцкого поэта, мысленно возвращающегося в свое детство. В своих воспоминаниях «Вблизи рассвета» (2019) Ц. Адучиев рассказал о своем сибирском периоде жизни, и это можно проследить по его стихотворению о золотой рыбке. Возвращаясь к сво-

¹ Лиджиева В. «Мой любимый Тверской бульвар...» // Теегин герл = Свет в степи. 2009. № 4. С. 102. Далее в тексте цитаты из стихотворения приводятся по этому изданию.

ему мирочувствованию тех лет, поэт рассказал о том, что если бы он поймал тогда золотую рыбку, то он не просил бы у нее ни дворянского звания, ни хором с недремлющим оком охраны. «Не о них я мечтой уносился / в этот вечностный мир ожиданий, / замерзая в снегах Сибири»¹. Интересно, что перечень просьб старика рыбке в ответ на требование старухи у мальчика подвергается перестановке, и начало – новое корыто – возникает не сразу, поскольку: «И корыта тогда я не помнил: / мать в ведерке своём стирала / дыроватые наши обноски». Ср. в воспоминаниях упоминается потрепанный пиджак с плеча старшего брата, застиранная рубашка². О чем просил бы мальчик золотую рыбку? «А просил, чтоб она нас вернула / на порог нашей старой избышки / и чтоб ждали меня вечерами / мой отец, как старик, с моей мамой, / не по возрасту ставшей старушкой». Мотивы родного дома и возвращения в родной край связаны с родителями, оставшимися навеки в чужой земле. Сравнение родителей со стариками – это не только артикуляция пушкинского текста, но и свидетельство тяжелой бесправной жизни ссыльных калмыков, рано постаревших. Неожданной выглядит заключительная просьба мальчика: «вдохнуть / горьковатый дымок листопада / на осенней земле огородной». Наконец, он обращается к рыбке с вопросом, сможет ли она выполнить его просьбу, подкрепляя доводом: «ведь по сказке ты очень шустра / и людей хорошо понимаешь?» (курсив здесь и далее наш, кроме оговоренных случаев. – Р. Х.). Так сравниваются требования вздорной старухи и просьба ссыльного мальчика. В другом варианте стихотворения характеристика повелительницы морского царства изменена: «ведь по сказке ты очень добра / и людей хорошо понимаешь»³. Эта замена акцентирует внимание на том, что в окружающем мире не хватает доброты и справедливости. В первом варианте после этого вопроса следуют уточнения в виде строки. Затем вспоминается случай, когда пришлось увидеть, как ушла в пучину морская рыба, резко взмахнув хвостом и свирепо

¹ Адучиев Ц. Про сказку о золотой рыбке // Адучиев Ц. М. На границе тревожных времен: стихи, проза. Элиста: Джангар, 2004. С. 14–15. Далее в тексте цитаты из стихотворения приводятся по этому изданию.

² Адучиев Ц. М. Вблизи рассвета. Элиста: КалмНЦ РАН, 2019. С. 9.

³ Адучиев Ц. Про сказку о золотой рыбке // Дар духовный: альманах: на калм. и рус. яз. Элиста, 2021. С. 8. Далее в тексте цитаты из стихотворения приводятся по этому изданию (как другой вариант).

сверкнув глазами. Добрая рыба из сказки и свирепая рыба из реальности отличаются в восприятии ребенка. Тем не менее, поэт задумался: «А была ли она золотой, / или мне показалось, не знаю». Ср. во втором варианте: «А была ли она золотой, / или мне показалось, не помню». Мотив рыбной ловли присутствует в воспоминаниях поэта о сибирском детстве, когда с деревенскими ребятами летом ловил руками рыбу в мелководной речке, в основном пескарей¹. Текст стихотворения отмечен просторечием, разговорной интонацией («старик <...> заловил эту самую рыбку», «дыроватые <...> обноски»), расшатанной ритмикой. Хрестоматийность пушкинского текста подчеркнута Ц. Адучиевым и тем, что помимо названия («Про сказку о золотой рыбке») нет упоминания имени автора «Сказки о рыбаке и рыбке» (1833).

В рамках темы «На смерть Пушкина» укажем на непритязательные стихи Виктора Владимировича Коксадаева (г. р. 1955) «А. С. Пушкину» (2002), «Пушкин – Натали», «Воздух морозный...» (2009), в которых авторскую интенцию можно выделить как «Пушкин – страдающий» [11, с. 165] в русле традиций русской классики с 1837 года после его гибели на дуэли. В первом тексте с адресацией в названии смена местоимений «я» (Пушкин) – «мы» (современники поэта, по словам автора) завершается сожалеющей констатацией: «Забудут люди про поэтов, / И честь не будет уж в чести»². Второй текст – воображаемый диалог поэта с женой перед дуэлью, мало имеющий точек соприкосновения с дуэльным кодексом (например, «не заслоню свою грудь пистолетом»), с реалиями трагического события («Не поминай меня лихом перед дуэлью»)³. Третий текст, построенный на оппозиции «жизнь – смерть», «холодно – горячо», «снег – кровь», обращен из прошлого (дуэль) к современности: «Вечным укором / будет нам / лик его бледный»⁴. Здесь личное местоимение «я» первого лица, обозначенное множественным числом, видимо, по мысли автора, должно показать сопричастность всех современников поэта и последующих поколений к метафизической ответ-

¹ Адучиев Ц. М. Вблизи рассвета. Элиста: КалМНЦ РАН, 2019. С. 34.

² Коксадаев В. А. С. Пушкину // Коксадаев В. В. Прими с улыбкой: стихи. Элиста: Джангар, 2006. С. 13.

³ Коксадаев В. Пушкин – Натали // Особенный день: стихи и рассказы молодых литераторов. Элиста: Герел, 2009. С. 290.

⁴ Там же.

ственности за его смерть (помимо вероятных виновников, о которых также немало сказано в пушкиниане всех столетий).

Эссе Татьяны Ивановны Бадаковой (г. р. 1953) «Мой Пушкин» (2024) продолжает другую традицию в пушкиниане – «прочувствованное эссе о Пушкине» (курсив автора. – Р. Х.) [11, с. 166], берущую начало с эпохи Серебряного века. Здесь «признание в личной любви» к поэту, «непременное упоминание о его роли в литературе, нередко – несколько фраз, которые показывают, что автор прочно ассоциирует поэта с Россией и, наконец, несколько слов о личном отношении. В этих произведениях явился еще один Пушкин – *родной*» (курсив автора. – Р. Х.) [11, с. 166–167]. Название, как и у эссе М. Цветаевой «Мой Пушкин», «весьма интимно» [11, с. 167]. Тексту предшествует эпиграф из известного высказывания литературного критика Аполлона Григорьева: «Пушкин – наше всё». Автор сразу заявляет о Пушкине как о родном и близком человеке, сравнимом с бабушкой, например. «Пушкин приходит в жизнь человека с раннего детства, вернее, не приходит, он находится в нашей жизни, как *родной* и близкий человек, например, бабушка. Ведь ребёнок ещё не осознаёт, кто такая бабушка, откуда. Просто он знает, что она всегда рядом»¹. Почему здесь фигурирует бабушка, а не дедушка, – вероятно, здесь проекция на собственную бабушку. Помимо цитирования хрестоматийных пушкинских стихотворных строк (в том числе «любезная калмычка», «друг степей калмык») автор эссе включает собственное стихотворение (под названием «Шестое июня»), пояснив, что, «думая о Пушкине, непременно хочется признаться ему в любви и поблагодарить». Как к *родной* бабушке, так и к *родному* Пушкину дистанция минимизирована – обращение на «ты». Вначале заявлен отзвук калмыцких степей рифмам поэта: «Зазвучат наши степи ковыльные, вторя / красоте твоих рифм, достигших небес», что можно понять по-разному: как чтение пушкинских строк на калмыцкой земле (эхо восприятия), как поэтическую переключку калмыцких поэтов с русским поэтом сквозь время и пространство (диалог). В следующих двух строках табуны лошадей в своих гривах принесут столь желанную Гению вольную волю. Здесь

¹ Бадакова Т. Мой Пушкин // Бадакова Т. В краю поющих барханов. СПб.: Четыре, 2024. С. 4–8. Далее в тексте цитаты приводятся по этому изданию.

отсылка к калмыцкому пейзажу в «Путешествии в Арзрум...», контекстно возникает оппозиция «гений – несвобода», которая снимается в стихотворении подразумеваемым бессмертием его творчества. От современной «любезной калмычки» поэту даруется «улыбка нежная», с подчеркиванием того, что «взор сегодня её уже вовсе не дик», хотя в послании автор различал взор и дикую красу степнячки («Твой взор и дикая краса»), где «дикая краса» имеет коннотации естественности, природности, иной национальности. Другие ему дары потомков «друга степей», «на века воспетые», обобщаются словом «благо», в которое, вероятно, вкладывается то, что можно долго объяснять, но ведь и так всем понятно (см. эпиграф к эссе). Поэтому, на всякий случай, калмыцкий писатель прибегает к отзыву Ивана Бунина «о гении Пушкина, который был для него кумиром в творчестве и символом России». Наконец, выясняется, какие самые «мои» строки у русского поэта для автора эссе: «Мороз и солнце; день чудесный!» («Зимнее утро») [13, II, с. 157], связанные с детством, юностью, семьей, с ожиданием солнечного дня («Пора, красавица, проснись...»).

Стихотворение в авторском эссе названо «Шестое июня» с проекцией на день рождения поэта, тот же по сути текст с другим названием «Пушкину» ранее вошел в альманах «Дар духовный» (2021). Здесь в заключительных словах уже звучит: «Благодарность потомков, как ширь безбрежную, / За увековеченное – “друг степей калмык”»¹.

Диалог с Пушкиным – это «диалог с Другим, таким же, как и Я» [12, с. 239–240]. В лирике Риммы Михайловны Ханиновой (г. р. 1955) диалог с Пушкиным разворачивается по разным полюсам – согласия или несогласия с его героями и интенциями. Например, в трагедии «Моцарт и Сальери» (1839) из цикла «Маленькие трагедии» она не принимает высказывание Сальери («Все говорят: нет правды на земле. / Но правды нет – и выше» [13, IV, с. 287]) в своем стихотворении «Все говорят: нет правды на земле» (1994)², соглашаясь с автором трагедии, поборником правды. В то же время пересматривает свое отношение к утверждению Моцарта: «А гений и злодейство – / Две вещи несовместные» [13, IV, с. 294], – когда пишет:

¹ Бадакова Т. Пушкину // Дар духовный: альманах: на калм. и рус. яз. Элиста, 2021. С. 11.

² Ханинова Р. «Все говорят: нет правды на земле...» // Ханинова Р. М. Взлететь над мира суетой: стихи. Элиста: Джангар, 1994. С. 189.

«Когда-то верилось: две вещи несовместны – / Злодейство с гением»¹. И даже заявляет: «О Пушкин был неправ!». И предлагает свою скорректированную формулу взаимоотношения гения не с талантом (случай Сальери), а с посредственностью, которая, «ликуя, правит бал. / Посредственность, которая умеет / лишь то, что гений отвергал». Второе стихотворение неслучайно входит в ее цикл «Аксиомы»².

Несколько ранних стихотворений Р. Ханиновой в диалоге с пушкинскими произведениями – размышления о калмыцкой сказке в «Капитанской дочке»: «Орел и ворон из калмыцкой сказки...» (1993)³ и «Послесловие к сказке» (2005)⁴, а также о случае и судьбе в «Пиковой даме» – «Три числа» (1993) с эпиграфом «Пиковая дама означает тайную недоброжелательность» [13, V, с. 207]. Видя дилемму смысла жизни и борьбы в семантике и символике образов птиц калмыцкой сказки, современный поэт задается риторическим вопросом: «Но кто живет по мудрости указке, / Ведь вдосталь мертвечины у судьбы». Спустя двенадцать лет поэт обращается к литературным героям пушкинского произведения, вступая в диалог сначала с вороной, а затем с орлом, пытаясь в историко-функциональном аспекте раскодировать искомый текст. Ср. в раннем ханиновском стихотворении ворон, как в пушкинском тексте, в позднем стихотворении – это уже ворона, происходит как бы снижение образа этой птицы: ворон – ворона. Такая корреляция обусловлена иронической интонацией вопроса вороне: «Калмыцкая птица ворона, / зачем ты смущала орла? Как будто не зная урона, какой ты себе нанесла?». Ворона резонно отвечает, что сам орел спросил, как можно прожить столько лет: «– Я просто делилась секретом: / клевать мертвечину в обед, / не думав, признаться, при этом / свой рейтинг поднять в триста лет». Обращение к орлу исполнено сочувствия: «– Орел-брат, откуда сомнения / возникли вдруг? Прямо скажи. / Неужто воронье нам мнение / заменит свое: подсажи». Орел смущен: «– Шулмус,

¹ Ханинова Р. «Когда-то верилось: две вещи несовместны...» // День влюбленных: сб. стихов. Элиста: Джангар, 1997. С. 156. Далее в тексте цитаты из стихотворения приводятся по этому изданию.

² День влюбленных: сб. стихов. Элиста: Джангар, 1997. С. 142–157.

³ Ханинова Р. «Орел и ворон из калмыцкой сказки...» // Римма Ханинова: библиографический указатель. – Элиста, 2005. – С. 96. Далее в тексте цитаты из стихотворения приводятся по этому изданию.

⁴ Ханинова Р. Послесловие к сказке // Римма Ханинова: библиографический указатель. Элиста, 2005. С. 95–96. Далее в тексте цитаты из стихотворения приводятся по этому изданию.

видно, зноем попутал – / в остатке лишь тридцать годков. /
Решил: “триста лет” и запутал / своих и чужих с его слов. <...>
Не царское, понял я, дело – / вороне судьбу нам вверять». (Шулмус (калм.) – нечистая сила. – Р. Х.). Задавшись вопросом о смысле калмыцкой мудрости, автор заключил: «...Затейлива жизнь, как сказка, / по тексту сверяй – ни сверяй. / И коли нужна нам развязка, / поэту, как встарь, доверяй». Здесь Пушкин предстает как свой, знающий калмыцкий фольклор, близкий по мировоззрению и мироощущению.

В том же шутивно-ироническом тоне построены два других стихотворения калмыцкого поэта: «На вкус и цвет друзей, известно, нет...» (2002) и «Пушкинские тексты» (2008). В первом обыграна встреча Пушкина с калмыцким семейством в кибитке, угощение национальным чаем, который не пришелся по вкусу гостю: «И перевел дыханье лишь с трудом, / Вершины гор кавказские завидев»¹. «Пушкинские тексты» основаны на осмыслении послания «Калмычке» и «Путешествия в Арзрум...»: «Поэт был точен, / Отметил, ровно пол часа, / В уме и в сердце – девы очи, / Не первобытная краса. / Но все же он через неделю / Перебелил свой черновик, / В котором мы узнаем в деле / Бурлескный пушкинский язык, / Кокетство Пушкина с калмычкой, / Почти альбомный мадригал, / Что стал навеки нам отмычкой, / Как странник степи постигал»². Оттого: «И распирает гордость снова: / Тогда в степи на пол часа / Ты вдохновила его Слово: / О, как шутивы Небеса!..». Семьдесят шесть строк такого диалога с пушкинскими текстами созданы в ракурсе прочтения статьи М. Шапира о послании «Калмычке» на фоне макроэволюции русского поэтического языка [20].

Б. А. Кичикова обратила внимание на комический микросюжет дорожного «приключения» в путешествии в Арзрум, связав совестливый укор калмычки с ответом замужней Татьяны, отказавшей во взаимности Онегину [8, с. 172] (когда поэт, решив, что достоин вознаграждения за приобщение к калмыцкому питию, попросил калмычку поцеловать его, а она отказалась, просто сказав, что «[н]еожна, стыдно», для убедительности

¹ Ханинова Р. «На вкус и цвет друзей, известно, нет...» // Элистинские новости. 2002. 7 июня. С. 1. Далее в тексте цитаты из стихотворения приводятся по этому изданию.

² Ханинова Р. Пушкинские тексты // Поэзия Калмыкии: антология: на калм. и рус. яз. Элиста: Герел, 2009. С. 306. Далее в тексте цитаты из стихотворения приводятся по этому изданию.

замахнувшись «мусикийским орудием»). Вероятно, здесь можно говорить о Пушкине *изривом* [11, с. 172]. (Ср.: из письма жене: «...с калмычками не кокетничаю...»; «калмыцкие нежности»).

Рецепция пушкинского «Пророка» присутствует в ханиновской «Балладе о родном языке» (2021), в которой диалог лирической героини с ночным гостем – шестикрылым серафимом – размышления о роли поэта в современном мире, о проблеме незнания родного языка: «– Вырвать тебе бы твой грешный язык, / Тот, что не знает теперь здесь калмык, – / Мне пригрозил мой загадочный гость, / Будто засунул мне в горло всю кость»¹. Написанное в канун Международного дня языков стихотворение калмыцкого русскоязычного поэта поднимает проблему исчезновения и сохранения языков народов мира. Грани между сновидением и явью возникают в заключительных строках: «...Утром перо на пороге нашла. / Выпало, верно, оно из крыла...»

Обсуждение и выводы

Локальное, точечное, эпизодическое обращение современных калмыцких русскоязычных поэтов свидетельствует о периферийном положении Пушкина в их творчестве, в основном он – *другой*, в редких случаях – *свой*, *родной* (Бадакова, Ханинова). Такая временная и пространственная дистанция у многих указанных авторов не умаляет для них истинного значения того, кто является «нашим всем», но и не демонстрирует его востребованность в той или иной степени, как у калмыцких поэтов старших поколений со своей пушкинианой на родном языке. Кроме того, в отличие от калмыцких поэтов старших поколений, современные калмыцкие русскоязычные поэты не занимаются переводами произведений Пушкина на калмыцкий язык, как не создают на родном языке и свои тексты. В то же время среди профессиональных современных калмыцких русскоязычных поэтов нет молодых авторов, поэтому нельзя говорить о преемственности пушкинианы в этом плане. Участие поэтов в ежегодных региональных пушкинских праздниках ограничивается обычно чтением пушкинских текстов или собственных на искомую тему, написанных ранее.

¹ Ханинова Р. Баллада о родном языке // Литературная газета. 2021. 20 октября. С. 22. Далее в тексте цитаты из стихотворения приводятся по этому изданию.

Юбилейные даты также, судя по всему, не особенно влияют на появление новых произведений на пушкинскую тему.

Пушкин *страдающий*, Пушкин *игривый*, Пушкин *талантливый*, Пушкин-сказочник, Пушкин-этнограф, Пушкин-философ, Пушкин-историк, Пушкин-памятник – таковы некоторые грани представления русского гения в восприятии современной калмыцкой русскоязычной лирики.

Список литературы

1. Другой в литературе и культуре: сб. науч. трудов в 2 т. / Ред.-сост. А. Г. Степанов, С. Ю. Артёмова. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – Т. 1. – 424 с.
2. Другой в литературе и культуре: сб. науч. трудов в 2 т. / Ред.-сост. А. Г. Степанов, С. Ю. Артёмова. – М.: Ганга, 2021. – Т. II. – 512 с.
3. Кичикова Б. А. «Желай мне здравия, Калмык!» (Историко-литературный комментарий к комплексу текстов А. С. Пушкина начала 1820-х гг.) // Теегин герл. – 2001. – № 8. – С. 41–80.
4. Кичикова Б. А. Калмыки в мире Пушкина // Вестник КИГИ РАН. – 2009. – № 1. – С. 43–51.
5. Кичикова Б. А. «Желай мне здравия, калмык!» (вопросы текстологии, материалы к комментарию: Часть I) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2014. – № 3. – С. 163–168.
6. Кичикова Б. А. «Желай мне здравия, калмык!» (вопросы текстологии, материалы к комментарию: Часть II) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2014. – № 4. – С. 163–168.
7. Кичикова Б. А. Послание А. С. Пушкина «Калмычке» как историко-литературная проблема // Вестник КИГИ РАН. – 2015. – № 2. – С. 166–173.
8. Кичикова Б. А. Послание А. С. Пушкина «Калмычке»: аспекты жанрового своеобразие // Вестник КИГИ РАН. – 2015. – № 3. – С. 169–173.
9. Кичикова Б. А. «Путевые записки» А. С. Пушкина: эпизод в калмыцкой кибитке (Из материалов к комментарию) // Вестник КИГИ РАН. – 2015. – № 4. – С. 171–178.
10. Кичикова Б. А. «Ты не лепечешь по-французски...» (послание А. С. Пушкина «Калмычке»: из материалов к комментарию) // Вестник КИГИ РАН. – 2015. – № 1. – С. 111–115.
11. Конюкова М. Л. Образ Пушкина в русской литературе и журналистике как показатель настроений в обществе и личных качеств автора // Art Logos. – 2025. – № 1 (30). – С. 164–175.
12. Минх Р. Свой vs иной/другой/чужой в идейно-эстетической парадигме модернизма // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 23. – № 2. – С. 233–245.
13. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. – М.: Правда, 1981.
14. Серикова Л. А. Парадигма «свой – чужой – другой»: теория и практика // Вестник КазНПУ им. Абая. – 2024. – № 3 (89). – С. 51–58.
15. Суржок А. И. Пушкин и калмыки. – 3-е изд., испр. и доп. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. – 174 с.
16. Ханинова Р. «Мне ум и сердце занимали твой взор и дикая краса...»: традиция послания калмычке в русской поэзии // Известия Калмыкии. – 2009. – 6 июня. – С. 6.
17. Ханинова Р. О Пушкине и его «Калмычке» // Хальмг үнн. – 2009. – 6 июня. – С. 4.
18. Ханинова Р. Пушкин на все времена // Хальмг үнн = Калмыцкая правда. – 2020. – 6 июня. – Х. 10.
19. Церенов В. З. Счастливый дар. «Калмыцкие нежности» А. С. Пушкина. – Элиста: Джангар, 2012. – 128 с.

20. Шапир М. О неровности равного: Послание Пушкина «Калмычке» на фоне ма-кроэволюции русского поэтического языка // Шапир М. И. Статьи о Пушкине. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 209–217.

Rimma Khaninova

“One’s Own” – “The Other”: Pushkin’s Theme in Modern Kalmyk Russian-language Lyrics

The author of the article examines the Pushkin theme in modern Kalmyk Russian-language lyrics in the aspect of “one’s own” – “the other”. For Kalmyk poets, A. S. Pushkin’s perception as “one’s own”, a native, a close person and as a genius is primarily due to the poet’s sympathetic attitude towards Kalmyks, reflected in his work of different years, in his formulas “friend of the Kalmyk steppes”, “kind Kalmyk woman”. Poems dedicated to Pushkin, journalism, memoirs, and translation are typical of poets of the older generations. In modern Kalmyk Russian-language lyrics, the Pushkin theme is presented much narrower than in Kalmyk lyrics. In our opinion, the paradigm of “one’s own” in relation to the classic of Russian literature has shifted towards the “other” paradigm. The frequency of works addressed to A. S. Pushkin has decreased, the locality of their subject matter is focused on reading certain textbook Pushkin texts, selected pages of his biography. Pushkin the suffering, Pushkin the native, Pushkin the talented, Pushkin the playful – some facets of this image are in the response poems and essays of modern Kalmyk poets.

Key words: Pushkin, Kalmyk Pushkiniana, “friend of the Kalmyk steppes”, “kind Kalmyk woman”.

For citation: Khaninova, R. M. (2025) «Svoj» – «drugoj»: pushkinskaya tema v sovremennoj kalmyckoj russkoyazychnoj lirike [“One’s Own” – “The Other”: Pushkin’s Theme in Modern Kalmyk Russian-language Lyrics]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 80–95. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2025_3_80. EDN: TBYIKI

Acknowledgments: the research was carried out at the expense of a grant Russian Science Foundation, project No. 25-28-01283, <https://rscf.ru/en/project/25-28-01283>.

References

- Stepanov, A. G., Artemova, S. Y. (2019) (eds.) *Drugoj v literature i kul'ture* [The other in literature and culture]. Collection of scientific papers in 2 vols. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. Vol. 1. (In Russian).
- Stepanov, A. G., Artemova, S. Y. (2021) (eds.) *Drugoj v literature i kul'ture* [The other in literature and culture]. Collection of scientific papers in 2 vols. Vol. II. Moscow: Ganga Publ. (In Russian).
- Kichikova, B. A. (2001) «Zhelaj mne zdравиya, Kalmy'k!» (Istoriko-literaturnyj kommentarij k kompleksu tekstov A. S. Pushkina nachala 1820-x gg.) [“Wish me good health, Kalmyk!” (Historical and literary commentary on the complex of texts by A. S. Pushkin in the early 1820s)]. *Teegin gerl – Light in the Steppe*. No. 8. Pp. 41–80. (In Russian).
- Kichikova, B. A. (2009) Kalmy'ki v mire Pushkina [Kalmyks in Pushkin’s World]. *Vestnik KIGI RAN – Bulletin of KIGI RAS*. No. 1. Pp. 43–51. (In Russian).
- Kichikova, B. A. (2014) «Zhelaj mne zdравиya, Kalmy'k!» (voprosy tekstologii, materialy k kommentariyu: Chast' I) [“Wish me good health, Kalmyk!” (Questions of textual criticism, materials for commentary: Part I)]. *Vestnik KIGI RAN – Bulletin of KIGI RAS*. No. 3. Pp. 163–168. (In Russian).
- Kichikova, B. A. (2014) «Zhelaj mne zdравиya, Kalmy'k!» (voprosy tekstologii, materialy k kommentariyu: Chast' II) [“Wish me good health, Kalmyk!” (Questions of textual criticism, materials for commentary: Part II)]. *Vestnik KIGI RAN – Bulletin of KIGI RAS*. No. 4. Pp. 163–168. (In Russian).
- Kichikova, B. A. (2015) Poslanie A. S. Pushkina «Kalmy'chke» kak istoriko-literaturnaya problema [Pushkin’s Epistle to the “Kalmyk Woman” as a historical and literary problem]. *Vestnik KIGI RAN – Bulletin of KIGI RAS*. No. 2. Pp. 166–173. (In Russian).
- Kichikova, B. A. (2015) [A. S. Pushkin’s Message to “Kalmychka”: aspects of genre originality]. *Vestnik KIGI RAN – Bulletin of KIGI RAS*. No. 3. Pp. 169–173. (In Russian).
- Kichikova, B. A. (2015) «Putevyje zapiski» A. S. Pushkina: e'pizod v kalmy'czkoj kibitke (Iz materialov k kommentariyu) [“Travel notes” by A. S. Pushkin: an episode in a Kalmyk caravan (From materials for the commentary)]. *Vestnik KIGI RAN – Bulletin of KIGI RAS*. No. 4. Pp. 171–178. (In Russian).

10. Kichikova, B. A. (2015) «Ty ne lepechesh po-francuzski...» (poslanie A. S. Pushkina «Kalmychke»: iz materialov k kommentariyu) ["You don't babble in French...": (A. S. Pushkin's message to "Kalmychka": from the materials for the commentary)]. *Vestnik KIGI RAN – Bulletin of KIGI RAS*. No. 1. Pp. 111–115. (In Russian).

11. Konyukova, M. L. (2025) Obraz Pushkina v russkoj literature i zhurnalistike kak pokazatel' nastroyenij v obshchestve i lichnyh kachestv avtora [The Image of Pushkin in Russian Literature and Journalism as an Indicator of the Mood in Society and the Personal Qualities of the Author]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 1. Pp. 164–175. (In Russian).

12. Minkh, R. Svoj vs inoj / drugoj / chuzhoj v idejno-e'stetcheskoj paradigme modernizma (2021) [Own vs other / other / alien in the ideological and aesthetic paradigm of modernism]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nau* [Izvestiya Uralskogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Humanities]. Vol. 23. No. 2. Pp. 233–245. (In Russian).

13. Pushkin, A. S. (1981) *Sobranie sochinenij: v 10 t.* [A. S. Pushkin. Collected Works: in 10 vols.]. Moscow: Pravda Publ. (In Russian).

14. Serikova, L. Paradigma «svoj – chuzhoj – drugoj»: teoriya i praktika (2024) [A. The “friend– foe– other” paradigm: theory and practice]. *Vestnik KazNPU im. Abaya – Bulletin of KazNPU named after the Abaya*. No. 3 (89). Pp. 51–58. (In Russian).

15. Surzhok, A. I. (1991) *Pushkin i kalmy'ki* [Pushkin and Kalmyk]. 3-e izd., ispr. i dop. Elista: Kalm. kn. izd-vo. (In Russian).

16. Khaninova, R. (2009) «Mne um i serdce zanimali tvoj vzor i dikaya krasa...»: tradiciya poslaniya kalmy'chke v russkoj poe'zii ["Your gaze and wild beauty occupied my mind and heart...": the tradition of the message to the Kalmyk woman in Russian poetry]. *Izvestiya Kalmykia – News of Kalmykia*. June 6. P. 6. (In Russian).

17. Khaninova, R. (2009) O Pushkine i ego «Kalmy'chke» [About Pushkin and his “Kalmyk's woman”]. *Kalmykaya pravda – Kalmyk Truth*. June 6. P. 4. (In Russian).

18. Khaninova, R. (2020) Pushkin na vse vremena [Pushkin for all time]. *Kalmykaya pravda – Kalmyk Truth*. June 6. P. 10. (In Russian).

19. Tserenov, V. Z. (2012) *Schastlivyj dar. «Kalmy'czkie nezhnosti» A. S. Pushkina* [A happy gift. “Kalmyk tenderness” by A. S. Pushkin]. Elista: Dzhangar Publ. (In Russian).

20. Shapir, M. (2009) O nerovnosti rovnogo: Poslanie Pushkina «Kalmy'chke» na fone makroe'vol'yu-cii russkogo poe'ticheskogo yazy'ka [On the unevenness of Equality: Pushkin's Message to the “Kalmyk Woman” against the background of the macroevolution of the Russian poetic language]. Shapir M. I. *Stat' o Pushkine* [Articles about Pushkin]. Moscow: Yazy'ki slavyanskix kul'tur Publ. Pp. 209–217. (In Russian).

Об авторе

Ханинова Римма Михайловна, ведущий научный сотрудник, Калмыцкий научный центр Российской академии наук, доктор филологических наук, доцент (г. Элиста, Российская Федерация); e-mail: khaninova@bk.ru; ORCID ID: 0000-0002-0478-8099

About the Author

Rimma Khaninova, Leading Research Associate, Kalmyk Scientific Center of the RAS, Doctor of Philology, Associate Professor (Elista, Russian Federation); e-mail: khaninova@bk.ru; ORCID ID: 0000-0002-0478-8099

дата получения: 07.06.2025 г.
дата принятия: 30.07.2025 г.
дата публикации: 30.09.2025 г.

date of receiving: 07 June 2025
date of acceptance: 30 July 2025
date of publication: 30 September 2025

[illegible]

ЛИНГВИСТИКА. ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ

Т. Е. Лебедева

«Сказание об осаде Тихвинского монастыря» по списку РГБ из собрания Тихонравова: лингвистическое описание и история текста

В статье представлены результаты лингвистического анализа летописного текста «Сказания об осаде Тихвинского монастыря» по списку из собрания Тихонравова РГБ Ф. 299. № 133: описывается ряд диалектных черт, отраженных в рукописи, что позволяет с большой долей вероятности локализовать говор писца на территории Тихвинского посада; анализируется употребление глагольных форм и синтаксических конструкций, свидетельствующих о книжном характере языка и уровне языковой компетенции пишущего; путем сопоставительного анализа списка «Сказания» и текста Новгородской третьей летописи, опубликованного в Полном собрании русских летописей, характеризуется содержательная сторона исследуемого текста, выявляются разночтения, ошибочные чтения и пропуски в списке ПСРЛ. Отсутствие текстуальных заимствований между списком сказания из собрания Тихомирова и из Новгородской третьей летописи позволяет предположить, что рукописи имеют разные протографы. Полученные данные могут быть использованы для реконструкции истории текста «Сказания».

Ключевые слова: «Сказание об осаде Тихвинского монастыря», памятник XVII века, лингвистическое описание, история языка русской письменности, текстология.

Для цитирования: Лебедева Т. Е. «Сказание об осаде Тихвинского монастыря» по списку РГБ из собрания Тихонравова: лингвистическое описание и история текста // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 3. – С. 98–117. DOI: 10.35231/25419803_2025_3_98. EDN: TLDJOB

О драматическом эпизоде периода Смуты – шведской интервенции в Новгородские земли – повествует памятник письменности новгородского (в широком смысле) происхождения «Сказание об осаде Тихвинского монастыря». «Осадное сидение» в Тихвинском монастыре происходило в 1613 г. (7121–7122); подробная историческая реконструкция событий с опорой как на текст изучаемого памятника, так и на иные русские и зарубежные источники, дана в [11, 17, 20].

Исследователями выявлен целый ряд списков памятника, которые мы предлагаем условно разделить на две группы на основании традиции бытования интересующего нас текста – «летописную» и «книжную», так как «Сказание об осаде», как правило, является составной частью летописных сводов либо «книг» о Тихвинской иконе Пресвятой Богородицы. «Книга о Тихвинской иконе» как единый комплекс изучается литературоведами и историками. Н. Л. Панина выявила многочисленные лицевые списки Книги, выделила две редакции текста Книги в целом – редакцию Иродиона Сергеева, иконника Тихвинского Успенского монастыря, и редакцию Симеона Полоцкого [15]. Научные работы Е. С. Дилигул [3–5] посвящены выявлению новых списков, источников «Книги», вопросам формирования и развития ее текста в XVII–XVIII вв. При этом частный вопрос о версиях текста «Сказания об осаде» в книжных редакциях и в летописной традиции остается за пределами внимания исследователей.

Летописную традицию «Сказания об осаде» представляют текст, включенный в Новгородскую третью летопись под 7121 годом [16, с. 267–273] (далее – НЗЛ), и «повесть», обнаруженная С. Н. Азбелевым в историческом сборнике – рукописи БАН 34.4.1 [1, с. 62], которую С. Н. Азбелев называет Новгородской Уваровской летописью [1, с. 62], а В. В. Яковлев предлагает рассматривать как самостоятельный памятник новгородского летописания XVII в. – Корнильевскую летопись [21, с. 339–340]. Лингвистически ни один из списков «Сказания об осаде Тихвинского монастыря» не исследован.

Материалы и методы

В ходе поисков списков текста нам удалось выявить рукопись РГБ собрания Тихонравова (Ф. 299, № 133)¹ (далее – Тих.133), которая ранее не упоминалась в работах, посвященных «Сказанию об осаде». Рукопись представляет собой отдельную тетрадь, в 4^о, в кодикологическом описании указано на филигране Хивуд № 3571–1615 г. и Гераклитов № 386–1624 г. На верхней крышке переплета бумажная наклейка с надписью «... монастыря иеромонаху иоак... означенную полату о игу-

¹ Для анализа использована цифровая копия рукописи, размещенная на сайте Российской государственной библиотеки. URL: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/299/f-299-133/#image-7>

мена з братиею»¹. Текст без названия, начало «В лѣто 7121 год месяца маа в •ке• день во дни благочестиваго царя государя и великого князя михайла федоровича всея руси и святейшего исидора митрополита великого новгорода ...»². В составе рукописи помимо текста «Об осаде» имеется начало следующего текста – всего несколько строк, написанных более поздним почерком. Текст «Сказания» написан скорописью, одним почерком; с листа 5 писан другими чернилами.

Уникальность данного списка заключается в том, что он существует вне какого-либо свода / книжной компиляции. Происхождение и судьба данного списка требуют отдельного исследования, эти вопросы находятся за рамками настоящей статьи.

Результаты

Рассматриваемый список оказался весьма содержательным и в лингвистическом, и в смысловом отношении в свете истории текста. Ниже охарактеризуем языковые особенности текста, а затем остановимся на содержательной его стороне. При цитировании текста рукописи титла раскрываются, выносные буквы вносятся в строку, надстрочные знаки не воспроизводятся. Текст Тих.133 передается современным гражданским шрифтом, буква «ѣ» не заменяется на «е», так как употребление или неупотребление «ѣ» может свидетельствовать о наличии / отсутствии определенной фонемы; знаки препинания не расставляются, буквенная цифирь заменяется арабской. Текст НЗЛ по ПСРЛ дается по изданию 1841 г.

В рукописи Тих.133 нашел отражение ряд языковых особенностей. Встречаются написания типа *оболость* и *облость* (л. 1), *во гродъ* (л. 4). Пример *оболость* можно рассматривать как ошибочное написание либо как гиперкорректное русское написание. Написания *облость* и *во гродъ*, скорее всего, отражает контаминацию русского полногласия *оло* и церковно-славянского *ла*. А. А. Зализняк отмечает такие написания в новгородских берестяных грамотах, трактуя их как результат «ошибочной славянизации русского слова по модели *берегъ – бръгъ*» [7, с. 35].

¹ Эти сведения сообщаются в описании собрания Тихонравова, см.: [19, с. 87].

² В описании фонда Тихонравова указано название «Повесть об освобождении Тихвинского монастыря от шведов; др. загл.: Сказание о [о]саде и о сидении в пречестней обители честнаго и славнаго Одигитрея чудотворныя иконы Тихвинския» с примечанием: название взято из ПСРЛ, т. III, с. 267 [19, с. 87].

Обращает на себя внимание характер реализации [ё] как [и] в позиции под ударением: *недили* (л. 7 об.), *сиверныя* (л. 13., л. 20 об.), *хотиша* (л. 15 об., л. 18 об.), *уразумиша* (л. 17), *вси* (л. 20); данная диалектная особенность характерна для севернорусских говоров и отмечается на территории Тихвинского уезда Новгородской губернии со второй пол. XVI–XVII вв. (подробнее об этой диалектной особенности см. [2; 7; 12; 14]).

Также в орфографии списка отражены: 1) вставка [в] в интервокальной позиции, причем в анализируемой рукописи эта вставка лексикализована: последовательно встречается только в имени *Левонтий Арцыбашев* (лл. 2, 8 об. и др.), при этом в имени *Леонтий Вельяминов* пишется правильно; 2) вставка начального [д] после предлога – *з достальными* (л. 4); 3) сужение [ä] в [‘э] – *паметь* (л. 11); второе полногласие – *долобы* (л. 20 об.).

Реализация [ё] как [и], вставка [в] в интервокальной позиции, вставка начального [д] характерны для актовой письменности Тихвинского уезда (нами были изучены 400 листов копий делопроизводственных документов, снятых И. П. Мордвиновым с тихвинских актов XVII в¹, частично результаты исследования опубликованы в [13]): *смертным убивством*, *смертное безвестное убивство* (Мордв. 78, л. 17), *на вотчима своево*, *на его, вотчима Трифона*, *на вотчима своего*, *ее девкиным вотчимом* (Мордв. 78, л. 134), *у Вондреевы жены* (Мордв. 78, л. 135), *перед конюшим старцом Левонидом* (Мордв. 78, л. 108), *Левонтиева жена коробейника Фекла* сказала (Мордв. 78, л. 194); *достальной живот свои* (лл. 18–21).

Диалектные особенности речи писца, нашедшие отражение в тексте, на наш взгляд, позволяют говорить о его севернорусском происхождении. И. С. Котков полагал, что «*рассеянные в <...> рукописях названия писцов по месту жительства <...> и, главное, проявления в их письме свойственной им диалектной речи убедительно свидетельствуют о том, что <...> многочисленные периферийные писцы принадлежали к местным уроженцам*» [10, с. 123]. На этом основании можно с осторожностью предположить, что составитель рукописи Тих.133 был уроженцем Тихвинского посада. Об этом косвенно свидетельствует и употребление местоимений: и *побиша* их множество супротив *бо//рющихся*

¹ Архив СПбИИ РАН. РС. Фонд 89. Оп. 1. Д. 78.

с нами (лл. 5 об.–6); «милосердый же господь не хотя грѣшникомъ смерти и ко обращающихся приемля и дасть **намъ** помощь» (л. 22 об.) (ср. в НЗЛ – «и даде **имъ** помощь на сопротивныхъ» [16, с. 271]). Повествователь в Тих.133 отождествляет себя с защитниками Тихвинского монастыря, в то время как повествователь в НЗЛ занимает более отстраненную позицию.

В тексте рукописи отразились и другие фонетические черты живой речи: 1) ассимиляции на стыке предлогов и существительных (на зговор (л. 2), з *детми* (л. 3 об. и след., где встречается данная формула), з *достальными* (л. 4), *ис светлицы* (л. 4 об.), *ис полков* (л. 5), *ис церкви* (л. 8), *ис туров* (л. 17), з *женами* (л. 19 об.); 2) аканье: *навгородские*, *оснавания* (л. 10 об., л. 22 об.), *окола* (л. 27) и *ехоти*, *ехоли* (л. 2 об.), *выехоша* (л. 5 об.), *Ондрей* (л. 3 об. и др.).

Необходимо отметить и употребление языковых единиц с фонетическими признаками некнижных форм: *межю* собою (л. 2), *граждане* (л. 6 об., л. 19 об.), *Ивана Предтечи* (л. 9), *Михайло Федоровичъ* (л. 1 об.).

Перейдем к анализу грамматических форм «Сказания об осаде» по Тих.133. Несмотря на обилие диалектных черт, отраженных в орфографии текста, употребление глагольных форм и, соответственно, грамматическое оформление повествования осуществляется в рамках книжного узуса. Основным повествовательным временем является аорист, что свойственно летописной традиции¹ [6, с. 605], употребляются формы имперфекта, бессвязочного перфекта, многочисленные причастия в составе конструкций разных типов.

Из 248 форм аориста 220 форм употреблены правильно: *попусти богъ* (л. 1), *приеха сынъ боярской* (л. 1 об.), *доиде слухъ* (л. 5), *побиша окаянии* (л. 5 об.), все православное христианство ... *выехоша* из града и *начаша* с ними понемалу ратоваться (л. 5 об.) и т. д.

Неправильно употребляются 28 форм; в основном, это случаи употребления формы аориста 3 л. ед. ч. вместо 3 л. мн. ч. В ряде случаев употребление формы ед. ч. может быть мотивировано координацией с ближайшим подлежащим из перечислительного ряда: *нача же воевода Андрей и игу-*

¹ Петрухин В. П. Перфект и Плюсквамперфект в Новгородской первой Летописи по Синодальному списку // Russian Linguistics. 2004. Т. 28. № 1. С. 78. EDN: EAMTHF. Электронный ресурс. URL: <https://www.jstor.org/stable/40160756> (дата обращения: 01.04.20325).

мен Ануфрей з дворяны и з детьми боярскими и стрельцы и со всеми православными хриятияны вельми скорбѣти (л. 3 об.); князь Семень Васильевич Прозоровский да Левонтей Ондреевич Вельяминов собра все свои вои (л. 10 об.-11); водеводы ж и боголюбивое християнство и все православное християнство ... *нача* скорбѣти (л. 15).

Остальные случаи: *яви* ... государевы люди (л. 4); безбожнии *нача* пакость творити (л. 8); слышав же воеводы и христоролюбивое воинство и стретоша (правильная форма) ихъ за два поприща от Тихвины и *нача* с ними ратовати ся (л. 11); они же окаяннии аки зверие люти устреми//ша ся на богоименитое стадо и потом *нача* христоролюбиваго воинства утесняти (л. 11 об.); православные християне *нача* острогъ крѣпити (л. 11 об.); окаяннии *нача* умышляти (л. 12, л. 13); Дмитрѣй Воейковъ да Ондрей Турусовъ и атаманы и казаки стретоша государевыхъ людей и *поведа* имъ (л. 16) (примечательно, что неправильно употребляется форма в ряду однородных сказуемых с сочинительным союзом, и первое из них употреблено правильно; в этом случае вряд ли можно говорить о согласовании по ближайшему члену перечислительного ряда); государевы люди *нача* острог ставити (л. 17 об.); окаяннии же *нача* умышляти и *нача* рвы копати (л. 19 об.); видиша же гражане таковое их ухищрение ... и велми о том *нача* скорбити (л. 19 об.); и вси людие удивиша ся (так!) таковому великому чудеси и *начат* тех безстудных и окаянных жен из монастыря выбивати (л. 20); воевода и все православные християне велми печальни быша ... потом *нача* молити ся (л. 22 об.); они же окаяннии *нача* скорбѣти <...> и *нача* рвы копати (л. 23 об.); народи ж... прославиша Бога и пречистую его матери заступницу нашу и потом абии *нача* мыслити (л. 24 об.); они же сказа (л. 26 об.); священницы же в церкви ... *нача* пети (л. 27).

Из приведенных контекстов видно, что большая часть примеров содержит аорист от глагола *начати*. Недифференцированное по форме числа употребление аориста объясняется, на наш взгляд, тем, что мотивировка выбора формы является неочевидной для носителя языка XVII в., вследствие чего при высокой частотности форма прош. вр. ед. ч. становится «универсальным» сказуемым и координируется с любым подлежащим (и в ед., и во мн.ч.).

Встречаются 5 употреблений формы 3 л. мн. ч. вместо ед. ч.: и *выходиша* христианское воинство (л. 17); христианство ... *узриша* и о томъ ужасоша (л. 18 об.); *выходиша* весь народ (л. 25); воинство *выходиша* (л. 26 об.). Такое употребление для XVII в. можно рассматривать как случаи согласования по смыслу (по данным Энциклопедического словаря «Историческая грамматика русского языка», «[у]гасание семантического согласования происходит к XVII в., однако ограниченно оно проявлялось еще в XVIII–XIX вв.» [8, с. 337]).

Еще несколько форм можно трактовать как контаминацию форм аориста и имперфекта, приведем контексты: ...*хотяша* домъ пречистые Богородицы разорити (л. 5 об.) – по суффиксу основы это форма имперфекта, так же как и по значению – обозначение состояния, выступающее объяснением мотивировки действий «окаянных» [6, с. 623]; в то же время форма имеет окончание аориста 3 л. мн. ч.;

...и *собраше* ся вси люди на стену града (л. 6 об.) – описывается однократное результативное действие, что требует употребления аориста, но в тексте с окончанием имперфекта 3 л. ед. ч.

Единожды встречается форма, которую в зависимости от трактовки значения (результативное действие или состояние) можно интерпретировать как аорист либо имперфект двойств. ч.: *устрашиста* ся // и никим же гоними отидоша от тихвины посрамлены (лл. 8–8 об.). В контексте упоминания двойственного числа надо отметить единичный факт употребления дистрибутивного двойственного числа им. сущ. и притяж. мест.: *окаяннии* же яко звѣри лютии устремишася ко граду на приступъ плещуща *рукама* *своима* и радующеся (л. 13 об.).

Имперфект употребляется в двух основных функциях:

1) указание на многократно повторяющееся действие: *глядаше* симо и овамо (л. 3 об.); *зажигаху* церкви и посад (л. 8). К этой группе примеров можно отнести обозначенные имперфектом действия, «составленные из ряда отдельных актов, например, совершенных разными субъектами или направленных на разные объекты» [6, с. 622]: и ядра разжигают *пущаху* в острог (л. 13 об.); и один *глаголаху* (л. 14 об.); а одни же *глаголаху* (л. 14 об.); *начаху* коней седлати (л. 15 об.); *восприимаху* злоумышления (л. 18 об.); *допрашаше* (л. 20); *инии* же в труп *валяхуся* а *инии* же в воду *метахуся* (л. 25 об.); *допрошаху*

(л. 26 об.). К такому виду действий относится и «множественное движение» [6, с. 623]: *окаяннии на всяк день прихождаху* (л. 11 об.); *хождаху* (л. 15); *многожды прихождаху* (л. 26);

2) обозначение состояния: *всю ночь без сна пребываху* (видяху же себе *окаяннии в малѣ силѣ* (л. 10 и л. 23 об.); и *хотяху* *разорити святое место* (л. 10 об.); *хотяху зажещи* (л. 12); *хотяху* *заполити* (л. 13 об.); *воинство во скорбѣ бяху* (л. 13 об.), *хотяху* *острог взяти* (л. 13 об.); *видяху* *над собою такую погибель* (л. 15); *прискорбни бяху* (л. 23 об.).

Встречается ошибочная форма *совещах* (л. 2 об.); контекстом требуется форма 3 л. мн. ч.

Перфект встречается в тексте 48 раз; из них – два перфекта от глагола *быти* с экзистенциальным значением: а в то время *был* у пречистые Богородицы в монастыре немецкий воевода (л. 2), и *был* бой велик (л. 14); три примера в «прямой речи» шведских пленников: *окаяннии все сказа по ряду стояли* *наши немецкие люди на стороже и виде ли что к вамъ прошло в острогъ...* (л. 26 об.). Значение перфекта в следующих двух контекстах можно рассматривать как ретроспективное или анафорическое, отсылающее к уже известной читателю информации¹ [23, с. 74, 79]: 1) *нача же воевода Андрей ... Вельми скорбѣти о том что вскорѣ нѣмецкие людей побили а государевы люди не пришли* (л. 3 об.); 2) а в то // время не бысть вести ни в которомъ городе ни в немецкихъ полкехъ что дом пречистые Богородицы *обратился къ царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси* (лл. 4 об.–5).

Остальные употребления перфекта мы склонны квалифицировать как нарративные²: и *велели* *Левонтию Арцыбашеву ехоти* (так!) (л. 2 об.), *меж собою совет сотворили* (л. 3), и воевода Иван Лакумбовъ с своею женою ис светлицы в окно *выкинулся* и *абие в тои часъ подхватили* его *государевы люди* (л. 4 об.), *пришедшим же имъ к меньшему острогу и туры поставили* и *наряд в турах поставили* (л. 13) и т. д. Часть форм перфектов употребляется в составе устойчивых словосочетаний – летописных трафаретов: *крест целовал(и)*

¹ Петрухин В. П. Перфект и Плюскамперфект в Новгородской первой Летописи по Синодальному списку // Русское языкознание. 2004. Т. 28. № 1. С. 74, 79. EDN EAMTHF. Электронный ресурс. URL: <https://www.jstor.org/stable/40160756> (дата обращения: 01.04.2025).

² В. М. Живов, опираясь на работы Э. Кленина, А. А. Зализняка и свои собственные наблюдения, полагает, что перфект в нарративной цепочке появляется с XIII в. См.: [6, с. 616–617].

(лл. 2 об., 3, 15 об.); совет сотворили (лл. 3, 15 об.); ... людей побили, а иных живых взяли (лл. 3 об., 4 об., 5, 8 об.) (вариант – живых поимали (л. 18)); Фетка Переславец изменил царю государю ... и преступил крестное цалование (л. 18), беззаконии же Тяпка казакъ преступил целование и изменил царю государю (л. 21 об.), ростовець Мурат Пересветов потому же изменил // государю царю ... и преступив крестное целование... (лл. 21 об.–22) (в последнем примере личная форма глагола заменена на причастие).

Отметим синтаксические особенности памятника.

Для исторического (летописного) повествования «характерно выстраивание предикативных конструкций в повествовательные цепочки, при обычных обстоятельствах иконически повторяющие конструируемую последовательность сообщаемых событий. Эти цепочки <...> носят развернутый характер и отличаются сложной организацией. Субординирование, осуществляемое причастными конструкциями, бывает нужно и для фоновых событий и обстоятельств, и для пояснения и комментирования событий, подающихся как основные, и для возвращения назад (временной инверсии), и для прагматических презумпций (отождествления с прежде дававшейся информацией <...>), и просто для расстановки формальных скреп, обеспечивающих связанность текста, в серии предикаций, относящихся к одному "эпизоду"» [6, с. 394]. Исследуемый нами текст в полной мере отражает описанный механизм построения повествования.

В тексте употребляется оборот дательный самостоятельный (далее – ДС), всего 15 примеров. Из них 6 примеров – тавтосубъектный ДС (типа собрав//шим же ся имъ многими людьми на Грузинъ ... видяху же себе окаянии (лл. 9 об.–10)), еще один пример можно назвать бессубъектным или автономным, который не зависит от главного предложения (не входит в общее указанное число ДС): не имущу помощи ниоткуда (л. 13 об.). В 10 случаях ДС соединен с главным предложением союзом *и* и имеет значение следования событий: *и после того немного времени минушу и абие поставиша окаянии туры* (л. 14); *пришедшимъ же имъ вѣмъ воинствомъ своимъ и сташа на посадѣ* (л. 6 об.); *наутрие ж воставшу и минушу ж третему часу дни и потомъ начаша...* (л. 7) и под.

ДС, встречающиеся в тексте, имеют трафаретный характер. Ряд ДС (6 примеров из 15) обозначают промежуток времени между сражениями или иными важными действиями и фактически являются способом введения следующего эпизода в цепочке событий: *минушу же третему часу дни и абие яви с восточные страны ...* (л. 4); *мало же времени минушу* (л. 5); и после того *по малу ж времени минушу* и еще *умыслиша окаянии* (л. 12 об.); и после того *немногу времени минушу* и абие *поставиша окаянии туры* (л. 14); и после того *немногу времени минушу* и абие *увидиша граждане* (л. 17); и абие *минушу пятому часу* и в то же время *воеводы* (л. 25). Еще 5 примеров употребляются для описания сбора войск перед следующим сражением и почти идентичны лексически: *собрав//шим же ся имъ многими людми на Грузинь* (л. 9 об.–10); *собравшим же имъ всемъ воискомъ на Грузинь* (л. 10); и *собравшим же ся всемъ в ровъ* (л. 25); *пришедшимъ же имъ всеми людъми своими* (л. 12 об.); *пришедшим же имъ всемъ ношью к меньшему острогу* (л. 13); *не по мнозехъ днехъ пришедшимъ же имъ ношью* (л. 19) (в этом последнем примере совмещаются значения времени и последовательности действий). Еще один ДС имеет комментарийный характер – *овогда же за грехи Богу попускающу* (л. 12). Постпозитивный ДС *владующему ему Великимъ Новым Градомъ и всей новгородскою областию* (л. 1 об.) фактически является причастным оборотом, характеризующим Якова Пунтусова, упомянутого в предыдущем предложении (при этом имя собственное стоит в форме В. п.).

Помимо ДС, в тексте используется еще 47 причастных конструкций. Среди них выделяется причастная конструкция при глаголе восприятия *видяще себе в таковой беде суща* (л. 23 об.), характерная более для агиографических текстов нежели для летописных [6, с. 367].

Традиционно краткие действительные причастия используются для введения прямой речи: *хождаху во граде глаголюще* (л. 15); *яви ся ему ... Богородица с Николою чудотворцемъ глаголюще* (л. 19 об.); *яви ся надежда наша Пречистая Богородица тому же посланнику во снѣ глаголя* (л. 24); и *завопеша всѣ великимъ гласомъ глаголюще* (л. 25 об.).

Причастия наст. вр., как правило, обозначают одновременные действия, причастия прош. вр. – предшествующее: многие

немецкие гонцы из городовъ гоняли ... а того не ведая что их царство разорено (л. 5), государевы ж // правители и воеводы слышав таковое великое божие милосердие ... и от того часа собра своя великое войско (лл. 8 об.–9). Отметим, что формы причастий обычно унифицированные, несогласуемые.

Перечисленные конструкции присущи книжному языку, при этом в тексте Сказания отмечается такая черта некнижного синтаксиса как повторение предлогов: *за сто за двадцать поприщ от Тихвины* (л. 8 об.); *за сто за к поприщ* (л.10). Как некнижную черту можно рассматривать присоединение новых предикативных единиц с помощью сочинительного союза: *а в то время, и абие в той часъ*. При этом в тех же местах текста по списку НЗЛ сочинительный союз в начале предложения часто отсутствует.

Если воспользоваться классификацией писцов, предложенной Л. Ф. Копосовым [9, с. 10], то можно квалифицировать автора списка как полупрофессионала¹: общий характер употребления языка, безусловно, книжный, но отражает и диалектные черты речи пишущего.

Перейдем к анализу содержательной стороны текста, в частности, отражения в структуре текста его исторической основы и комментариев писца. Сопоставление текста по Тих.133 с текстом погодной статьи НЗЛ [16, с. 267–273] дало следующие результаты.

Помимо лексических и грамматических замен, не влияющих на передачу фактологической основы текста, в списках Тих.133 и НЗЛ есть значительные разночтения. В НЗЛ по ПСРЛ есть пропуски, порой весьма значительные. На неполноту сведений в публикации ПСРЛ ранее указывал В. В. Яковлев [22, с. 445]; в рукописи БАН 34.4.1 обнаруживаются те же ошибки, что и в опубликованной редакции НЗЛ.

Ниже в таблицах 1–6 приведем отдельные фрагменты текста по двум спискам, полужирным шрифтом выделим разночтения.

¹ «Принято выделять три группы писцов: профессионалы (служащие канцелярских учреждений, монастырские дьячки, а также площадные подьячие, которых в городах Северной Руси в XVII в. было довольно много), полупрофессионалы – люди, род занятий которых требовал грамотности (служители культа, в первую очередь дьячки, перу которых принадлежит огромное количество документов, таможенные и кабацкие головы, губные старосты и т. д.) и непрофессионалы – помещики, крестьяне, посадские люди, солдаты, пушкари, дети боярские и т. п.» [9, с. 10].

Таблица 1

Тих.133	НЗЛ
Нача же воевода Андрѣй и игумень Ануфрей з дворяны и съ детми боярскими и стрельцы и со всеми православными христианы скорбети о том что вскоре немецкихъ людей побили а государевы люди не пришли и глядаше семо и овамо отколе бы узрити государевыхъ людей помощь а в то время еще у дворян и у детей боярскихъ // и у стрельцовъ с немецкими людьми бой вели минувшу же третьему часу дни и абие яви с восточной страны от сильного царства московскаго идут государевы люди (лл. 3 об. – 4).	Наченше же воевода Андрей Трусовъ и игумень Онуфрій, съ дворяны и съ дѣтми боярскими и со стрѣлцы съ посадскими людми, скорбѣти велми, что вскорѣ Нѣмецкихъ людей побили а государевы люди не пришли — еще бою не скончавшуся съ Нѣмецкими людми, минувшу же третѣму часу дни абие явишася отъ восточныя страны, отъ Московскаго государства, государевы люди [16, с. 267–268].

В данном эпизоде в тексте НЗЛ упущены сопутствующие обстоятельства, характеризующие состояние осажденных, пока они ожидали помощи государева войска.

Таблица 2

Тих.133	НЗЛ
И знамена их поимали и побегоша безбожнии от тихвины посрамлены и христолюбивое ж воинство и все православное христианство возрадовашеся радостию великою и воздаяша хвалу Христу Богу нашему и пречистые его матери о победе ж них поганых и начат игумень Ануфрей со всем священным соборомъ пѣти молебная пѣння в церкви пред чудотворною иконою за благовернаго царя государя и великого князя Михаила Федоровича всея руси и за христолюбивое его воинство и за всех православных христи // ян того же дни в девятом часу дни увидиша гражане с полуденные страны аки буря велия яви ся и уразумиша христолюбивое воинство яко быти злоименитымъ еллинам и начаша в осадный колокол звонити и собрашася вси людие на стену града сего и узриша с полуденные страны аки тучю велию выходящу Пришедшимъ имъ всемъ войскомъ своимъ и стаха на посадѣ (лл. 6–6 об.)	христолюбивое ж воинство и все православное христианство ... того же дни в девятом часу, увидѣвши с полуденные страны аки буря велія явися и разумѣша яко быти злоименитымъ Еллиномъ, и начаша въ осадной колоколъ звонити, и собрашася вси людие на стѣну града, и узрѣша с полуденныя страны аки тучю велию восходящу Пришедшимъ же всѣмъ войскомъ и стаха на посадѣ [16, с. 268]

В приведенном фрагменте, как видим, снова в НЗЛ пропущено описание эмоционального состояния русского войска и эпизод пения молебна перед Тихвинской иконой Богоматери; ход военных действий при этом описан довольно последовательно, при том, что подлежащим в предложении из-за пропуска становится *христоролюбивое ж воинство и все православное христианство* вместо *граждане*.

Далее в НЗЛ следует довольно значительный пропуск.

Таблица 3

Тих.133	НЗЛ
(л. 10 об.) и в то время доиде слух на тихвину къ государевым правителем и воеводам ко князю Семену Васильевичу Прозоровскому да къ Леонтию Андреевичу Вельяминову что литовские и нѣмецкие люди идут к Тихвине с великою похвалою и хотяху разорити святое мѣсто до оснавания и православную вѣру поспрати слышав же про то государевы воеводы и князь Семенъ Васильевичъ Прозоровский да Левонтей // (л.11) Ондреевичъ Вельяминовъ собра все свои вой и разделиша на двое один во град ових в дѣвичъ монастырь и начаша острог ставит около велия монастыря и ровъ копати июня въ 30 день на память святых 12 апостолъ и абие доиде слух воеводам и всему христьянскому воинству яко недалѣча ту идут противнии от тихвины слышав же воеводы и христоролюбивое воинство и стретоша ихъ за два поприща от тихвины и нача с ними ратовати ся они же окаяннии аки звери люти устреми // (л. 12) ству овогда же за грехи богу попускающу супостат на ны окаяннии нача умышляти како бы имъ разорити святое место и во едину убо нощь богопротивнии придоша под стену града со огненными приметы к большому острогу и хотяху зажещи святое место господь же окрест людей своих и не остави мати своя от ... и в то время стены града бо биша камением множество супротивных и отидоша окаянным в свой острогъ посрамлены а зла во граде в то время //	и в то время доиде слухъ на Тихвину къ государевымъ воеводамъ князю Семену Васильевичу Прозоровскому да Леонтію Андреевичу Вельяминову, что Нѣмецкіе и Литовскіе люди пришли на них многіе

(л. 12 об.) еллине ничего не учиниша и после того по малу же времени минувшу и еще умыслиша окаянии на свою большую погибель пришедшим же им всеми людьми своими днем к девичю монастырю и побиша их ту под монастырем много множество и отидоша в свои острог	къ дѣвичу монастырю и побиша подъ монастыремъ множество много они же отыдоша въ свои острогъ [16, с. 269]
--	---

В НЗЛ выпущена дата (30 июня) и сведения об оборонительных действиях обитателей тихвинских монастырей.

Таблица 4

Тих.133	НЗЛ
... и ядра разжигаящи пушаху в острог хотяху острог заплотити (так!) воевода ж князь Семень Васильевич и христоробивое воинство во скорбе бяху не имущу помощи ниотколе токмо все надежду возложихом на бога и на пречистую его мать (л. 13 об.)	воевода же князь Семень Васильевич со всѣми людьми быша въ велицѣй скорби [16, с. 269]

В НЗЛ не объясняется причина «велицей скорби» и не указывается, откуда и какой помощи ждали осажденные.

Одна из очевиднейших нестыковок обнаруживается в публикации НЗЛ на с. 279. После сообщения об измене Гаврилки Смолянина указывается, что в городе случился мятеж, в это время вражеские войска окружили город и убили множество людей, воевода Семен Васильевич Прозоровский с войском едва убежал в Большой острог. В этих сообщениях Тих.133 и НЗЛ совпадают, но далее начинаются разночтения.

Таблица 5

Тих.133	НЗЛ
Окаянии же в то время возрадоваша ся радостию великою видя такую погибель и кровь христианскую	Невѣрнии же возрадоваша ся, видяще такую погибель христіаномъ и пролитіе крове – бысть же сія побѣда православнымъ христіаномъ августа въ 17 день.
Воеводы ж и боголюбивое воинство и все православное христианство о том вельми ужасни быша видяху над собою такую ужасную погибель и хождаху во граде биюще в перси своя глаголюще Господи помилуй род христианский и вельми	Воевода же и все православнии быша о томъ вельми ужасни, видяще надъ собою такову погибель великую,

нача скорбѣти и тужити не имущи помощи ниоткуда токмо все надежду возложше // на всемиластиваго Господа нашего Иисуса Христа и на Пречистую Богородицу овии начаху кони седлати и хотиша из острогу прочь бежати и святое мѣсто предати еллиномъ на разаренѣя а одни же пакость им творити седла расекати них самих грабити воеводы же и боголюбивое воинство и все православные християне совѣтъ сотворили между собою и крестъ целовали на томъ что нам у Пречистыя Богородицы в дому всем померети заедино (лл. 15–15 об.)	велми начаша скорбѣти, а инии начаша коней сѣдлати, хотяще из острогу вонъ ѣхати, а святое мѣсто предати Еллиномъ на разореніе, овии же противо ихъ стаха и начаша у нихъ на конѣхъ сѣдла разсѣкати и самихъ ихъ грабити, и бысть у нихъ между собою распря велика; воеводы же и все православное християнство совѣщастася между собою крестъ цѣловати на томъ, что у пречистѣй Богородицы въ дому всѣмъ помереть заедино [16, с. 270]
--	--

Из приведенных отрывков видно, что отступление русских войск в НЗЛ абсолютно нелогичным образом именуется победой. В Тих.133 отсутствует дата 17 августа, текст же НЗЛ выглядит так, будто дата ошибочно вставлена внутрь эпизода о мятеже.

Таблица 6

Тих.133	НЗЛ
... и возвратишася погани ко граду // с великою радостію и похвалою и восприимаму в сердцахъ своихъ злоумышления как бы имъ или коимъ обычаемъ приступати ко граду и приидоша окаянии под град свирепю ношю ... (лл. 18–18 об.)	И возвратишася ко граду съ великою радостію, и приидоша ко граду, ношю, ... [16, с. 270]

В данном эпизоде рукописи Тих.133 нет новой по сравнению с НЗЛ фактической информации, однако эпизод расширен за счет комментария «всевидащего» автора.

Сравнение текстов показывает, что в НЗЛ довольно много ошибочных чтений: так, в рукописи Тих.133 читаем: в таи от нѣмецъ (л. 2); в НЗЛ – и в той часъ пріеха отъ нѣмецкихъ людей сынъ боярской Обонѣжской пятины, именемъ Леонтій Арцыбашевъ. Чтение НЗЛ нелогично: из текста погодной записи следует, что тихвинский дворянин неизвестно с какой целью находился до описываемых событий в стане своих врагов (так же и в БАН 34.4.1).

В Тих.133 ехоли **наспехъ** в домъ Пресвятыя Богородицы (л. 2 об.) vs НЗЛ – **в доспехъхъ** (искажение фактической осно-

вы повествования). Смысл сообщения может быть искажен и вследствие иного порядка слов, как например, в следующем случае: в Тих.133 *устремишася на свою богоупустну погибель изгономъ и побиша окаяннии на посаде множество православных* vs НЗЛ *устремишася на свою богоотступную погибель побиша изгономъ*. Согласно Словарю русского языка XI–XVII вв., *изгономъ* в знач. нареч. – ‘тайно, неожиданно, дерзко’ [18, с. 139]; в летописных и других исторических текстах употребляется с глаголами движения, насколько можно судить по иллюстрация в словарной статье, в значении ‘гнать преследуя’; жителей посада шведские войска нещадно истребляли на посаде, поэтому словосочетание **побиша изгономъ** здесь неуместно, зато вполне можно допустить, что интервенты «устремились дерзко» на свою погибель.

Одним из значительных разночтений является упоминание разных лиц, которым явилась Пресвятая Богородица. В Тих.133 (как и в БАН 34.4.1) Богородица дважды является посланнику Соловецкого монастыря Мартемьяну (л. 19 об., л. 24), в НЗЛ вместо первого явления Богородицы соловецкому монаху Мартемьяну мы читаем о явлении Богородицы нѣкоей женѣ именемъ Іуліаніи [16, с. 271].

Обсуждение и выводы

На основании выявленных формальных и смысловых характеристик исследуемого списка «Сказания об осаде» на фоне сопоставления с опубликованной редакцией НЗЛ можно сделать следующие выводы. Список Тих.133 с большой долей вероятности был составлен местным жителем, так как в орфографии памятника отражаются диалектные черты говора Тихвинского уезда. В обоих текстах отражены те же даты, имена участников, основные этапы Тихвинского осадного сидения, но в Тих.133 отсутствует дата 17 августа, когда, согласно тексту НЗЛ, защитниками Тихвинского монастыря была одержана победа; кроме того, изложение в Тих.133 представляется нам более логичным и последовательным на фоне явно ошибочных чтений в НЗЛ по ПСРЛ. Одновременно с этим нужно учитывать, что опубликованный текст НЗЛ повторяет текст рукописи БАН 34.4.1, за исключением эпизода с явлением Богородицы «нѣкоей женѣ именемъ

Іуліаніі», текстуальних заимствований из Тих.133 в НЗЛ или из НЗЛ в Тих.133 не обнаруживается, следовательно, можно предположить, что рукопись Тих.133 и НЗЛ (как и рукопись БАН 34.4.1) имеют разные протографы. Полученные данные могут быть использованы для реконструкции истории текста «Сказания об осаде Тихвинского монастыря».

Список литературы

1. Азбелев С. Н. Летописание Великого Новгорода. Летописи XI–XVII веков как памятник культуры и как исторические источники. – М.: Русская панорама; СПб.: Блиц, 2016. – 280 с.
2. Галинская Е. А. Историческая фонетика русских диалектов в лингвгеографическом аспекте. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. – 271 с.
3. Дилигул Е. С. Рукописная традиция Сказания о Тихвинской иконе Богоматери в XVII в. // Петербургский исторический журнал. – 2018. – № 3(19). – С. 259–266. DOI: 10.51255/2311-603X-2018-00062. EDN: MFSNID
4. Дилигул Е. С. Бытование текста Сказания о Тихвинской иконе Богоматери в 17 веке // Петербургская библиотечная школа. – 2018. – № 1 (61). – С. 33–42. EDN: YUEJTI.
5. Дилигул Е. С. Сказание о Тихвинской иконе Богоматери в творчестве Симеона Полоцкого // Сімяон Полацкі: светапогляд, грамадска-палітычная і літаратурная дзейнасць: матэрыялы V Міжнароднай навуковай канферэнцыі: да 390-годдзя Сімяона Полацкага, Полацк, 21–22 ноября 2019 г. – Полоцк: Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2019. – С. 72–78. EDN: YGGCV
6. Живов В. М. История языка русской письменности: в 2 т. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. – Т. I. – 816 с.
7. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 720 с.
8. Историческая грамматика русского языка: энциклопедический словарь / под ред. В. Б. Крысько. – М.: Азбуковник, 2020. – 520 с.
9. Копосов Л. Ф. Севернорусская деловая письменность XVII–XVIII вв.: (орфография, фонетика, морфология). – М.: МГОУ, 2000. – 287 с. EDN: VDHLV
10. Котков И. С. Старинная русская деловая письменность в ее отношении к литературному языку // Источники по истории русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1991. – С. 122–144.
11. Курбатов О. А. Тихвинское осадное сидение 1613 г. – М.: Цейхгауз, 2006. – 48 с.
12. Лебедева Т. Е. Рефлексы фонемы *ё в говорах Тихвинского района: диахронический аспект // Диалектная лексика-2016: к 90-летию со дня рождения О. Д. Кузнецовой / Российская Академия наук, Институт лингвистических исследований. – СПб.: Нестор-История, 2016. – С. 268–281. EDN: ZIAOV5
13. Лебедева Т. Е. Актовая письменность Тихвинского уезда XVII в. в контексте преподавания истории русского языка а // XXVII Царскосельские чтения. Год педагога и наставника: материалы международной научной конференции: в 2-х томах, Санкт-Петербург, 18–19 апреля 2023 года / под общ. ред. Л. М. Кобриной. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. – Т. 2. – С. 136–143. EDN: BGOIKM
14. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров / под ред. В. Г. Орловой. – М.: Наука, 1970. – 456 с.
15. Панина Н. Л. Лицевые списки Книги о иконе Богоматери Одигитрии Тихвинской // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2013. – № 4 (120). – С. 97–105. EDN: RXALWV
16. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорской Археологической комиссией. Томъ третий. IV. Новгородскія летописи. – Санкт-Петербургъ: въ типографіи Эдуарда Праца, 1841. – 320 с.

17. Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города: Тихвинский посад в XVI–XVIII вв. / Акад. наук СССР. Ин-т истории. Ленингр. отделение. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 488 с.

18. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1978. – Вып. 5. – 392 с.

19. Собрание Н. С. Тихонравова. Ф. 299. Кон. XIV (?) – нач. XV в. – XIX в. Дополнение к описанию Г. П. Георгиевского. (М., 1913). Т. 3, №№ 1–732. Неволин Ю. А., Тиганова Л. В., Хамицаева О. А., Щербачева Н. А. (сост.). – М., 1977. – 340 с.

20. Шаскольский И. П. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. – Петрозаводск: государственное издательство Карело-Финской ССР, 1950. – 168 с.

21. Яковлев В. В. Новгородская Корнилевская летопись в русской историографии XVIII–XX вв. и в научном наследии А. А. Шахматова // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: сб. статей к 150-летию со дня рождения ученого / отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. – СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 339–346. EDN: VUUWUV

22. Яковлев В. В. Историко-литературные памятники Новгорода XVII века как источник по истории древнерусского искусства // Актуальные проблемы теории и истории искусства. – 2017. – № 7. – С. 444–452. DOI: 10.18688/aa177-4-44. EDN: YXBWZE

Tatiana Lebedeva

The Tale of the Siege of the Tikhvin Monastery According to the Manuscript of the Russian State Library from Tikhonravov's Collection: Linguistic Description and History of the Text

The article presents the results of linguistic analysis of the text of *The Tale of the Siege of Tikhvin Monastery* based on the copy from the Tikhonravov Collection of the Russian State Library, F.299, No. 133: a number of dialectal features reflected in the manuscript are described, which makes it possible to localize the scribe's speech on the territory of Tikhvin Posad with a high degree of probability; the use of verb forms and syntactic constructions that indicate the bookish nature of the language and the level of linguistic competence of the writer is analyzed; by means of a comparative analysis of the copy of "The Tale" and the text of the Novgorod Third Chronicle, published in the Complete Collection of Russian Chronicles, the substantive side of the text under study is characterized, and discrepancies, erroneous readings and omissions in the Complete Collection of Russian Chronicles copy are identified. The data obtained can be used to reconstruct the history of the text of "The Tale".

Key words: *The Tale of the Siege of the Tikhvin Monastery*, 17th-century monument, linguistic analysis, history of Russian written language, textology.

For citation: Lebedeva, T. E. (2025) «Skazanie ob osade Tikhvinskogo monastyrya» po spisku RGB iz sobraniya Tikhonravova: lingvisticheskoe opisanie i istoriya teksta [The Tale of the Siege of the Tikhvin Monastery According to the Manuscript of the Russian State Library from Tikhonravov's Collection: Linguistic Description and History of the Text]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 98–117. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2025_3_98. EDN: TLDJOB

References

1. Azbelev, S. N. (2016) *Letopisanie Velikogo Novgoroda. Letopisi XI–XVII vekov kak pamyatniki kul'tury i kak istoricheskie istochniki* [Chronicle of Veliky Novgorod. Chronicles of the 11th–17th centuries as cultural monuments and historical sources]. Moscow: Russkaya panorama Publ.; St. Petersburg: Blits Publ. (In Russian).

2. Galinskaya, E. A. (2002) *Istoricheskaya fonetika russkikh dialektov v lingvogeograficheskom aspekte*. [Historical phonetics of Russian dialects in linguogeographic aspect]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian).

3. Diligul, E. S. (2018) Rukopisnaya tradiciya Skazaniya o Tihvinskoj ikone Bogomateri v XVII v. [The handwritten tradition of the Tale of the Tikhvin Icon of the Mother of God in the 17th century]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal – Petersburg Historical Journal*. No. 3 (19). Pp. 259–266. (In Russian). EDN: MFSNID

4. Diligul, E. S. (2018) Bytovanie teksta Skazaniya o Tihvinskoj ikone Bogomateri v 17 veke [The existence of the text of the Tale of the Tikhvin Icon of the Mother of God in the 17th century]. *Peterburgskaya bibliotechnaya shkola – Petersburg Library School*. No. 1 (61). Pp. 33–42. (In Russian). EDN: YUEJTI

5. Diligul, E. S. (2019) Skazanie o Tihvinskoj ikone Bogomateri v tvorchestve Simeona Polockogo [The Tale of the Tikhvin Icon of the Mother of God in the Works of Simeon Polotsky]. *Simyaon Polacki: svetapoglyad, gramadska-palitychnaya i litaraturnaya dzejnasc': Materyyaly V Mizhnarodnaj navukovaj kanferencyi: da 390-goddzya Simyaona Polackaga* [Simeon of Polotsk: worldview, socio-political and literary activities: Materials of the V International Scientific Conference: to the 390th anniversary of Simeon of Polotsk]. Polotsk: Nacional'naya biblioteka Belarusi. Pp. 72–78. (In Russian). EDN: YIGGCV

6. Zhivov, V. M. (2017) *Istoriya yazyka russkoj pis'mennosti* [The history of the language of the Russian texts]. Moscow: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke Publ. (In Russian).

7. Zaliznyak, A. A. (1995) *Drevnenovgorodskij dialekt* [Old Novgorod dialect]. Moscow: SHkola "Yazyki russkoj kul'tury" Publ. (In Russian).

8. Krysko, V. B. (2020) (ed.) *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: Enciklopedicheskij slovar'* [Historical grammar of the Russian language: Encyclopedic dictionary]. Moscow: Azbukovnik Publ. (In Russian).

9. Koposov, L. F. (2000) *Severnorrusskaya delovaya pis'mennost' XVII–XVIII vv.: (orfografiya, fonetika, morfologiya)* [Northern Russian business writing of the 17th–18th centuries: (spelling, phonetics, morphology)]. Moscow: Moscow State Regional University. (In Russian).

10. Kotkov, I. S. (1991) *Starinnaya russkaya delovaya pis'mennost' v ee otnoshenii k literaturnomu yazyku* [Old Russian business writing in its relation to the literary language]. *Istochniki po istorii russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Sources on the history of the Russian language in the 11th–17th centuries]. Moscow: Nauka Publ. Pp. 122–144 (In Russian).

11. Kurbatov, O. A. (2006) *Tihvinskoe osadnoe sidenie 1613 g.* [Tikhvin siege of 161]. Moscow: Cejhgauz Publ. (In Russian).

12. Lebedeva, T. E. (2016) Refleksy fonemy *ě v govorah Tihvinskogo rajona: diahronicheskiy aspekt [Reflexes of the phoneme *ě in the dialects of the Tikhvin region: diachronic aspect]. *Dialektnaya leksika–2016* [Dialectal vocabulary–2016]. Pp. 268–281. (In Russian). EDN ZIAOVS.

13. Lebedeva, T. E. (2023) *Aktovaya pis'mennost' Tihvinskogo uезда XVII v. v kontekste prepodavaniya istorii russkogo yazyka* [Act writing of the Tikhvin district of the 17th century in the context of teaching the history of the Russian language]. XXVII *Carskosel'skie chteniya. God pedagoga i nastavnika* [XXVII Tsarskoselskie readings. Year of the teacher and mentor]. Proceedings of the XXVII International Scientific Conference. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Pp. 136–143. (In Russian). EDN: BGOIKM

14. Orlova, V. G. (1970) (ed.) *Obrazovanie severnorusskogo narechiya i srednerusskikh govorov* [Formation of the Northern Russian dialect and Central Russian dialects]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

15. Panina, N. L. (2013) *Licevye spiskov Knigi o ikone Bogomateri Odigitrii Tihvinskoy* [Facial lists of the Book about the icon of the Mother of God Hodegetria of Tikhvin]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki – News of the Ural Federal University. Series 2: Humanities*. No. 4 (120). Pp. 97–105. (In Russian). EDN: RXALWV

16. *Polnoe sobranie russkikh letopisej, izdannoe po vysocajshemu poveleniyu Imperatorskoj Arheograficheskoy kommissiiyu. Tom tretij. IV. Novgorodskiya letopisi (1841)* [Complete collection of Russian chronicles, published by the highest order of the Imperial archaeological commission, volume three, Novgorod chronicles]. St. Petersburg: in tipografiyu of Edward Pratz. (In Russian).

17. Serbina, K. N. (1951) *Ocherki iz social'no-ekonomicheskoy istorii russkogo goroda: Tihvinskij posad v XVI-XVIII vv.* [Essays on the socio-economic history of the Russian city: Tikhvin settlement in the 16th-18th centuries.]. St. Petersburg: RAS Publ. (In Russian).

18. *Slovar' russkogo yazyka XI – XVII vv.* (1975) [Dictionary of the Russian language of XI – XVII c]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

19. Nevolin, YU. A., Tiganova, L. V., Hamicaeva, O. A., SHCHerbacheva, N. A. (1977) (eds.) *Sobranie rukopisej N. S. Tihonravova. F. 299. Kon. XIV (?) – nach. XV v. – XIX v. Dopolnenie k opisaniyu G. P. Georgievskogo.* (M., 1913). Vol. 3. № 1–732. Moscow [Collection of manuscripts by N. S. Tikhonravov. F. 299. Late 14th (?) – early 15th century – 19th century. Supplement to the description by G. P. Georgievsky. (Moscow, 1913). Vol. 3. No. 1–732. Moscow. (In Russian).

20. SHaskol'skij, I. P. (1950) *SHvedskaya intervenciya v Karelii v nachale XVII v.* [Swedish intervention in Karelia at the beginning of the 17th century]. Petrozavodsk: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Karelo-Finskoy SSR. (In Russian).

21. YAkovlev, V. V. (2015) *Novgorodskaya Kornil'evskaya letopis' v russkoy istoriografii XVIII–XX vv. i v nauchnom nasledii A. A. SHahmatova* [Novgorod Korniliev Chronicle in Russian historiography of the 18th–20th centuries and in the scientific heritage of A. A. Shakhmatov]. *Akademik A. A. SHahmatov: zhizn', tvorchestvo, nauchnoe nasledie: Sbornik statej k 150-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo* [Academician A. A. Shakhmatov: life, work, scientific heritage: Collection of articles for the 150th anniversary of the scientist's birth]. St. Petersburg: Nestor-Historia Publ. Pp. 339–346. EDN: VUUWUV

22. YAkovlev, V. V. (2017) *Istoriko-literaturnye pamyatniki Novgoroda XVII veka kak istochnik po istorii drevnerusskogo iskusstva* [Historical and literary monuments of Novgorod of the 17th century as a source for the history of ancient Russian art]. *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva – Current issues in the theory and history of art.* No. 7. Pp. 444–452. (In Russian). EDN: YXBWZE

Об авторе

Лебедева Татьяна Евгеньевна, заведующий кафедрой русского языка и филологического образования, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: t.lebedeva@lengu.ru; ORCID ID: 0000-0002-2837-8385

About the Author

Tatiana Lebedeva, Head of the Department of Russian Language and Philological Education, Pushkin Leningrad State University, PhD in Philology, Associate Professor (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: t.lebedeva@lengu.ru; ORCID ID: 0000-0002-2837-8385

дата получения: 20.06.2025 г.
дата принятия: 30.07.2025 г.
дата публикации: 30.09.2025 г.

date of receiving: 20 June 2025
date of acceptance: 30 July 2025
date of publication: 30 September 2025

О. А. Мещерякова

Языковые особенности ахроматического мира пушкинских сказок в сопоставлении с фольклорной традицией

В статье поднимается проблема формирования достаточно узкой сферы семантического пространства сказок А. С. Пушкина – ахроматического мира. Это смысловое содержание текста, представленное денотативными семемами лексем, которые отражают непосредственное восприятие белого, серого и черного цветов. Выявляется, какие ахроматические цветолексемы великий русский поэт включает в свои знаменитые сказочные произведения; проводится сопоставление с употреблением цветowych слов в русских волшебных сказках. Это помогает определить, насколько авторский выбор обусловлен влиянием языка фольклорной сказки. Также затрагивается вопрос о «нецветовых» смыслах, которые актуализируются денотативной семемой. Устанавливается, что употребление лексем, которые обозначают ахроматические цвета в литературной сказке А. С. Пушкина, ориентировано на соответствующие цветолексемы в русской народной сказке. Данный языковой феномен не является продуктом только внешней стилизации. Семантическое содержание лексем с корнем бел-, сер-, черн- и т.п. развивается в соответствии с авторским замыслом, но в русле фольклорной традиции.

Ключевые слова: ахроматическая цветолексема, денотативная семема, семантика, фольклорная и литературная сказка, А. С. Пушкин, стилизация, фольклорная традиция.

Для цитирования: Мещерякова О. А. Языковые особенности ахроматического мира пушкинских сказок в сопоставлении с фольклорной традицией // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 3. – С. 118–133. DOI: 10.35231/25419803_2025_3_118. EDN: TOCBNJ

Цвет относится к универсальной категории бытия. Его ахроматический спектр, состоящий из белого, черного, серого, «концептуализируется на начальном этапе эволюции цветовой картины мира»¹. В современной лингвистике изучение вербального представления о цвете в языке и речи вызывает особый интерес, т. к., с одной стороны, позволяет выявить систему, свойственную языку, а значит – осознать «язык в человеке» и продолжить традицию изучения семантико-

¹ Охрицкая Н. М. Лингвокультурологический аспект многозначности цветоименований: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2012. С. 6.

© Мещерякова О. А., 2025

стилистических и структурных особенностей цветономинаций [7; 15; 26]. С другой стороны, «промежутки времени и история данного народа оставляют свой отпечаток в языке, что не обошло и цветолексики»¹, в которой «национально-культурный компонент следует рассматривать как совокупность коннотативных, денотативных и эмпирических признаков» [19, с. 41]. Обращение к цветолексемам под таким углом способствует установлению смысловых нюансов, которые вскрывают законы «человека в языке», связанные с национальной культурой цветового именования (к примеру, см.: [11–12 и др.]) и с ее преломлением в разных типах дискурса [14; 25 и др.].

Особый интерес вызывает изучение цветовых терминов в художественном дискурсе, который по крайней мере имеет два полюса: фольклорный и литературный.

Фольклорный дискурс, в том числе сказочный как его разновидность, формируется языковыми единицами, смысловое содержание которых отражает видение реальности через призму мировоззренческих установок народа, его нравственно-этических и эстетических принципов². Авторская литература должна усваивать подобное содержание через его форму, что может составить одно из главных ее достоинств.

Именно такого взгляда на взаимодействие народного и литературного творчества придерживался А. С. Пушкин. В 1827 году в «Письмах к издателю "Московского вестника"», ведя спор с романтиками и «возражая доктринерам нормативной эстетики» [4, с. 98], он задавался вопросом: «Зачем писателю не повиноваться принятым обычаям в словесности своего народа, как он повинуется законам своего языка?» и отвечал на него весьма категорично, в духе кантовского императива: «Он должен владеть своим предметом, несмотря на затруднительность правил, как он обязан владеть языком, несмотря на грамматические оковы» [18, VII, с. 72].

«Принятые обычаи в словесности своего народа» осознали Пушкиным посредством освоения формул разных фольклорных жанров, но особое значение он придавал сказ-

¹ Nowaczyk M. Семантико-структурный анализ лексики, обозначающей цвет в русском языке // Journal of Education, Health and Sport. 2017. № 7 (4). P. 293. Электронный ресурс. URL: <https://apcz.umk.pl/JEHS/article/view/4369/pdf> (дата обращения: 01.05.2025).

² Поверенная А. А. Лингвокультурные особенности сказочного дискурса: аксиологический аспект (на материале немецкого и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2022. С. 4.

кам. Известно, что в своем неопубликованном «Возражении на статью “Атеней” («Атеней», 1828 г., № 4, статья за подписью В. (М. А. Дмитриев)» Пушкин, объясняя употребленную в V главе, XVII строфе «Евгения Онегина» форму *Людская молвь и конской топ!*, назвал ее «выражением сказочным» и указал источник – Бова Королевич, а затем призвал: «Читайте простонародные сказки, молодые писатели – чтоб видеть свойства русского языка» [18, VII, с. 79]. То, насколько сам поэт реализовывал в творчестве провозглашенные им «правила», сначала было предметом литературной критики, а затем и языкового анализа. В XX веке ученые уже достаточно обоснованно говорили о глубокой осознанности обращения Пушкина к народному творчеству [3, с. 42], констатируя, что это связано со стремлением к сохранению не только национальной языковой формы, но и содержания, поскольку мир народной поэзии служил знаменитому автору литературных произведений «морально-эстетическим ориентиром для представления о совершенстве человеческих отношений» [1, с. 26]. Ориентир на традицию фольклора обуславливал в языке и «пушкинские приемы воспроизведения эпической простоты народного стиля», и «пушкинские методы синтеза литературно-книжного и устно-поэтического творчества» [9, с. 230].

Конкретизировать возможности «приемов» и «методов», к которым обращается Пушкин в рамках общенационального поэтического достояния, – задача весьма многогранная. Она обусловлена как жанровым фактором (в духе народной традиции поэтом созданы и «Песни западных славян», и поэма «Руслан и Людмила», и, безусловно, те произведения, в названии которых обозначен жанр сказки), так и фактором лексико-семантическим, потому что любое обозначение реалии внешнего мира, в нашем случае – ахроматического цвета, может быть представлено в четырех типах семем [17], отражающих:

- 1) непосредственное восприятие цвета, репрезентированное в денотативной семеме (**Д1**: *белый, серый, черный* и т. п.);
- 2) частично опосредованное восприятие, отраженное в денотативно-производной семеме; в этом случае именование цвета служит основой формирования нового лексико-семантического варианта, имеющего, как правило,

терминологическое или близкое к нему содержание (Д2: **Черное море, черница**);

3) мотивированное опосредованное восприятие цвета через эталонный предмет, что формирует коннотативную семему (**К1: серебряный**);

4) немотивированное опосредованное восприятия цвета при формировании устойчивого сочетания (**К2: черная зависть**).

В рамках лингвистики цвета считаем возможным денотативный тип семемы (**Д1**) назвать *денотативной цветосемемой*, подчеркивая, что в основе формирования семантики лежит непосредственное визуальное восприятие цветового признака реалии внешнего мира.

Внимание к денотативной семеме обусловлено стремлением выявить ее потенциал в выражении явных цветовых и потенциальных нецветовых смыслов в художественном дискурсе.

Цель данной статьи – установить, какие денотативные цветосемемы (**Д1**), отражающие ахроматическое восприятие, Пушкин как автор литературных сказок включает в свои знаменитые произведения, насколько его выбор обусловлен влиянием языка фольклорной сказки, а также затронуть вопрос о содержательных особенностях денотативной цветосемемы в семантическом пространстве пушкинской сказки как фольклорной стилизации.

Под стилизацией понимается «литературный стилистический прием умышленной имитации характерных особенностей чужой речевой манеры для достижения определенной художественной цели» [13, стб. 1029]. При этом самооценность «плана содержания» отграничивается от «плана выражения», представляющего собой систему последовательных аллюзий на стиль чужого текста или группы текстов [13, стб. 1029].

Материалы и методы

Материал исследования: ахроматические цветолексемы, реализующие денотативные цветосемемы в текстах литературных сказок А. С. Пушкина и русских народных сказках; *методы* – лексический и семантический анализ цветолексем, сопоставительный анализ использования денотативных цветосемем в фольклорном и литературном дискурсе, анализ словарных дефиниций, метод описания и обобщения.

Источниками исследования стали такие произведения Пушкина, как «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» (1831), «Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях» (1833), «Сказка о рыбаке и рыбке» (1833), «Сказка о золотом петушке» (1834), неоконченная сказка под условным названием «Сказка о медведихе» (1830) [18, IV], а также русские народные сказки, письменный вариант которых зафиксирован в сборнике А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки в трех томах» [5].

Результаты

Для обозначения ахроматического цвета, который не имеет цветового пигмента, Пушкин для своих сказок выбирает слова с корнем *бел-*, *черн-*, *сер-*, реализующих денотативную цветосемему. Например, прилагательное *белый* непосредственно обозначает ахроматический цвет ствола дерева, реализуя денотативную семему Д1: *Села медведиха под **белой** березою* [18, IV, с. 419].

Важно подчеркнуть, что смысловое содержание денотативной семемы Д1 одной и той же лексемы в разных контекстах может отличаться. Эту особенность ярко демонстрирует лексема *белый*. В одном случае она указывает на семему Д1¹ 'цвет снега, молока, мела (противоположный чёрному)': <...> *И за **белыми** стенами / Блещут маковки церквей / И святых монастырей* [18, IV, с. 426]. Выступая в качестве именованного цвета кожи человека, лексема *белый* обозначает 'очень светлый; светлее, чем обычно бывает определяемый этим словом предмет', представляя Д1²: *Но жена не рукавица: / С **белой** ручки не стряхнешь* <...> [18, IV, с. 443]. При художественном определении зари лексема *белый* именуется особым цвето-световой эффект, репрезентируя представление о светлой окраске полосы горизонта, ее освещении перед восходом солнца в рамках Д1³: *Как весенней теплою порою / Из-под утренней **белой** зорюшки, / Что из лесу, из лесу дремучего / Выходила медведиха* [18, IV, с. 481]. Все три денотативные семемы Д1¹, Д1², Д1³ отражены в лексикографическом описании языка Пушкина, и в случае, если примеры представлены из текста сказок, истолковываются с пометой «народно-поэтическое» [21, с. 78–79], тем самым фиксируя факт

фольклорно-цветовой стилизации. Сочетаемость лексем свидетельствует о том, что в ахроматическом мире пушкинских сказок представлены и человек, и артефакт, и природа.

Среди слов пушкинского ахроматического ряда языковых единиц с денотативной семемой можно выделить те, которые на основе ограниченной сочетаемости предназначены только для описания внешности человека – кожного покрова и волос. Так, в обозначении цвета лица, связанного с эмоциональным переживанием, поэт использует лексему *побледнеть*: *Повариха побледнела, / Обмерла и окривела* [18, IV, с. 430]. Для именованного цвета волос, изменившегося в связи с возрастом, используется корень *сед-*. *Седи́на*: И, блистая *сединами*, / Дядька впереди идет <...> [18, IV, с. 437]. *Поседелый*: Вдруг в толпе увидел он, / В сарачинской шапке белой, / Весь как лебедь *поседелый*, / Старый друг его, скопец [18, IV, с. 481].

Рассматривая ахроматические лексемы в морфемно-словообразовательном отношении, важно отметить использование Пушкиным композитов с двухкомпонентной структурой. При этом встречаются два типа подобного сложения: цвето-цветовой и предметно-цветовой.

В «Сказке о мёртвой царевне», которая близка волшебной сказке, один из корней называет предмет, а другой – его цветовой признак: *Белолица, черноброва, / Нраву кроткого такого* [18, IV, с. 460]. Подобные денотативные предметно-цветовые семемы демонстрируют утрату семантической расчлененности, что ведет к сгущению семантического содержания в одном слове, к явлению «семантической конденсации» [23, с. 179].

В «Сказке о медведихе», по типу соотносимой со сказкой о животных, дан цветовой эпитет в описании медведя и медведихи – *чернобурый*. В одной лексеме сливаются наименования двух цветов: *черного* и *бурого*, но композит именуется не двумя разными цветами, а одним – *бурый*, с оттенком очень темного, обозначенным *черным*: *Дошли вести до медведя чернобурого* [18, IV, с. 418]. При этом за семемой сохраняется денотативная характеристика, т. к. цвет и оттенок именуются непосредственно. Сопоставляя лексему с именованием вида медведя в зоологии – *медведь бурый*, мы осознаем, что лексема-композит создана с целью поэтической эстетизации и формирует особый – поэтический – образ животных-героев сказки.

Примечательно, что при употреблении этой же лексемы в «Сказке о царе Салтане» лексема реализует семему, производную от денотативной, т. е. Д2, так как обозначает не собственно цвет, а вид животного, имевшего промысловую значимость для последующей продажи. Чернобурая лисица была распространена на Алтае, поэтому ее описание нашло отражение в эпосе тюрков Южной Сибири [22, с. 55]. В сказке Пушкина чернобурий имеет значение 'особый вид дорогостоящей пушнины'. Лексема представлена в речи купцов: Мы объехали весь свет, / Торговали соболями, / **Чернобурыми** лисами <...> [18, IV, с. 427]. Тем самым посредством производно-денотативной семемы **чернобурий**, в отличие от денотативной Д1 той же лексемы, поэт дает экономически точную информацию, подтверждаемую, например, российским востоковедом-тюркологом, этнографом В. В. Радловым, который отмечал, что в Сибири «самым ценным считается мех черной лисы ("кара тулуку"), которую встречают на Алтае чаще всего у Башкауса <...> за шкуру которой дают 150–200 рублей» [19, с. 156].

Денотативная семема Д1 может объективировать эмоционально-экспрессивные смыслы за счет включения в состав лексемы уменьшительно-ласкательного суффикса, что ведет к формированию диминутива. У Пушкина встречаются ахроматические диминутивы: Прибегал тут зайка-смерд, / Зайка **беленький**, зайка **серенький** [18, IV, с. 419]. Суффикс -еньк в двух цветowych прилагательных в первую очередь служит целям фольклорной стилизации, т. к. в устном народном творчестве диминутивы выступают его значимым компонентом [6, с. 317]; однако в авторском тексте уменьшительно-ласкательная форма, скорее, направлена на выражение ироничного отношения к персонажу. Выражению отрицательной коннотации с помощью денотативной семемы способствует вовлеченность цветowych диминутивов в бессознательную конструкцию, объединяющую именованья в одно целое: зайка беленький, зайка серенький. Благодаря этому возникает представление о способности сказочного героя иметь одновременно разную окраску шерсти. В природе у животного такого одновременного присутствия двух разных оттенков нет, это зависит от времени года. В сказочном повествовании Пушкина «двойной» окрас придает образу зайки-смерда чер-

ты героя-приспособленца. Особую роль играют и морфемы, о чем мы подробнее скажем ниже.

В морфологическом плане Пушкин прибегает к прилагательным ахроматического ряда, с помощью которых номинируется постоянный признак предмета. В этом случае лексема ахроматического цвета часто выполняет функцию постоянного эпитета: *Князь царевну обнимает, / К белой груди прижимает <...>* [18, IV, с. 444]. Постоянный эпитет указывает на «денотат, являющийся “идеальным”, соответствующим эталонным представлениям о том, каким он должен быть» [16, с. 114]. В литературно-кодифицированном варианте, оторванном от народной речи, цветолексема лишается обобщенного смысла, имеющего <...> формульно-кодовый характер [8, с. 153], а Пушкин через прием стилизации реконструирует его, и выражение *к белой груди* (*грудь*, в отличие от рук, вообще-то скрыта под одеждой и не может быть наблюдаема) в контексте «Сказки о царе Салтане» выражает уже не ахроматическое, а оценочное значение ‘правильный, соответствующий норме’, делая его главным, доминирующим в оценке поступка царя Гвидона.

С помощью глагола *почернеть* возможно именование процесса, направленного на изменение цвета: *Старичок отправился к морю, / (Почернело синее море.)* [18, IV, с. 455]. Процессуальность особо выделяется Пушкиным за счет синтагматического соположения ахроматической лексемы с корнем *черн-* и хроматического прилагательного *синий* в роли постоянного эпитета. Цветообозначение для именования «стандартного» признака цвета воды в море – *синий* – используется, но «цветовое» содержание в нем реализуется своеобразно за счет соположения с другим цветообозначением, благодаря чему представление о синем трансформируется за счет употребления глагола *почернело*, который заменяется на словосочетание *черная буря*. Это прием цветовой градации: *Вот идет он к синему морю, / Видит, на море черная буря* [18, IV, с. 456]. Так с помощью разных грамматических способов именования ахроматического цвета автором сказки градуируется не только ахроматический оттенок, но и лексикализуется представление о степени гнева золотой рыбки, с чем связано и представление об усилении интенсивности черного.

Помимо этого, ахроматический мир у Пушкина также представлен кратким причастием, грамматическое значение которого указывает на завершенность процесса изменения цвета к определенному периоду времени – времени исполнения рыбкой старухиною желания: *Перед ним изба со светелкой, / С кирпичною, **беленою** трубою <...>* [18, IV, с. 453]). Труба в крестьянских избах белилась, когда печью переставали пользоваться, – весной. Здесь же труба свежевыбеленная, т. к. дом новый.

Приведенные примеры свидетельствуют о «вовлеченности» в изображение ахроматического мира грамматических форм и синтаксических конструкций, позволяющих довести представление о «беспигментном» цвете до филигранной точности и конкретности, связанной с авторским замыслом в изображении и сказочного, и бытового мира его героев.

Таким образом, ахроматический ряд денотативных цветосемем пушкинского сказочного текста, хотя представлен небольшим набором языковых единиц, способен актуализировать разнообразное смысловое содержание, во-первых, в силу семантической гибкости денотативной семемы, отражающей непосредственное восприятие цвета; во-вторых, под влиянием морфемно-словообразовательного, грамматического и даже фонетического уровня языка.

Обнаруженные нами в текстах Пушкина лексемы, именующие ахроматический цвет, в большинстве своем соответствуют лексемам, репрезентирующим денотативную цветосемему в текстах русских народных сказок.

Так, цветообозначения *белый, серый, черный* в русских народных сказках номинируют постоянный цветовой признак, выявляемый во внешнем мире – у артефактов, во внешности сказочного персонажа (как человека, так и животного): *Въезжают богатыри, топчут цветные луга, видят **белый** пустой шатер <...>* [5, III, с. 283]; *<...>меня обогнал всадник на **белом** коне, сам **белый** и в **белой** одежде: кто он такой?* [5, I, с. 131]; *Малиновка смотрит на ее тело **белое**, на ее красу ненаглядную и вся как есть дрожит* [5, II, с. 200]; *Обернулась **белой** лебедью и улетела в окно* [5, II, с. 266]; *Тогда Ох обернулся **серым** волком да вслед за собакою: вот-вот настигнет, на клочки разорвет!* [5, II, с. 228]; *Змей призадумался, присвистнул, загаркал; конь-вихорь потряхнул **черною гривую** <...>* [5, III, с. 231].

Подобное лексико-семантическое единство пушкинской и фольклорной сказки можно обнаружить и в языковых способах ахроматического портретирования.

В области изображения человеческих эмоций слова с корнем *бледн-* в русской народной сказке представлены более широким рядом, чем у А. С. Пушкина – лексемами *бледный*, *побледнеть*. Они указывают на цветовое изменение кожного покрова человека, связанное с испугом: *Вот вылезла она из погребца бледная-бледная* [5, III, с. 42]; *Царевич вынул свою дудочку; поп, как увидел ее, побледнел со страху, лихорадка так его и трясет <...>* [5, III, с. 324]. Однако несмотря на некоторое отличие в используемых однокоренных вариантах, именование цвета как результата эмоций сближает фольклорную и литературную сказку Пушкина.

Лексема *сед-* употребляется в русской народной сказке для описания цвета волос пожилого человека: *Вошел в кузницу, а в ней <...> на наковальне седой старик лежит <...>* [5, II, с. 66]; *Идут путем-дорогою, а навстречу им седой старичок <...>* [5, I, с. 279]. Примечательно, что в русских народных сказках таким цветовым признаком обладают, как правило, герои-помощники, что сближает их и пушкинских персонажей. Например, в процитированной выше сказке *седой старичок* одаривает двух Иванов богатырскими конями: *Привел их старик к большой горе, отворяет чугунную дверь и выводит богатырских коней* [5, I, с. 279]; в «Сказке о царе Салтане» Черномор водит войско, охраняет остров Гвидона: *И блистая сединами / Дядька впереди идет; <...> И попарно их выводит, / Чтобы остров тот хранить / И дозором обходить* [18, IV, с. 437, 440]. Как видим, в пушкинском и фольклорном тексте слова с корнем *сед-*, лексикализующие денотативную цветовую семему, одновременно объективируют и дополнительные смыслы, указывающие не столько на возраст, сколько на мудрость и способность помогать другим.

В морфемном и словообразовательном аспекте русская народная сказка так же, как и в семантическом плане, была для Пушкина источником ахроматической формы и содержания. Так, в фольклорной сказке нередко случаи употребления корня *бел-* в составе композита с двухкомпонентной структурой: *Был на свете царь, у него была любимая дочь*

Анна-царевна <...> и сидела она в **белокаменных** палатах <...> [5, III, с. 328], в том числе и «семантического конденсата» белолица: И стал пуще глядеть во все виды и вдруг заприметил: у окна в далеком тереме сидит красавица царевна, румяна, **белолица** и тонкокожа, аж видно, как мозги переливаются по косточкам [5, I, с. 259]. Белолицый – это цвето-предметная лексема, смысловой конденсат, как мы говорили выше, звучит и в пушкинской сказке, выражая семантику идеала красоты: Но царевна молодая <...> / Поднялась – и расцвела. / **Белолица**, черноброва, / Нраву кроткого такого [18, IV, с. 459].

Примечательна история употребления ахроматических цветолексем беленький, серенький в русских народных сказках. Несмотря на общую тенденцию к использованию уменьшительно-ласкательного суффикса в устном народном творчестве, данные цветолексемы в тексте волшебных сказок и сказок о животных не употребляются и не входят в состав изучаемых сказочных диминутивов (см., к примеру: [24]). Однако исключение составляют прибаутки и «Сказка об Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове».

В сборнике А. Н. Афанасьева прибаутки выделены в отдельный раздел и даны под определенным номером. В прибаутке № 541, построенной на диалоге зайники и охотников, лексема серенький в обращении встречается 7 раз: Зайнышка **серенький**, где ты был-спобывал? [5, III, с. 217]. В прибаутке № 542 нами зафиксировано семикратное использование уменьшительно-ласкательного суффикса в кратком прилагательном: Тетка-божатка, сошей-ка рубашку, тоненьку, **беленьку**, косой вороток [5, III, с. 217]. Прибаутка, или присказка в качестве «шуточного вступления или заключения к сказке» [10, с. 224], строится на юморе, и диминутив в ней играет жанрообразующую роль.

«Сказка об Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове» [5, I, с. 90–102] с позиций современных исследований является примером архетипа порядка и демонстрирует отклонение от нормы¹. Не случайно это произведение фольклора было предметом изучения с позиций зарождения русской смеховой культуры. Используя образы рыб, сказка высмеивает социальные типы, прибегая к диминутивам: *Послать или*

¹ Попова Ю. Е. Отражение основных правовых архетипов в русских народных сказках // Юридические исследования. 2024. № 12. Электронный ресурс. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72489 (дата обращения: 01.05.2025).

нет за еришом гарьюса; / У гарьюса <...> / Платьице **белень-ко**, / Речь московска [5, I, с. 96].

Все это по-новому высвечивает особенность включения А. С. Пушкиным лексем *беленький*, *серенький* в текст литературной сказки. Проводя параллель между ею и фольклорным текстом, мы констатируем, что автор «Сказки о медведихе», обратившись к цветовым значениям лексем *беленький*, *серенький* в описание зайки, вместе с тем выводит социальный тип «смерда» (современная реконструкция культурной значимости общеславянского и древнерусского слова указывает на такое этимологическое значение лексемы *смърдь*, как 'чужой, неполноценный человек' [2, с. 95]). Пушкин подвергает этот социальный тип осмеянию, опираясь на опыт употребления цветового диминутива в русской сказочной традиции. Морфемы включаются в выражение авторской иронии, усиленной за счет внутренней суффиксальной рифмы, т. к. два слова с одной морфемой расположены внутри одной строки: Зайка **беленький**, зайка **серенький** [18, IV, с. 419]. В целом это свидетельствует о значимости в репрезентации смысла не только лексического, морфемного, синтаксического, но даже фонетического уровня языка.

Обсуждение и выводы

Таким образом, в литературной сказке А. С. Пушкина ахроматический мир представлен в описании человека, артефактов, природы. Употребление лексем, обозначающих ахроматические цвета, ориентировано на соответствующие цветолексемы русской народной сказки. Благодаря этому в пушкинских текстах, как и в фольклорном сказочном дискурсе, с помощью денотативной семемы Д1 передаются не только цветовые, но и эмотивно-оценочные смыслы идеализации, эстетизации, а также авторское отношение к героям и даже к социальному типу, им представленному. При этом употребление в пушкинском тексте тех же ахроматических лексем, что и в фольклорной традиции, не является продуктом только внешней стилизации. Семантическое содержание лексем с корнем *бел-*, *сер-*, *черн-* и т. п., заложенное в жанре народной сказки, развивается и углубляется в соответствии с авторским замыслом и одновременно – в соответствии с национальным контекстом цветового ахроматического слова.

Список литературы

1. Акимова Т. М. О фольклоризме русских писателей: сб. статей / сост. и отв. ред. Ю. Н. Борисов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. – 204 с.
2. Алексеев А. В. Происхождение и коннотация древнерусского слова «смырьдъ» // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2024. – № 2 (54). – С. 95–107.
3. Андреев Н. П. Пушкин и народное творчество // Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. – 1938. – Т. XIV. – С. 39–69.
4. Асмус В. Ф. Пушкин и теория реализма // Русская литература. – 1958. – № 3. – С. 89–101.
5. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки в 3 т. – М.: Наука, 1984.
6. Буряковская А. А., Звонарева Ю. Н. Эволюция употребления диминутивов в русской литературе XIX века // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2010. – № 1. – С. 316–321.
7. Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Цвет и названия цвета в русском языке. – М.: Ком Книга, 2005. – 216 с.
8. Венгранович М. А. Стилистика фольклорного текста. – Тольятти: ТГУ, 2011. – 266 с.
9. Виноградов В. В. Стиль Пушкина. – М.: ОГИЗ, 1941. – 624 с.
10. Квятковский А. П. Присказка // Квятковский А. П. Поэтический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – С. 224.
11. Кезина С. В. Культурная значимость лексемы красный // Пушкинские чтения – 2025. Художественные стратегии классической и новой словесности: материалы XXX Международной научной конференции, 6–7 июня 2025 г. / отв. ред. Т. В. Мальцева. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2025. – С. 338–345.
12. Кульпина В. Г. Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер / отв. ред. В. А. Татаринов. – М.: МАКС Пресс, 2019. – 288 с.
13. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. – М.: Интелвак, 2001. – 1600 стб.
14. Мещерякова О. А. Цветовое слово в русской пословице и поговорке // Славянская фразеология и паремология: сборник научных статей. – Гомель, 2024. – С. 143–147.
15. Перфилова М. Н. Словообразование архаичных цветообозначений в русском языке // Art Logos. – 2023. – № 4 (25). – С. 178–202.
16. Пименова М. В. Семантический синкретизм как регулятор динамической устойчивости лексической системы языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23. – № 6. – С. 109–124.
17. Попова З. Д., Стернин И. А. Семемный и семный анализ как методы семасиологии // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2009. – Вып. 12. – С. 4–9.
18. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. – М. – Л.: Изд. АН СССР, 1950.
19. Радлов В. В. Из Сибири. – М.: Глав. ред. вост. лит., 1989. – 747 с.
20. Сланникова Т. В., Черкашина Е. И. Цвет и цветообозначение в лингвистических исследованиях. – М.: Языки народов мира, 2021. – 140 с.
21. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / отв. ред. академик АН СССР В. В. Виноградов. – 2-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 2000. – Т. 1. А–Ж. – 975 с.
22. Содномпилова М. М., Нанзатов Б. З. Зооморфный код в контексте этногенетических связей: лиса в традиционных представлениях монгольских народов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2016. – № 15. – С. 48–63.
23. Чекулаева А. С. Стадиальный процесс образования цветолексем в русском и китайском языках // Ученые записки УО "ВГУ им. П. М. Машерова": сб. науч. трудов. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. – Т. 24. – С. 177–180.
24. Экова Е. С. Диминутивы в сказках о животных (на материале сборника А. Н. Афанасьева) // Научно-исследовательская работа обучающихся и молодых ученых: материалы 73-й Всероссийской (с международным участием) научной конференции обучающихся и молодых ученых. – Петрозаводск, 2021. – С. 412–414.

25. Baydasheva E. M. Semantic field of colour designation of "white" in the language of medicine // Russian Linguistic Bulletin. – 2020. – № 4 (24). – С. 94–96.

26. Gađanyi K. Сравнительное описание прилагательных цвета в славянских языках (на материале русского, сербского, словенского, хорватского языков). – Melbourne: Academia Press, 2007. – 217 p.

Olga Meshcheryakova

Linguistic Features of the Achromatic World of Pushkin's Fairy Tales in Comparison With the Folklore Tradition

The article raises the problem of the formation of a rather narrow sphere of semantic space of fairy tales by A. S. Pushkin – the achromatic world. This is the semantic content of the text, represented by denotative sememes of lexemes that reflect the direct perception of white, gray and black colors. It is revealed which color lexemes includes in Pushkin famous fairy tales; a comparison is made with the use of color words in Russian fairy tales. This helps to determine what extent the author's choice is influenced by the language of the folk tale. The question about "non-color" meanings is also discussed. It is established that the use of lexemes that denote achromatic colors in the literary tale by A. S. Pushkin is oriented toward the color lexemes in the Russian folk tale. This linguistic phenomenon is not a product of external stylization alone. The semantic content of lexemes with the roots *bel-*, *ser-*, *chern-*, etc. develops in accordance with the author's intention, but in line with the folklore tradition.

Key words: achromatic color lexeme, denotative sememe, semantics, folklore and literary fairy tale, A.S. Pushkin, stylization, folklore tradition.

For citation: Meshcheryakova, O. A. (2025) Yazykovye osobennosti ahromaticeskogo mira pushkinskikh skazok v sopostavlenii s fol'klornoj tradiciej [Linguistic Features of the Achromatic World of Pushkin's Fairy Tales in Comparison with the Folklore Tradition]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 118–133. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2025_3_118. EDN: TOCBNJ

References

1. Akimova, T. M. (2001) *O fol'klorizme russkikh pisatelej*: Sb. st. [On the Folklore of Russian Writers]. Sost. i otv. red. Ju. N. Borisov [Comp. and ed. Yu. N. Borisov]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta. (In Russian).
2. Alekseev, A. V. (2024) Proishozhdenie i konnotacija drevnerusskogo slova «sm'rd» [Origin and Connotation of the Old Russian Word "sm'rd"]. *Vestnik MGPU. Serija «Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoe obrazovanie» – Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series "Philology. Theory of Language. Language Education"*. No. 2 (54). Pp. 95–107. (In Russian).
3. Andreev, N. P. (1938) Pushkin i narodnoe tvorčestvo [Pushkin and Folk Art] *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo imsituta imeni A. I. Gercena* – Notes of the Leningrad State Pedagogical Institute named after A. I. Herzen. Vol. XIV. Pp. 39–69. (In Russian).
4. Asmus, V. F. (1958) Pushkin i teorija realizma [Pushkin and the theory of realism]. *Russkaja literatura – Russian literature*. No. 3. Pp. 89–101. (In Russian).
5. Afanas'ev, A. N. (1984) *Narodnye russkie skazki v treh tomah* [Russian folk tales in 3 volumes]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
6. Burjakovskaja, A. A., Zvonareva, Ju. N. (2010) *Jevoljucija upotreblenija diminutivov v russkoj literature XIX veka* [Evolution of the use of diminutives in Russian literature

of the 19th century]. *Izvestija TulGU. Gumanitarnye nauki – News of Tula State University. Humanities*. No. 1. Pp. 316–321. (In Russian).

7. Vasilevich, A. P., Kuznecova, S. N., Mishhenko, S. S. (2005) *Cvet i nazvanija cveta v russkom jazyke* [Color and color names in Russian]. Moscow: Kom Kniga Publ. (In Russian).

8. Vengranovich, M. A. (2011) *Stilistika fol'klornogo teksta* [Stylistics of the folklore text: a tutorial]. Tol'jatti: TGU Publ. (In Russian).

9. Vinogradov, V. V. (1941) *Stil' Pushkina* [Pushkin's Style]. Moscow: OGIZ Publ. (In Russian).

10. Kvjatkovskij, A. P. (1966) *Priskazka* [Fairytale]. *Pojeticheskij slovar'* [Poetic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya enciklopediya Publ. P. 224. (In Russian).

11. Kezina, S. V. (2025) Kul'turnaja znachimost' leksemy krasnyj [Cultural significance of the lexeme red]. *Pushkinskie chtenija–2025. Hudozhestvennyye strategii klassicheskoj i novoj slovesnosti: materialy XXX Meždunarodnoj nauchnoj konferencii, 6–7 ijunja 2025 g.*, otv. red. T. V. Mal'ceva [Pushkin Readings–2025. Artistic strategies of classical and new literature: materials of the XXX International scientific conference, June 6–7, 2025, ed. T. V. Maltseva]. St. Petersburg: LGU im. A. S. Pushkina. Pp. 338–345. (In Russian).

12. Kul'pina, V. G. (2019) *Lingvisticheskaja cvetologija: ot istorii k sovremennosti cvetovykh konceptosfer* [Linguistic color science: from history to modernity of color concept spheres]. Moscow: MAKSS Press. (In Russian).

13. Nikoljukin, A. N. (2001) (ed.) *Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij* [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Moscow: Intelvak Publ. (In Russian).

14. Meshherjakova, O. A. (2024) *Cvetovoe slovo v russkoj poslovice i pogovorke* [Color word in Russian proverb and saying]. *Slavjanskaja frazeologija i paremiologija: sbornik nauchnyh statej* [Slavic phraseology and paremiology. Collection of scientific articles]. Gomel'. Pp. 143–147. (In Russian).

15. Perfilova, M. N. (2023) Slovoobrazovanie arhaichnyh cvetooboznachenij v russkom jazyke [Word formation of archaic color designations in the Russian language]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4 (25). Pp. 178–202. (In Russian).

16. Pimenova, M. V. (2024) Semanticheskij sinkretizm kak reguljator dinamičeskoj us-tojčivosti leksičeskoj sistemy jazyka [Semantic syncretism as a regulator of the dynamic stability of the lexical system of language]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2, Jazykoznanie – Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistics*. Vol. 23. No. 6. Pp. 109–124. (In Russian).

17. Popova, Z. D., Sternin I. A. (2009) Sememnyj i semnyj analiz kak metody semasiologii [Sememe and semiotic analysis as methods of semasiology] *Jazyk i nacional'noe soznanie* [Language and national consciousness]. Issue. 12. Voronezh: Istoki Publ. Pp. 4–9. (In Russian).

18. Pushkin, A. S. (1950) *Polnoe sobranie sočinenij v desjati tomah* [Complete Works in Ten Volumes]. Moscow–Leningrad: AN SSSR Publ. (In Russian).

19. Radlov, V. V. (1989) *Iz Sibiri* [From Siberia]. Moscow: Glav. red. vost. lit. (In Russian).

20. Slastnikova, T. V., Cherkashina, E. I. (2021) *Cvet i cvetooboznachenie v lingvističeskikh issledovanijah* [Color and Color Designation in Linguistic Research]. Moscow: Jazyki narodov mira. (In Russian).

21. Vinogradov, V. V. (2000) (ed.) *Slovar' jazyka Pushkina: v 4 t.* [Dictionary of Pushkin's Language: in 4 volumes]. Vol. 1. A–Zh. 2-e izd, dop. Moscow: Azbukovnik Publ. (In Russian)

22. Sodnompilova, M. M., Nanzatov, B. Z. (2016) Zoomorfnyj kod v kontekste jetnogeneticheskikh svjazej: lisa v tradicionnyh predstavlenijah mongol'skikh narodov [Zoomorphic code in the context of ethnogenetic connections: the fox in traditional representations of the Mongolian peoples]. *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Geoarheologija. Jetnologija. Antropologija – Bulletin of the Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology*. No. 15. Pp. 48–63. (In Russian).

23. Chekulaeva, A. S. (2017) Stadijalnyj process obrazovanija cvetoleksem v russkom i kitajskom jazykah [Staged process of formation of color lexemes in the Russian and Chinese languages]. *Učenyje zapiski UO "VGU im. P. M. Masherova": sb. nauch. trudov* [Scientific notes of the UO "VSU named after P. M. Masherov"]. Collection of scientific papers. Vitebsk: VGU imeni P. M. Masherova. Vol. 24. Pp. 177–180. (In Russian).

24. Jekova, E. S. (2021) *Deminutivy v skazkah o zhyvotnyh (na materiale sbornika a. n. afanas'eva)* [Deminutives in fairy tales about animals (based on the collection by A. N. Afanas'ev)]. *Nauchno-issledovatel'skaja rabota obuchajushhihsja i molodyh uchenyh* [Research work of students and young scientists]. Proceedings of the 73rd All-Russian (with international participation) scientific conference of students and young scientists. Petrozavodsk. Pp. 412–414. (In Russian).

25. Baydasheva, E. M. (2020) Semantic field of colour designation of “white” in the language of medicine. *Russian Linguistic Bulletin*. No. 4 (24). Pp. 94–96.

26. Gadányi, K. (2007) *Sravnitel'noe opisanie prilagatel'nyh cveta v slavyanskih yazykah (na materiale russkogo, serbskogo, slovenskogo, horvatskogo yazykov)* [Comparative description of adjectives of color in Slavic languages (based on Russian, Serbian, Slovenian, Croatian)]. Melbourne: Academia Press. (In Russian).

Об авторе

Мещерякова Ольга Александровна, главный научный сотрудник Центра русского языка и литературы, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, доктор филологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: lameo56@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-7950-5874

About the Author

Olga Meshcheryakova, Chief Researcher at the Center for the Russian Language and Literature, Pushkin Leningrad State University, Doctor of Philology, Associate Professor (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: lameo56@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-7950-5874

дата получения: 24.06.2025 г.
дата принятия: 30.07.2025 г.
дата публикации: 30.09.2025 г.

date of receiving: 24 June 2025
date of acceptance: 30 July 2025
date of publication: 30 September 2025

С. В. Сахневич

Редукция семиотической перегрузки: феноменологический подход к исследованию знака, денотата, смысла и идеи

В работе рассматривается проблема перевода с точки зрения концепций Готлоба Фреге и Эдмунда Гуссерля. Переводчик, оперируя знаками, денотатами, смыслами и идеями, сталкивается с пролиферацией языковых средств для выражения одного и того же денотата, что связано с фрагментацией современного общества, не характерной для общества того времени, в котором жил Фреге. Поэтому фрегевский подход, в пределах которого до сих пор действуют переводчики, критически осмысливается. Предлагается решение, основанное на феноменологии Гуссерля, включающей в себя феноменологическую редукцию (эпохе и идеация) и трансцендентальную редукцию, для очищения от личных и общественных предпосылочных наслоений. В частности, в качестве переводческой платформы выдвигается наиболее фундаментальные и обозначенные смыслы, на основе которых, посредством аналогизирующей апперцепции, основанной на универсальном для всех состоянии консумента перевода, осуществляется сближение переводчика и реципиента перевода.

Ключевые слова: аналогизирующая апперцепция, знак-денотат-смысл-идея, реципиент перевода, состояние консумента перевода, трансцендентальная редукция, феноменологическая редукция.

Для цитирования: Сахневич С. В. Редукция семиотической перегрузки: феноменологический подход к исследованию знака, денотата, смысла и идеи // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 3. – С. 134–148. DOI: 10.35231/25419803_2025_3_134. EDN: QQLTFU

В условиях глобализации и интенсификации межкультурной коммуникации проблема адекватности и смыслоустойчивости перевода приобретает особую значимость. Предложенная методология может способствовать повышению эффективности межкультурного обмена, преодолению барьеров непонимания и обеспечению более точной передачи информации. Кроме того, актуальность исследования обусловлена растущей ролью перевода в различных сферах деятельности – от философии и науки до бизнеса и культуры.

Научная новизна исследования заключается в применении феноменологических методов Гуссерля к проблеме перевода. Предложенный подход выходит за рамки традиционных лингвистических теорий и предлагает принципиально новую методологию, позволяющую преодолеть ограничения, связанные с субъективностью интерпретаций и культурными различиями. Разработка концепции «универсального состояния консумента перевода» и её использование в рамках аналогизирующей апперцепции также является оригинальным вкладом в теорию перевода.

Материалы и методы

Цель статьи – разработка теоретически обоснованной и практически применимой методологии перевода, позволяющей минимизировать семиотическую перегрузку и обеспечить максимальную адекватность перевода путем преодоления субъективных и социокультурных ограничений интерпретации.

Предполагаем, что существующее противоречие между теоретической плодотворностью концепций Готлоба Фреге о знаке, денотате, смысле и идее в области перевода и их практической ограниченностью, обусловленной зависимостью от общественных интерпретаций смысла и личных интерпретаций, заставляет искать пути преодоления семиотической перегрузки, возникающей при переводе, обусловленной различиями в понимании знака, денотата и смысла. Применение феноменологического подхода Гуссерля к области семантики перевода будет способствовать более адекватному и смыслоустойчивому переводу для целевой аудитории.

Задачи исследования состоят в том, чтобы проанализировать концепции Фреге о знаке, денотате, смысле и идее в контексте проблем перевода; выявить ограничения и противоречия фрегевского подхода применимо к переводу; обосновать необходимость применения редукций Гуссерля для преодоления семиотической перегрузки; обосновать возможность сближения переводчика и реципиента перевода посредством аналогизирующей апперцепции; доказать, что состояние консумента перевода является универсальным для всех человеческих существ; продемонстрировать потен-

циал предложенной методологии для повышения адекватности и смыслоустойчивости перевода.

Переводчик: знак, денотат, смысл и идея

Когда переводчик переводит, он сталкивается со знаками (linear string of symbols) или знаком [12, р. 46]. Под знаком также подразумевается изображение, признак, предзнаменование, символ и др. В рамках фрегевской теории перевода первоначальная задача трансляции знака представляет собой дословный перевод, предполагающий соответствие «знак в знак». Однако один и тот же денотат может обозначаться различными словами. Например, английские термины sun, sol, star, sunshine и русские «солнце», «светило», «звезда», «солнечный свет», «жарило» могут указывать на один и тот же денотат, но обладают различными коннотациями и употребляются в разных сферах. Применение дословного перевода, игнорирующего контекст и стилистическую уместность, как в случае трансляции The sun was shining как «Жарило светило» приводит к коммуникативной неадекватности и нарушению языковой нормы.

Далее, мы можем перевести перевод «из смысла в смысл». Однако здесь мы сталкиваемся с тем, что смысл как общее значение может не совпадать у реципиентов из разных сегментов общества. Например, слово «свобода» имеет общий смысл «отсутствие ограничений, возможность выбора и независимость», оно определяется в словарях как абстрактное понятие. Однако смысл слова «свобода» варьируется в разных сегментах общества: для политически активных граждан «свобода» означает свободу слова, собраний, политические права и участие в выборах; для предпринимателей – свободу ведения бизнеса, отсутствие бюрократических барьеров и распоряжение собственностью; для верующих – свободу самовыражения и защиту от религиозной дискриминации; для молодежи – независимость от родителей и следование своим интересам.

Многие исследователи так или иначе разрабатывали подступы к переводу в пределах фрегевской парадигмы: знак (слово, изображение, лай, чертеж): home; денотат (сам предмет, вещественный или абстрактный): дом (физическое строение); смысл (объективный, сродни телескопу): место, где живут люди; идея (субъективная, сродни индивидуальной сетчатке

глаз): большая семья, гостеприимство, защита от невзгод, работа на земле, связь с предками и т. д. Например, концепция уровней эквивалентности в переводе Вилена Николаевича Комиссарова во многом перекликается с разделением на уровни знака, денотата и смысла. Чем выше уровень эквивалентности, тем меньше сохраняется формального соответствия между текстами, но больше передается смысл (см.: [6, с. 4–20]).

Лев Соломонович Бархударов, подобно Комиссарову, занимался вопросами эквивалентности и соответствия в переводе, рассматривая различные типы соответствий между исходным и переводным текстами и уделяя внимание семантическим и стилистическим аспектам [2, с. 89]. Немецкий переводовед Альбрехт Нойберт разрабатывал теорию текстовой компетенции, подчеркивая важность понимания не только языковых единиц, но и текстовых структур, конвенций и прагматических аспектов социолингвистических ассоциаций, о чем мы должны информировать нелингвистов, в частности пропагандистов и агитаторов [9, с. 96]. Катарина Райс, немецкая исследовательница, известна своей функциональной теорией перевода, акцентирующей внимание на цели перевода и соответствии перевода ожиданиям целевой аудитории [18, pp. 168–171]. Ганс Вермеер, также представитель функциональной теории перевода, подчеркивал, что перевод должен рассматриваться как самостоятельное коммуникативное действие, направленное на достижение определенной цели в целевой культуре [21, p. 229]. Американский лингвист и переводовед Юджин Найда разработал теорию динамической эквивалентности, в которой подчеркивал важность передачи не только содержания, но и эффекта исходного текста на читателя, что предполагает глубокое понимание культурных особенностей и психологических реакций целевой аудитории¹. Британский теоретик перевода Питер Ньюмарк предложил концепцию семантического и коммуникативного перевода, где семантический перевод стремится максимально точно передать смысл исходного текста, а коммуникативный перевод адаптирует текст для целевой аудитории, делая его более понятным и естественным [16,

¹ Переводческая эквивалентность в трудах Ю. Найды. Электронный ресурс. URL: https://eltranstheorymastering.fandom.com/ru/wiki/Переводческая_эквивалентность_в_трудах_Ю._Найды (дата обращения: 20.12.2020).

р. 136]. Хенрик Готлиб, специалист в области аудиовизуального перевода, рассматривает перевод как многоуровневый процесс, в котором переводчик должен учитывать не только языковые, но и семиотические аспекты, а также специфику восприятия целевой аудитории¹.

От Фреге к Гуссерлю

Возьмем знак *care* и попробуем перевести его по Фреге. Денотатом *care* является «акт заботы, проявленный конкретным человеком в конкретный момент». Смыслом *care*, принятым в обществе, является «чувство беспокойства и ответственности за благополучие кого-то или чего-то». Идея *care* – это индивидуальное, субъективное представление, которое может варьироваться не только от сегмента к сегменту, но и от человека к человеку.

По Фреге, смысл – это телескоп, а идея – это индивидуальная сетчатка глаза конкретного человека². Например, в произведениях Хайдеггера *care* имеет свою «индивидуальную сетчатку» в качестве вдохновения смертью: тот факт, что когда-нибудь кончимся, умственно и физически, вдохновляет нас на новые свершения [14, р. 41]. Перевод: *бытие к смерти*.

Для Сёрена Кьеркегора *care* – это фундаментальное экзистенциальное состояние, связанное со страхом и трепетом перед Богом [7, с. 645]. Перевод – *страх и трепет*.

Карл Ясперс рассматривал *care* в контексте пограничных ситуаций, как стремление к саморазвитию в условиях неопределенности [11, с. 567]. Перевод: *ответственность за самореализацию*.

Для Мартина Бубера *care* – это основа межличностных отношений «Я-Ты», где другой человек воспринимается как уникальная и ценная личность, а не как объект [19, pp. 310–313]. Перевод: *заботливое отношение*.

Эмманюэль Левинас радикализировал идею *care*, утверждая, что она является *первичной* по отношению к бытию. Забота о Другом – это этический императив, который воз-

¹ Gottlieb H. Multidimensional Translation: Semantics turned Semiotics // EU-High-Level Scientific Conference Series, MuTra. Challenges of Multidimensional Translation: Conference Proceedings. Copenhagen, 2005. Pp. 17–19. Available at: https://www.euroconferences.info/proceedings/2005_Proceedings/2005_Gottlieb_Henrik.pdf (accessed 20 December 2024).

² Frege G. On Sense and Reference. 1892. P. 29. Available at: http://mind.ucsd.edu/syllabi/00-01/phil235/a_readings/frege_S... (accessed 20 December 2024).

никает из асимметричного отношения между Я и Другим, где Другой всегда требует от меня ответа [8, с. 162]. Перевод: *служение нуждам Другого*.

Кэрол Гиллиган критиковала традиционные этические теории за их ориентацию на абстрактные принципы справедливости, предлагая «этику заботы», основанную на *эмпатии*, *сочувствии* и *внимании к нуждам конкретных людей* [4, с. 68]. Перевод: *сочувствие, эмпатия*.

Нелл Ноддингс рассматривала *care* как альтернативу традиционным этическим системам. Забота – это не просто обязанность, а источник морального удовлетворения [17, р. 189]. Перевод: *практическая забота*.

Джоан Тронтó развивает *политическую теорию заботы*, утверждая, что *care* является не только личным делом, но и *важным аспектом социальной справедливости*. Она исследует, как забота распределяется в обществе и как можно создать более справедливую систему [20, р. 112]. Перевод: *социальная справедливость*.

Юлия Кристева рассматривает *care* в контексте материнства и женской психологии. Забота о ребенке – это сложный и амбивалентный процесс, связанный с любовью, тревогой и самопожертвованием [14, р. 45]. Перевод: *материнская любовь*.

Мишель Фуко фокусировался на *care* как на заботе о себе, о самосовершенствовании и управлении своей жизнью [10, с. 215]. Перевод: *самопознание, самосовершенствование*.

Пьер Адо исследовал философию как образ жизни и подчеркивал значение *духовных упражнений* для достижения мудрости и счастья. Забота о себе – это постоянная практика самосознания, самоконтроля и самосовершенствования [1, с. 179]. Перевод: *духовное*.

Однако, когда мы переводим, мы должны учесть тот факт, что нашими реципиентами перевода могут быть представители самых разных сегментов: от мигрантов до священнослужителей. И им может не подойти не только идея, но и смысл. Именно здесь заканчивается Фреге и начинается Гуссерль. Гуссерля не устраивает ни смысл, потому что он «загрязнен» общественной предпосылочностью, ни идея, потому что она «загрязнена» личной предпосылочностью, поэтому Гуссерль предлагает осуществить редукции: феноменологи-

ческую (эпохе и идеацию) – для очищения от личных предпосылочных наслоений, и трансцендентальную – для очищения от общественных предпосылочных наслоений.

Гуссерлевские редукции дают эффективный инструмент для подготовки реципиент-ориентированного перевода. Например, в ходе феноменологической редукции (эпохе и идеации) переводчик «воздерживается» от собственных предубеждений и личных ассоциаций, связанных с текстом. Эпохе помогает ему увидеть текст «как он есть», отделив собственные интерпретации от интенции автора. Идеация позволяет выделить сущностные признаки объекта.

В ходе трансцендентальной редукции переводчик должен критически оценить общественные предубеждения и стереотипы, которые могут повлиять на восприятие текста целевой аудиторией [5, с. 33].

В результате двух редукций мы находим такое значение слова *care*, которое будет одновременно отражать наиболее фундаментальный смысл «care» в самом широком понимании: «внимание и действие», чтобы это «что-то» сохранилось, развивалось или/и избежало вреда.

При таком подходе перевод-платформа после феноменологической редукции (эпохе и идеации): *«преднамеренное содействие благополучию»*; перевод-платформа после трансцендентальной редукции: *«поддержание существования и развития через осознанное участие»*.

И далее, используя вышеупомянутые переводы-платформы, переводчик ставит перед собой задачу: *осуществить сближение с реципиентом перевода при помощи аналогизирующей апперцепции*.

Аналогизирующая апперцепция обращается к опыту и аналогичным ситуациям для понимания новых предметов или явлений. В обычной жизни, вне сферы перевода, мы движемся навстречу другому человеческому существу, закрытому для непосредственного постижения, при помощи кинестетического состояния: кинестетические движения одного человека сходны с кинестетическими движениями другого, на основе чего происходит перенос смысла с одного организма на другой. Читаем у Л. Витгенштейна: «Откуда вы знаете, что он испытывает зубную боль, когда он держится за щеку?» Ответом

может быть: «Я говорю, что **он** испытывает зубную боль, когда он держится за щеку, потому что сам держусь за щеку, когда испытываю зубную боль» [3, с. 54].

Однако в случае с переводчиком и реципиентом перевода аналогизирующая апперцепция на основе телесного уподобления не срабатывает из-за уникального характера их индивидуальных взаимоотношений. В отличие от аналогизирующей апперцепции с телом, наблюдению переводчика не открыт внутренний облик чужой телесности в виде нужд реципиента перевода, в то время как свои доктрины переводчик тоже испытывает во внутреннем опыте.

Переводчик понимает переводческую ситуацию и проблему реципиента перевода на основе аналогии с пониманием своей ситуации как проблему потенциального консумента, в том числе и переводческих услуг, ведь переводчик может не знать всех языков мира. Поэтому в маркетинге процесс сегментации среди маркетологов начинается с анализа и перечисления своих собственных нужд и потребностей как начальной точки для понимания реципиента перевода.

Рассмотрим перевод *care* для разных сегментов.

Сегмент «Ортодоксы религии»

Аналогизирующая апперцепция: переводчик представляет себя глубоко религиозным человеком, для которого важны духовные ценности, милосердие и служение Богу. «Забота» воспринимается как проявление божественной любви и соблюдение религиозных заповедей. Перевод *благочестие* подчеркивает религиозный аспект заботы, исполнение религиозных обязанностей. Например: «Соблюдайте заповеди Господа и проявляйте *благочестие* в заботе о нуждающихся».

Сегмент «Хулиганы»

Аналогизирующая апперцепция: переводчик представляет себя бунтарем, для которого важны свобода, независимость и преданность своим. «Забота» проявляется в защите своих, поддержке в трудную минуту и верности «своим понятиям». Перевод *поддержка* подчеркивает помощь и защиту в сложных ситуациях. Например: «Настоящий друг всегда проявит *поддержку*, когда у тебя проблемы».

Сегмент «Студенты»

Аналогизирующая апперцепция: переводчик представляет себя студентом, для которого важны учеба, саморазвитие, друзья и веселье. «Забота» проявляется в поддержке в учебе, помощи с проектами, совместном времяпрепровождении и понимании. Перевод *поддержка* подчеркивает помощь в учебе, с проектами и другими задачами. Например: «Мы проявляем внимание, предоставляя *поддержку* в учебе и организовывая интересные мероприятия».

Сегмент «Менеджеры»

Аналогизирующая апперцепция: переводчик представляет себя менеджером, для которого важны эффективность, результат, карьера и успех. «Забота» проявляется в создании благоприятных условий для работы, предоставлении возможностей для развития и признании заслуг. Перевод *внимание к сотрудникам* подчеркивает учет потребностей и интересов сотрудников. Например: «Компания *проявляет внимание* к сотрудникам, создавая комфортные условия труда и обеспечивая необходимыми ресурсами».

Сегмент «Рабочие»

Аналогизирующая апперцепция: переводчик представляет себя рабочим, для которого важны стабильность, безопасность, достойная оплата и уважение. «Забота» проявляется в обеспечении безопасных условий труда, предоставлении социальных гарантий и справедливом отношении. Перевод *безопасность труда* подчеркивает заботу о здоровье и безопасности сотрудников на рабочем месте. Например: «Компания гарантирует *безопасность труда*, социальную защиту и достойные условия труда для всех сотрудников».

Сегмент «Интеллектуалы»

Аналогизирующая апперцепция: переводчик представляет себя интеллектуалом, для которого важны знания, свобода мысли, творчество и самовыражение. «Забота» проявляется в создании интеллектуальной среды, предоставлении возможностей для исследований и стимулировании творческого мышления. Перевод *поддержка интеллектуального развития* подчеркивает предоставление возможностей для обучения и исследований. Например: «Мы оказываем *поддержку интел-*

лектуальному розвитку, стимулюючи творчість і проявляючи уваження до мненню кожного співробітника».

Сегмент «Иммигранты»

Аналогизирующая апперцепция: переводчик представляет себя иммигрантом, для которого важны адаптация, интеграция, поддержка и понимание. «Забота» проявляется в помощи с языковым барьером, предоставлении информации о культуре и традициях, создании дружелюбной атмосферы и содействии в интеграции в новое общество. Перевод *помощь в адаптации* подчеркивает содействие в интеграции в новую культуру и общество. Например: «Мы оказываем *помощь в адаптации*, предоставляя *поддержку* и проявляя *понимание* к культурным особенностям» (рис. 1).

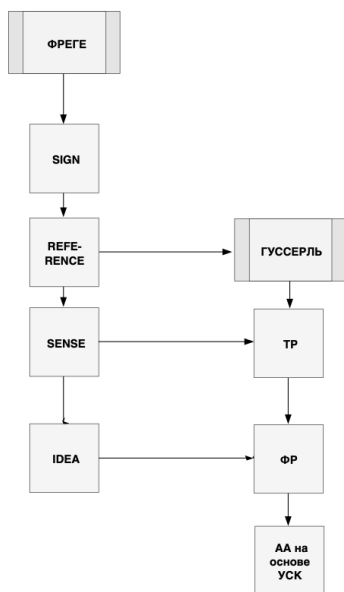


Рис. 1. Применение феноменологических методов Гуссерля к проблеме перевода

Репрезентация вместо денотата

Однако, знак может и не иметь своего денотата, другими словами, в мире нет предмета, например, для знака *inpress*.

Его перевод «бытие-в» мы не можем найти в мире как реально существующий предмет. И хотя Фреге говорит, что, когда у знака нет своего денотата, это – особая ситуация¹ и для этой ситуации нужен особый термин. Для целей логического анализа знак без денотата недопустим: когда у знака нет своего денотата, это порождает спекуляции самого различного рода. В сфере перевода, когда речь идет об обычном языке или художественной литературе, мы часто используем знаки без денотатов (рис. 2).

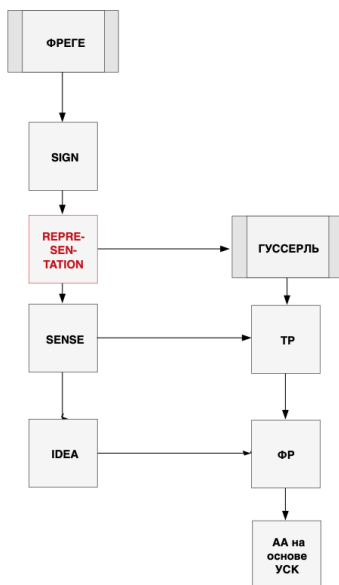


Рис. 2. Репрезентация вместо денотата

Обсуждение и выводы

Исследование выявило ограниченность фрегевского подхода к переводу в условиях фрагментированного современного общества, характеризующегося пролиферацией языковых средств и субъективностью интерпретаций. Показано, что опора на денотаты и смыслы, как их понимал Фреге,

¹ Frege G. On Sense and Reference. 1892. P. 29. Available at: http://mind.ucsd.edu/syllabi/00-01/phil235/a_readings/frege_S... (accessed 20 December 2024).

не всегда позволяет преодолеть языковые и культурные барьеры, возникающие из-за этой фрагментации. Альтернативно предложена феноменологическая модель перевода, основанная на идеях Гуссерля, которая позволяет переводчику выйти за пределы личных и социальных предпосылок, очищая процесс перевода от субъективных искажений. Суть предлагаемой модели перевода состоит в следующем:

- 1) разработка теоретически обоснованной и практически применимой методологии перевода, основанной на интеграции фрегевской семантики и гуссерлевской феноменологии;

- 2) создание инструментария для анализа и минимизации семиотической перегрузки в процессе перевода;

- 3) обоснование эффективности применения редукций для устранения пролиферации значений;

- 4) предложение принципов, способствующих сближению переводчика и реципиента перевода;

- 5) обогащение перевода феноменологическими знаниями для большей эффективности межкультурной коммуникации.

Предложенная феноменологическая модель перевода, включающая феноменологическую и трансцендентальную редукцию, позволяет переводчику достичь более фундаментального понимания исходного текста. Этот «очищенный» смысл, освобожденный от культурных и личных наслоений, служит надежной платформой для создания перевода, который будет понятен и релевантен для широкой аудитории. Аналогизирующая апперцепция, основанная на универсальном состоянии консумента перевода, выступает в качестве связующего звена между переводчиком и реципиентом, обеспечивая эмпатическое понимание потребностей и ожиданий читателя.

Исследование показало, что традиционный, фрегевский, подход к переводу требует критического переосмысления в условиях современной социокультурной фрагментации. Феноменологическая модель перевода, основанная на идеях Гуссерля, предлагает перспективное решение, позволяющее переводчику достичь более глубокого и объективного понимания исходного текста и создать перевод, который будет максимально понятен и релевантен для широкой аудитории. Предложенная методология открывает новые возможности для исследований в области теории и практики перевода,

а также способствует развитию эмпатии и взаимопонимания между носителями различных культур. Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку конкретных практических рекомендаций по применению феноменологических методов в переводческой деятельности и на оценку эффективности предложенной модели на конкретных примерах.

Список литературы

1. Адо П. Философия как способ жить: беседы с Жанни Карлие и Арнольдом И. Дэвидсоном. – М., СПб.: Степной ветер; Коло, 2005. – 288 с.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
3. Витгенштейн Л. Голубая и коричневая книги. – Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2008. – 256 с.
4. Гиллиган К., Снайдер Н. Почему патриархат все еще существует? – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 176 с.
5. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. – СПб.: Владимир Даль, 2004. – 399 с.
6. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 2002. – 424 с.
7. Кьеркегор С. Или-или. – СПб.: Амфора, 2011. – 823 с.
8. Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. – 264 с.
9. Нойберг А. К вопросу о предмете и основных понятиях марксистско-ленинской социолингвистики // Актуальные проблемы языкознания ГДР: Язык – Идеология – Общество. – М.: Прогресс, 1979. – 376 с.
10. Фуко М. Слова и вещи. – СПб.: А-сэд, 1994. – 406 с.
11. Ясперс К. Общая психопатология. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. – 1056 с.
12. Bell R. Translation and Translating: Theory and Practice. – New York: Longman, 1991. – 298 p.
13. Buber M., Rozenzweig F. Scripture and Luther // Translation – Theory and Practice: A Historical Reader. Ed. By Daniel Weissbort, Astradur Eysteinnsson. – New York, 2006. – Pp. 310–323.
14. Heidegger M. Being and Time. – Oxford: Blackwell Publishers Ltd., 2001. – 589 p.
15. Kristeva J. Black Sun: Depression and Melancholia. – New York: Columbia University Press, 1989. – 300 p.
16. McCarthy E. J., Perreault W. D. Jr. Basic Marketing. – Boston, Homewood: Irwin, 1990. – 868 p.
17. Newmark P. A Textbook of Translation. – London: Prentice Hall, 1988. – 292 p.
18. Noddings N. Philosophy of education. – New York & London: Taylor & Francis Group, 2019. – 281 p.
19. Reiss K. Type, Kind and Individuality of Text: Decision Making in Translation Text // The Translation Studies Reader. – New York & London, 2004. – Pp. 168–179.
20. Tronto J. C. Moral Boundaries: A Political Argument for an Ethic of Care. – New York: Routledge, 2020. – 242 p.
21. Vermeer H. J. Skopos and Commission in Translational Action // The Translation Studies Reader. Venuti, L. (ed.). – New York & London: Routledge, 2004. – Pp. 227–238.

Sergey Sakhnevich

Reduction of Semiotic Overload: A Phenomenological Approach to the Study of Sign, Denotation, Meaning and Idea

This work examines the problem of translation from the perspective of the concepts of Gottlob Frege and Edmund Husserl. A translator operating with signs, denotations, meanings, and ideas faces a proliferation of linguistic means to express the same denotation, which is connected to the fragmentation of modern society – an aspect not characteristic of the society in which Frege lived. Therefore, Frege's approach, which continues to influence translators today, is critically analyzed. A solution is proposed based on Husserl's phenomenology, incorporating phenomenological reduction (*epoché* and *ideation*) and transcendental reduction to cleanse the translation process from personal and societal presuppositions. Specifically, the translation platform is built upon the most fundamental and depersonalized meanings, which, through analogizing apperception – based on a universal state of the translation's consensus – facilitates the rapprochement between the translator and the translation recipient.

Key words: analogizing apperception, sign-denotation-meaning-idea, translation recipient, state of translation consensus, transcendental reduction, phenomenological reduction.

For citation: Sakhnevich, S. V. (2025) *Redukciya semioticheskoy peregruzki: fenomenologicheskij podhod k issledovaniyu znaka, denotata, smysla i idei* [Reduction of Semiotic Overload: A Phenomenological Approach to the Study of Sign, Denotation, Meaning and Idea]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 134–148. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2025_3_134. EDN: QQLTFU

References

1. Ado, P. (2005) *Filosofiya kak sposob zhit': besedy s Zhanni Karliye i Arnol'dom I. Davidsonom* [Philosophy as a way of life: conversations with Jeannie Carlier and Arnold I. Davidson]. Moscow; St. Petersburg: Stepnoy veter; Kolo Publ. (In Russian).
2. Barkhudarov, L. S. (1975) *Yazyk i perevod. Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda* [Language and translation. Questions of general and particular translation theory]. Moscow: Mezhdunar. Otnosheniya Publ. (In Russian).
3. Vitgenshteyn, L. (2008) *Golubaya i korichnevaya knigi* [The Blue and Brown Books]. Novosibirsk: Sibirskoe universitetskoe izdatel'stvo. (In Russian).
4. Gilligan, K., Snyder, N. (2020) *Pochemu patriarkhat vse eshche sushchestvuyet?* [Why does patriarchy still exist?]. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki. (In Russian).
5. Gusserl', E. (2004) *Krizis evropeyskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya* [The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology]. St. Petersburg: VLADIMIR DAL' Publ. (In Russian).
6. Komissarov, V. N. (2002) *Sovremennoye perevodovedeniye* [Modern translation studies]. Moscow: ETS Publ. (In Russian).
7. K'yerkegor, S. (2011) *Ili–Ili* [Either / Or]. St. Petersburg: Amfora Publ. (In Russian).
8. Levinas, E. (1998) *Vremya i drugoy. Gumanizm drugogo cheloveka* [Time and the Other. Humanism of the Other Man]. St. Petersburg: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola. (In Russian).
9. Noybert, A. (1979) *K voprosu o predmete i osnovnykh ponyatiyakh marksistsko-leninskoy sotsiolingvistiki* [On the question of the subject and basic concepts of Marxist-Leninist sociolinguistics]. *Aktual'nyye problemy yazykoznaniya GDR: Yazyk – Ideologiya – Obshchestvo*

vo [Actual problems of linguistics of the GDR: Language – Ideology – Society]. Moscow: Progress Publ. (In Russian).

10. Fuko, M. (1994) *Slova i veshchi* [The Order of Things]. St. Petersburg: A-cad. (In Russian).

11. Yaspers, K. (2020) *Obshchaya psikopatologiya* [General Psychopathology]. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus Publ. (In Russian).

12. Bell, R. (1991) *Translation and Translating: Theory and Practice*. New York: Longman.

13. Buber, M., Rozenzweig, F. (2006) *Scripture and Luther. Translation – Theory and Practice: A Historical Reader*. Ed. By Daniel Weissbort, Astradur Eysteinnsson. New York. Pp. 310–323.

14. Heidegger, M. (2001) *Being and Time*. Oxford: Blackwell Publishers Ltd.

15. Kristeva, J. (1989) *Black Sun: Depression and Melancholia*. New York: Columbia University Press.

16. McCarthy, E. J. & Perreault, W. D. Jr. (1990) *Basic Marketing*. Boston, Homewood: Irwin.

17. Newmark, P. (1988) *A Textbook of Translation*. London: Prentice Hall.

18. Noddings, N. (2019) *Philosophy of education*. New York & London: Taylor & Francis Group.

19. Reiss, K. (2004) Type, Kind and Individuality of Text: Decision Making in Translation Text. *The Translation Studies Reader*. New York & London. Pp. 168–179.

20. Tronto, J. C. (2020) *Moral Boundaries: A Political Argument for an Ethic of Care*. New York: Routledge.

21. Vermeer, H. J. (2004) Skopos and Commission in Translational Action. *The Translation Studies Reader*. Venuti, L. (ed.). New York & London: Routledge. Pp. 227–238.

Об авторе

Сахневич Сергей Владимирович, доцент, Институт деловой карьеры, кандидат филологических наук, доцент (Москва, Российская Федерация); e-mail: crash68@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-2068-9250

About the Author

Sergey Sakhnevich, Associate Professor, Institute of Business Career, PhD in Philology, Associate Professor (Moscow, Russian Federation); e-mail: crash68@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-2068-9250

дата получения: 07.07.2025 г.

дата принятия: 30.07.2025 г.

дата публикации: 30.09.2025 г.

date of receiving: 07 July 2025

date of acceptance: 30 July 2025

date of publication: 30 September 2025

Л. В. Кудрина

Интертекстуальность новостных текстов интернет-СМИ

Исследование посвящено феномену интертекстуальности. В фокусе внимания статьи интертекстуальность особого типа медиатекста – новостного текста интернет-СМИ. Автор доказывает, что интертекстуальные связи реализуются в каждой структурной части новостного текста, от заголовка до завершающего блока. В результате исследования также выявлено, что межтекстовые взаимодействия с помощью цитат, ссылок на другие источники, упоминания событий или героев предыдущих публикаций не только служат для подчеркивания достоверности и интерпретации текстов, но и выполняют прагматичные задачи редакций СМИ. Автор также рассматривает пересечение понятий «интертекстуальность», «прецедентность», «гипертекстуальность». Изучение особенностей их реализации и функционирования в новостном тексте интернет-СМИ позволяет выявить механизмы формирования информационной реальности и особенности восприятия новостей современным читателем. Таким образом подтверждается, что даже такая короткая форма журналистского материала, как новостной текст, представляет собой сложное многослойное явление межтекстовых взаимодействий.

Ключевые слова: новостной текст, интертекстуальность, прецедентность, гипертекстуальность, медиатекст.

Для цитирования: Кудрина Л. В. Интертекстуальность новостных текстов интернет-СМИ // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 3. – С. 149–162. DOI: 10.35231/25419803_2025_3_149. EDN: NZZKRU

Интертекстуальность считается фундаментальным свойством любого текста и одним из ключевых понятий постструктурализма и постмодернизма. Этимология термина восходит к латинскому «intertextum», что буквально переводится как «вплетенное внутрь», тем самым подчеркивая многослойность и взаимосвязанность текстов. Актуальность данного исследования обусловлена феноменом понятия «интертекстуальность», связанного с порождением новых смыслов в текстах. Если рассматривать по постмодернистской традиции

любой модифицированный текст как новое произведение, то становится очевидно, что новые авторы и новое время генерируют новые прочтения. Из этого следует, что изучение современных СМИ в контексте теории интертекстуальности никогда не потеряет интереса научного сообщества.

Вплетение чужеродного текста в новостной текст требует особого внимания, поскольку данный жанр характеризуется нейтральной стилистической константой, жесткой структурной организацией и имплицитной позицией автора. Каким образом в новостных материалах проявляется интертекстуальность и связанная с ним прецедентность, какова их роль, что представляют собой межтекстовые включения в новостях – изучение особенностей их реализации и функционирования в новостном жанре интернет-СМИ является предметом данной статьи.

Интертекстуальность считается базовым принципом медиатекста, поскольку для него характерна принципиальная открытость. Несмотря на то, что интертекстуальность не является открытием постструктуралистов, именно эстетика постмодернизма с идеей смерти автора, игрой, плюрализмом, фрагментарностью мышления осмыслила теорию интертекстуальности.

Термин «интертекстуальность» появился в 1967 году как обозначение общего свойства текстов, выражающегося в наличии между ними связей, благодаря которым тексты могут ссылаться друг на друга. Автор термина французский ученый, философ Юлия Кристева впервые использовала понятие «интертекстуальность» в своей статье «Бахтин, слово, диалог и роман». Интертекстуальность является сутью концепции, в которой слово рассматривается не как устойчивый смысл, а как «место пересечения текстовых плоскостей, как диалог различных видов письма – самого писателя, получателя (или персонажа) и, наконец, письма, образованного нынешним и предшествующим культурным контекстом» [9, с. 428].

Классическое определение этого понятия дал французский структуралист Ролан Барт: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры представляет собой новую ткань,

сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и так далее – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык» [2, с. 78]. По мысли Ролана Барта, самое главное – это текст, нелинейная цепочка слов, выражающая единственный смысл, автор же перестает быть «демиургом», дающим свое целостное представление о человеке и мире, и становится «скриптором», который фиксирует и организует в рамках основанного на механизмах цитации полилогического интертекста разнородные «голоса». Таким образом, интертекстуальность понимается как «включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменных цитат, аллюзий и реминисценций» [1, с. 356].

Понятие интертекстуальности пересекается с понятием прецедентности. Распространена трактовка Ю. Н. Караулова прецедентного текста как известного для предшествующих и нынешних поколений, а также возобновляемого в дискурсе языковой личности. Очевидно также, что понятие интертекстуальности шире, чем понятие прецедентного текста [8, с. 216]. «Основным различием интертекста и прецедентного феномена можно считать тот факт, что в отличие от интертекста прецедентный феномен может быть реинтерпретирован в рамках определённой культурно-исторической эпохи или вовсе перестать быть актуальным для культурного сознания языковой личности и более не входить в её когнитивную базу. То есть, употреблённый в порождённом тексте ПФ характеризует отдельную языковую личность как принадлежащую к определённому лингвокультурному сообществу и культурной эпохе, в то время как многие другие, принадлежащие к тому же сообществу, могут не расценивать конкретный феномен как прецедентный»¹.

Таким образом, в разное время связи между текстами исследовали лингвисты, философы, литературоведы Ю. Н. Тынянов, В. М. Жирмунский, А. Н. Веселовский, В. В. Виноградов,

¹ Чистякова А. А. Прецедентный феномен как ведущее средство интертекстуальности в англоязычных рэп-текстах // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 4 (40). С. 2. Электронный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pretsedentnyy-fenomen-kak-vedushee-sredstvo-intertekstualnosti-v-angloyazychnyh-rep-tekstah> (дата обращения: 04.05.2024).

Б. М. Эйхенбаум, Ю. Кристева, Р. Барт, Ю. М. Лотман, Б. М. Гаспаров, И. Р. Гальперин, Ю. Н. Караулов, П. Х. Тороп, М. Риффатер, И. П. Смирнов, И. В. Арнольд, Ж. Женетт, У. Эко и др.

Материалы и методы

Выборку данного исследования составили пятнадцать новостных текстов общественно-политической тематики пяти самых цитируемых интернет-СМИ по данным Медиалогии: сайты РБК, Комсомольской правды, Газеты.ру, Ленты.ру, Russian-rt за май 2024 и 2025 гг.¹

В рамках данного исследования применяются функционально-семантический и лексико-стилистический анализ, которые позволяют глубоко изучить структуру текстов и функционирование языковых единиц в контексте их стилистической окраски и прагматической направленности.

Результаты

Новостные тексты, реализующие информационную функцию с помощью сообщений, являются базовыми в системе СМИ. Несмотря на свой относительно небольшой объем, в массиве публицистических текстов в количественном отношении они занимают ведущую позицию: «Новостные тексты составляют важнейшую часть национального культурно-идеологического контекста, являющегося результатом культурно-речевой деятельности того или иного говорящего коллектива» [5, с. 61].

Структурно-композиционная модель новостного текста представлена в виде «перевернутой пирамиды», включающей заголовок, лид (первый абзац), корпус текста (цитата, детали, подробности) и бэкграунд (завершающий блок). Ключевая роль заголовка новостного текста обусловлена его контактной и информативной функциями, акцентирующими внимание целевой аудитории на основном смысле. От заголовка зависит, прочитает ли читатель журналистский материал целиком. Лид, или вводка, новостного текста – это его открывающая часть, которая выполняет функцию

¹ Рейтинг сайтов: новости и СМИ, май 2025 года. Электронный ресурс. URL: <https://www.liveinternet.ru/rating/ru/media/> (дата обращения 11.05.25); Топ-30 самых цитируемых Интернет-ресурсов – апрель 2024. Электронный ресурс. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/13084/#internet> (дата обращения: 04.05.2024).

своеобразной «визитной карточки» новости, давая общее представление о её содержании. Основные элементы лида представляют ответы на следующие вопросы: *что произошло? где? когда? откуда мы это знаем?* В корпус новостного текста часто включаются цитата, подробности и детали описываемого события. Исторический контекст или статистическая информация бэкграунда помогают читателю лучше понять произошедшее, сопоставив с другими событиями.

Одним из самых изученных видов межтекстового взаимодействия в материалах СМИ является цитата. Цитатный материал в медиатекстах предстает в двух качественно различных группах, считают М. Ю. Казак, А. А. Махова.

Первая разновидность связана с тем, что СМИ нацелены на отображение, точнее, преобразование действительности. Журналисты черпают информацию из современной жизни, цитируя речи политиков и общественных деятелей, произнесенных накануне, отсылают к мнениям экспертов и профессионалов, дают отсылки к источникам информации (по словам..., как считает..., по мнению..., говорят..., по непроверенным сведениям... и др.).

Второй интертекстуальный слой в СМИ – это цитаты, обладающие лингвокультурологической ценностью и формирующие образ, оценку. Этот цитатный фонд описывается чаще в таких терминах, как прецедентный текст и прецедентный феномен. Добавим также, что второй тип цитаты «работает» на «содержательно-концептуальную» и подтекстовую информацию, выполняя креативную, экспрессивную, парольную, развлекательную функции в тексте [7, с. 176].

Включение прецедентного феномена в текст С. В. Ильева рассматривает как «языковую игру со свойственной ей экспрессивностью и оценочностью. Экспрессивный эффект значительно усиливается в результате разного рода трансформаций, которые происходят в прецедентных феноменах по воле автора» [6, с. 226].

Предположим, что при характерной специфической объективной модальности новостного текста и его коллективном (корпоративном) авторстве, интертекстуальные отсылки, в том числе прецедентные, могут встречаться во всех структурных частях новостных текстов.

Высокая позиция заголовков журналистских материалов обусловлена их ведущей коммуникативной ролью. Чужие тексты в заголовках новостных текстов вплетаются в двух случаях:

* при ссылке в заголовке на другой источник информации, например: Посол Лейтер: Израиль готовит против Ирана новую операцию; ТАСС: российский коммерческий спутник «Окулус» обойдётся в 1 млрд рублей; Губернатор: в Калужской области сбиты три украинских беспилотника; Хинштейн: в больнице умерла пострадавшая при ударе БПЛА по Суджанскому району (Rt.ru 17.06.2025 г.)

* при выносе в заголовок части фразы из цитаты, например: Вандалы разгромили могилу Фриске в годовщину ее кончины: «Ночью сперли часы»; «Готовятся к эскалации»: США перебрасывают силы из-за конфликта Израиля и Ирана; Прилучный о запрете на въезд в Латвию: «Слава богу, что запретили, а то я уж нервничал» (Лента ру. 17.06.2025 г.)

В новостном тексте Ленты.ру Меган Маркл порадовал скандал из-за ее «похабного» танца слово «похабный» взято из высказывания королевского биографа Колин Кэмпбелл (10.06.2025 г.).

Супругу британского принца Гарри Меган Маркл не смутил скандал, который вызвало в Великобритании ее видео. Об этом сообщает издание Daily Mail.

Поводом для скандала стали кадры, которые Меган опубликовала в день рождения дочери. На них она и принц Гарри танцуют и дурачатся в больничной палате незадолго до родов в 2021 году. В Великобритании видео сочли безвкусным, а ее танец – «похабным». «До такого, как она, опускаются только продажные девки», – заявила королевский биограф Колин Кэмпбелл.

Такой прием, когда слово или словосочетание из яркой цитаты включается в заголовок, используется часто. В тексте происходит смена субъекта речи, «чужое» слово демонстрирует резкую негативную оценку. В заголовке оно используется для повышения «кликабельности» и привлечения внимания целевой аудитории. Отметим, что слово «похабный» в словарях определяется как просторечие [3, XIX, с. 311; 12, с. 853].

Лид новостного текста необходим для быстрого понимания сути новости, поэтому содержит ответы на основные журналистские вопросы. Также в лиде новостного текста необходимо указывать источник информации.

Испания обяжет россиян получать дополнительную визу в некоторых случаях

Гражданам России с 12 июля 2025 года необходимо оформлять транзитную визу (ТАР) для пересадки в международных зонах аэропортов Испании. Об этом сообщает пресс-служба консульства Испании в Москве (РБК.ру, 17.06.2025 г.).

Очевидно, что информационным поводом к написанию данного новостного текста является пресс-служба консульства Испании, поэтому и далее текст строится на основании полученного пресс-релиза.

«С этой даты [12 июля] все владельцы обычных российских паспортов, желающие проехать транзитом через Испанию, должны иметь действующую визу ТАР», – говорится в сообщении.

Новые правила будут действовать в соответствии с п. 2 ст. 3 Визового кодекса Евросоюза, касающегося требования визы для транзита через аэропорт для граждан третьих стран в случае неотложной необходимости (РБК.ру, 17.06.2025 г.).

Примечательно также, что в лид новостного текста встроена гиперссылка на оригинал пресс-релиза на испанском языке. Таким образом редакция СМИ снимает ответственность за публикацию данной новости и повышает ее достоверность.

Цитата в любом материале представляет собой воспроизведение чужих слов, поэтому она считается центральным элементом интертекстуальности. В новостных текстах цитата необязательна, но используется достаточно часто. Рассмотрим типы интертекстуальности в цитатах новостных текстов.

Так, новостной текст Кп.ру Песков прокомментировал сопротивление Венгрии санкциям против России выстроен вокруг цитаты пресс-секретаря президента Российской Федерации (30.05.2024 г). Пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков прокомментировал сопротивление Будапешта анти-российским санкциям и заявил, что это касается будущего ЕС. «Какие могут быть последствия? Это не нам судить. Это касается будущего Европейского Союза», – подчеркнул Песков.

Отметим, что высказывание передается с помощью атрибутивных глаголов прокомментировал, отметил, подчеркнул, заявил. В корпус данного новостного текста включено другое высказывание – министра иностранных дел Венгрии. Косвенное цитирование передается с помощью слов заявил, под-

черкнул, напомнил, добавил. Данные слова и словосочетания считаются речевыми клише или стандартом СМИ, который составляет основу новостных текстов, тогда как комментарий героя материала или заголовок представляет собой единственную возможную экспрессивную составляющую медиатекста. Приведенная цитата относится к первому типу, то есть является оперативной актуальной цитатой, которая подтверждает и расширяет речевое событие.

В новостном тексте РБК В Дептрансе заявили об отсутствии пострадавших при инциденте в метро говорится о приостановленном движении на линии метрополитена Москвы (РБК. 31.05.2024 г.).

Безопасности пассажиров ничего не угрожает, заявил Департамент транспорта Москвы со ссылкой на советника заммэра города по вопросам транспорта, заместителя начальника Московского метрополитена Юлию Темникову.

Поскольку РБК является ежедневной аналитической газетой, которую считают качественным российским СМИ, издание не только пересказывает слова Департамента транспорта Москвы, но и атрибутирует реплику. В данном случае интертекстуальный знак (цитата) наиболее четко передает фрагмент сообщения, выполняя функцию «документирования» авторитетом.

В материале Ленты.ру Захарова высмеяла проблемы США из-за путаницы с Грузией и Джорджией приводится отрывок текста из телеграмм-канала Марии Захаровой, директор ДИП МИД России (Лента.ру. 27.05.2024 г.).

«Губернатор штата Брайан Кемп, видимо, прочитав заявление Госдепа и удивившись, что в его собственной Джорджии процветает "вдохновение Кремлем", решительно берет под козырек и накладывает вето на утвержденный Сенатом штата законопроект об иноагентах. Из-за вето Кемпа законопроект об иноагентах в штате Джорджия так и не был в итоге принят. Получается, демократии нет именно в американской Джорджии, а не в Грузии, и что теперь с собственным позором делать, Вашингтон не понимает. Для Госдепа наступает цугцванг», – говорится в публикации.

Высказывание известного политика в данном случае является ядром новости, то есть оно послужило информационным поводом к написанию заметки. С одной стороны, цитата нуж-

на для подтверждения достоверности текста, причем издание дает гиперссылку на первоисточник. С другой стороны, с цитатой в тексте появляется так называемый «живой голос», причем, текст Марии Захаровой не изменен, хоть и приведен частично. И наконец, в приведенной цитате обнаружен прецедентный текст, такой как *берет под козырек, цугцванг*.

Слово «цугцванг» изначально является шахматным термином, в переносном значении определяется как ситуация, когда любой вариант действий одинаково плох [10, с. 483]. «Брать под козырек» – это разговорное словосочетание, которое означает «приветствовать кого-л., по-военному, приложив руку к козырьку» [11, с. 295]. В цитате звучит как «решительно брать под козырек», то есть решительно приветствовать кого-то, что является стилистической ошибкой, поскольку решительно приветствовать нельзя. Однако она намеренная, показывающая мнение автора по поводу политической несамостоятельности губернатора американского штата. В сочетании с лексикой общественно-политической тематики, а данный текст насыщен национально и культуроспецифическими элементами, такими как Госдеп, Кремль, Грузия, Вашингтон, губернатор штата, в медиатексте достигается сатирический эффект.

В новостном тексте Газеты.ру Журналист Такер Карлсон прокомментировал обвинительный приговор Трампу речь идет о сообщении известного журналиста об уголовном деле бывшего президента Америки в социальных сетях (Газета.ру. 31.05.2024г). «Это не остановит Трампа, он победит на выборах, если не будет убит до этого», – сообщил Карлсон. Он назвал случившееся «концом самой справедливой системы правосудия в мире». Журналист предупредил подписчиков, что любой человек, который будет оправдывать этот приговор, является «угрозой для вас и вашей семьи». Такая цитата формирует оценку, выполняя экспрессивную функцию, поскольку из контекста понятно, что автор поддерживает Трампа. Текст усиливает фотография со встречи Карлсона и Трампа, на которой читатель может их дружественные отношения, поскольку они стоят близко друг к другу, Трамп всем корпусом повернут в сторону Карлсона, при этом журналист смеется. Комплексный анализ поликодового новостного текста демонстрирует его эмоциональность и оценочность. Таким

образом, интертекстуальность реализуется здесь с помощью содержательно-концептуальной информации.

Рассмотрим новостной текст RT Путин высказался о случае с изъятием детей из-за неработающей печки (RT. 31.05.2024 г.).

Об этом случае он узнал во время беседы с уполномоченной по правам ребёнка Марией Львовой-Беловой. Детский омбудсмен рассказала российскому лидеру, что узнала об этой ситуации во время поездки по России. Она уже вмешалась – и детей вернули матери, а печку починили. Путин, услышав эту историю, подверг критике действия местных властей. «Это же не шутки, это безобразие... Учреждения должны были обратиться в местные органы власти, и те должны были отреагировать, а не детей забирать», – цитирует его РИА Новости.

Цитата президента приводится здесь с ссылкой на известное информационное агентство, она выполняет одновременно роль авторитетной, оценочной, а также реализует функцию пиар-продвижения, так как формирует общественное мнение.

И наконец, в завершающем блоке новостных текстов, бэкграунде используются интертекстуальные отсылки к ранее опубликованным материалам. Например, в новостном тексте В Ивановской области изъяли поддельные сигареты на 73 млн рублей (Rt.ru. 17.06.2025 г.).

Ранее стало известно, что в российских регионах за последние два с половиной месяца ликвидированы минимум три крупные подпольные табачные фабрики. Данная ретроспекция необходима для понимания общего контекста новости, а также ради прагматических целей редакционной политики, направленных на привлечение и удержание внимания целевой аудитории. Обращение к предшествующей содержательно-фактуальной информации обогащает новостной текст, способствуя формированию целостной картины мира в сознании читателя.

Проведенный анализ показывает, что интертекстуальность представлена во всех структурных частях новостных текстов, от заголовка до бэкграунда. В качестве источника информации в заголовке новостного текста интертекстуальные отсылки указывают на то, что весь текст «чужой», то есть новость не является оригинальной. Именно поэтому важен первоначальный источник информации, он выполняет

верифицирующую роль. В случае выноса части цитаты, чаще всего оценочной, в заголовок новостного текста редакция СМИ преследует цели привлечения читателя.

Интертекстуальная отсылка в лиде новостного текста документирует информационный повод авторитетом, добавляет материалу достоверности и весомости. В цитате интертекстуальные отсылки также выполняют верифицирующую функцию, оценочную роль, пиар-продвижения. В завершающем блоке новостного текста интертекстуальность необходима для понимания общего контекста. Добавим, что, в отличие от внешних отсылок в заголовке или лиде новостного текста, в бэкграунде используются внутренние ссылки на ранее опубликованное в СМИ.

Технологически интертекстуальность реализуется в канве материала с помощью внешних гиперссылок (ссылка на источник) и внутренних гиперссылок (на ранее опубликованное на ресурсе), совпадая в понятиях «интертекстуальности» и «гипертекстуальности». Энциклопедический словарь-справочник определяет термин «гипертекст» как «[п]ринцип организации информационно-поисковых массивов, при котором отдельные информационные элементы (в том числе документографические, фактографические, полнотекстовые, графические и др.) связаны между собой ассоциативными отношениями, обеспечивающими быстрый поиск необходимой информации и/или просмотр данных, взаимосвязанных указанными отношениями» [4, с. 38]. Следовательно, можно утверждать, что гипертекст – это всегда интертекст в широком смысле, но интертекст не всегда является гипертекстом.

Обсуждение и выводы

Таким образом, интертекстуальность реализуется во всех структурно-функциональных частях новостных текстов. Цитаты в новостных текстах представлены в двух интертекстуальных знаках, оперативных и фоновых. Очевидно, что в информационном потоке СМИ массовая доля актуальных цитат гораздо больше фоновых, поскольку центральным прототипом журналистской системы является передача информации о текущих событиях. Таким образом, оперативные цитаты служат для достоверности информации. Фоновые

интертекстуальные знаки – открыто оценочные, они воздействуют напрямую, формируя общественное мнение.

Не ставя перед собой задачу анализа количественного распределения субстандартной лексики в новостных медиатекстах, тем не менее фиксируем факт ее присутствия в данной лингвистической среде.

Примечательно также, что сегодняшняя медиасфера демонстрирует поворот к субъективной журналистике, в связи с открытым авторством, доступным любому пользователю интернета. Цитат, живых голосов, мнений так много, что они включаются в такие строгие стилистически нейтральные жанры, как новостные тексты. Однако во всех случаях происходит смена субъекта речи, с журналиста или редакции на другого автора. Заметим также, что источником цитат все чаще являются сообщения известных политиков, артистов и компаний из социальных сетей и мессенджеров.

Для особого типа медиатекста, такого как новостной, ведущими функциями интертекстуальных отсылок являются достоверность и оценочность. Таким образом, новостной текст в контексте интертекстуальности можно рассматривать как сложную систему интертекстуальных связей.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Объективность, субъективность и предвзятость в интерпретации художественного текста // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сб. статей. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 444 с.
2. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр. сост., общ. ред. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1978. – 616 с.
3. Большой академический словарь русского языка: в 24 т. / гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. – СПб., М.: Наука, 2004–2017.
4. Воройский Ф. С. Информатика. Энциклопедический словарь-справочник: введение в современные информационные и телекоммуникационные технологии в терминах и фактах. – М.: Физматлит, 2006. – 768 с.
5. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: Системный подход к изучению языка СМИ: Современная английская медиаречь. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 263 с. EDN: QTPFSV
6. Ильясова С. В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы: монография. – 5-е изд. – М.: Флинта, 2015. – 294 с.
7. Казак М. Ю., Махова А. А. Медиатексты в аспекте теории интертекстуальности и прецедентности // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2011. – № 24(119). – Вып.12. – С. 175–182. EDN: TELEPV
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – 7-е изд. – М.: ЛКИ, 2010. – 264 с.
9. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // От структурализма к постструктурализму: французская семиотика. – М.: Прогресс-Культура, 2000. – С. 427–457.

10. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов свыше 25000 слов и словосочетаний / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М.: Эксмо, 2010. – 939 с.
11. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 784 с.
12. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 100000 слов / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М.: Изд-во АСТ: Мир и образование, 2018. – 1360 с.

Lada Kudrina

The Intertextuality of Online Media News Texts

The research is devoted to the phenomenon of intertextuality, the article focuses on the intertextuality of a special type of media text – the news text of electronic media. The author proves that intertextual connections are realized in all structural parts of the news text, from the title to the final block. As a result of the work, it was also revealed that intertextual interactions through quotations, references to other sources, mentions of events or heroes of previous publications serve not only for the reliability and interpretation of texts, but also fulfill the pragmatic tasks of media editorials. The author also examines the intersection of the concepts of "intertextuality", "precedent" and "hypertextuality". The study of the features of the implementation and functioning of electronic media in the news text allows us to identify the mechanisms of information reality formation and the peculiarities of the perception of news by the modern reader. Thus, it was proved that even such a short form of journalistic material as a news text is a complex multi-layered phenomenon of intertextual interactions.

Key words: news text, intertextuality, precedent, hypertextuality, media text.

For citation: Kudrina, L. V. (2025) *Intertekstual'nost' novostnykh tekstov internet-SMI [The Intertextuality of Online Media News Texts]*. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 149–162. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2025_3_149. EDN: NZZKRU

References

1. Arnol'd, I. V. (1999) *Ob"ektivnost', sub"ektivnost' i predvzyatost' v interpretacii hudozhestvennogo teksta [Objectivity, subjectivity and bias in the interpretation of literary text]. Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost' Sbornik statej [Semantics. Stylistics. Intertextuality: Collection of articles]*. St. Petersburg: SPbGU Publ. (In Russian).
2. Bart, R. (1978) *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika [Selected works. Semiotics. Poetics]*. Moscow: Progress Publ. (In Russian).
3. Gorbachevich, K. S., Gerd, A. S. (2004–2017) (eds.). *Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo jazyka: v 24 t. [The large academic dictionary of the Russian language. In 24 vols]*. St. Petersburg, Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
4. Vorobjov, F. S. (2006) *Informatika. Enciklopedicheskij slovar'-spravochnik: vvedenie v sovremennye informacionnye i telekommunikacionnye tekhnologii v terminah i faktah [Computer science. Encyclopedic Reference Dictionary: an introduction to modern information and telecommunication technologies in terms and facts]*. Moscow: Fizmatlit Publ. (In Russian).
5. Dobrosklonskaya, T. G. (2008) *Medialingvistika: Sistemnyj podhod k izucheniyu yazyka SMI: Sovremennaya anglijskaya mediarech'. [Media Linguistics: A systematic approach to learning the language of mass media: Modern English media studies]*. Moscow: Flint: Nauka Publ. (In Russian). EDN: QTPFSV
6. Il'yasova, S. V. (2015) *Yazykovaya igra v kommunikativnom prostranstve SMI i reklamy [Language game in the communicative space of mass media and advertising]*. Moscow: Flinta Publ. (In Russian).
7. Kazak, M. YU., Mahova, A. A. (2011) *Mediateksty v aspekte teorii intertekstual'nosti i precedentnosti [Media texts in the aspect of the theory of intertextuality and precedent]*

Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Gumanitarnye nauki – Scientific Bulletin of BelSU. Ser. Humanities. No. 24 (119). Pp. 175–182. (In Russian). EDN: TELEPV

8. Karaulov, YU. N. (2010) *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality] Moscow: LKI Publishing House. (In Russian).

9. Kristeva, YU. (2000) *Bahtin, slovo, dialog i roman* [Bakhtin, the word, the dialogue is not a novel]. *Ot strukturalizma k poststrukturalizmu: Francuzskaya semiotika* [From Structuralism to Poststructuralism: French Semiotics]. Moscow: Progress-Culture Publ. Pp. 427–457. (In Russian).

10. Krysin, L. P. (2010) *Tolkovyj slovar' inoyazychnyh slov svyshe 25000 slov i slovosochetaniy* [Explanatory dictionary of foreign words over 25,000 words and phrases]. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian).

11. Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2007) *Bol'shoj slovar' russkikh pogovorok* [The Big dictionary of Russian sayings]. Moscow: OLMA Media Group Publ. (In Russian).

12. Ozhegov, S. I. (2018) *Slovar' russkogo jazyka: Ok. 100000 slov. prof. L. I. Skvortsova ed.* [Dictionary of the Russian language Moscow]. AST: Peace and education Publ. (In Russian).

Об авторе

Кудрина Лада Владимировна, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, кандидат филологических наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: gorodkommunar@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-6717-5057

About the Author

Lada Kudrina, Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, PhD in Philology (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: gorodkommunar@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-6717-5057

дата получения: 07.07.2025 г.

дата принятия: 30.07.2025 г.

дата публикации: 30.09.2025 г.

date of receiving: 07 July 2025

date of acceptance: 30 July 2025

date of publication: 30 September 2025

Т. Л. Шапошникова, О. А. Гордиенко, И. В. Рус-Брюшнина

Учебные пособия по русской литературе для иностранных студентов Кубани с лингвоконцептологических позиций

Ценностный контекст обучения иностранных студентов нефилологических специальностей владению русским языком предполагает использование лингвокультурного и лингвоаксиологического анализа литературных текстов, что способствует знакомству обучающихся с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями, отражёнными в подборках произведений русской литературы, изданной нами для иностранных студентов. Задания пособий предполагают проведение учебной работы по соотношению ценностных полей национальной культуры студентов и русской культуры с использованием ценностно ориентированных концептов. Концептуальный анализ позволяет выстроить параллели между духовными интересами писателей России и стран студентов, что даёт возможность иностранным студентам самостоятельно привлечь к анализу и сравнению известные им произведения родной литературы и классической мировой литературы в ходе изучения произведений русской литературы. Использование лингвоконцептуального подхода позволяет рассматривать концепты на уровне их ядерного пласта и этноспецифической периферии, способствуя межнациональной толерантности при работе по пособиям.

Ключевые слова: русская литература, иностранные студенты, лингвоаксиология, лингвоконцептология, традиционные российские духовно-нравственные ценности.

Для цитирования: Шапошникова Т. Л., Гордиенко О. А., Рус-Брюшнина И. В. Учебные пособия по русской литературе для иностранных студентов Кубани с лингвоконцептологических позиций // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 3. – С. 163–182. DOI: 10.35231/25419803_2025_3_163. EDN: OIPISD

Благодарности: Министерству просвещения РФ за поддержку проектов № 1642, 2019 и № 073-15-2020-2639, 2020.

Цель лингвоконцептологии, отрасли языкознания, изучающей культурные концепты, – «установление единой универсальной системы лингвоконцептов через изучение отдельных концептов и отдельных национальных концептосфер и их последующее сопоставление» [6, с. 227]. Совокупность концептов (концептосфера) даёт представление о «миропонимании носителя языка» [24, с. 34]. Концепт может

рассматриваться как при сравнении языков, так и в рамках одной культуры [8], что даёт возможность обращаться к концептам в преподавании иностранцам русского языка и русской литературы непосредственно на русском языке. Это позволяет студентам переключаться со способа мышления на родном языке и перевода на русский язык на способ мышления на русском языке с использованием лексико-грамматических опор, предлагаемых преподавателем и заложенных в формате языковой и зрительной наглядности в специальных аксиологически ориентированных учебниках по русской литературе.

Аксиология, изучающая мир ценностей, который связан с национальными и терминальными (общими, межнациональными) культурными установками (идеалами и образцами для подражания), определённым образом соотносится с теорией концептов, поскольку человек не сможет составить картину мира, не пользуясь оценочными суждениями, не руководствуясь в выборе оценки национальным образцом и во многом ориентированным на него личным впечатлением. Познание иностранцем русскоязычного мира и формирование картины этого мира будет концептуально обусловлено на уровне ценностных соотношений понятий и представлений двух картин мира. Причём национальная картина мира доминирует (является ядерной), а русскоязычная картина мира (не обусловленная исторической памятью социума) будет периферийной. Переход к «состоянию» билингва, форме его мышления потребует соотношения базовых лингвоконцептов, поэтому аксиологическая педагогика ориентируется не на сюжетную канву литературных произведений при их изучении, а на концептуальный ценностный подход. В этом мы видим связь концептуальной лингвистики и лингвоаксиологии в решении практических задач аксиологической педагогики.

Лингвоконцептология, изучая культурные концепты на уровне этнического менталитета, обращает внимание на когнитивные и поведенческие групповые стереотипы в национальных языках, причём реализуются логический подход (исконные универсальные концепты), семантико-когнитивный (способ представления знаний при движении от семантики к концептосфере, от восприятия информации к её переработке и хранению), когнитивно-дискурсивный

(учёт социального контекста ситуации, фоновых знаний коммуникаторов, видов дискурса: научного, политического, педагогического), лингвокультурологический (использует все возможные подходы к анализу языкового материала: философский, исторический, политологический и др.), а также лингвоксиологический (С. Г. Воркачёв [5], В. И. Карасик [18]).

На рубеже веков концепт в лингвистике рассматривали такие известнейшие российские исследователи, как В. А. Маслова [24], Д. С. Лихачёв [23], И. А. Стернин, З. Д. Попова [26], Е. С. Кубрякова [22], Ю. С. Степанов [30], В. И. Карасик [17; 19], Г. Г. Слышкин [18], С. Г. Воркачёв [6; 7–8], Н. Л. Мишатина [25] и др. Разработкой данной тематики занималось столь большое количество лингвистов, что это позволило составить антологию концептов в первой четверти XXI века [2; 17].

В настоящее время активно продолжается разработка теории концепта¹ [5; 7], а также получил развитие аксиологический подход к концепту, поскольку «любой концепт как отражение факта культуры в общественном сознании уже «по умолчанию» представляет собой определенную ценность – иначе бы он не стал «сгустком смысла», зафиксированным в коллективной памяти» [6, с. 225]. Аксиологический подход можно найти у ведущих лингвистов страны: Н. Д. Арутюновой [3], которая выделяла ценностную составляющую лингвокультурного концепта, считая её неразрывной с этической, эстетической и др. характеристиками концепта [3, с. 198–199], И. В. Карасика, который отмечал ценностное содержание лингвокультурных концептов [18, с. 7], С. Г. Воркачёва, относящего аксиологическую составляющую к семантической структуре лингвоконцептов [6, с. 25] и выделяющего лингвоконцепт как «вербализованный культурный смысл», что позволяет индивиду давать ещё и «собственную оценку какой-либо общезначимой ценности» [5, с. 15–16], а также в аксиологической педагогике (в данном случае в ценностной направленности обучения иностранных студентов в России)²

¹ Воркачёв С. Г. Метафорика символа: косвенная речь сознания // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2024. № 4. С. 35–45. Электронный ресурс. URL: <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-4-35-45> (дата обращения: 01.05.2025). EDN: XHRLNL (дата обращения: 01.07.2025).

² Рус-Брюшнина И. В., Гордиенко О. А. Реализация ценностного содержания концептов при изучении литературы с иностранными студентами // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 3. С. 95. Электронный ресурс. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=27591> (дата обращения: 17.05.2025). EDN: UOZFKN

[11–15; 36–37; 39] на основе специально созданных нами для этой цели учебных пособий [19–20; 29].

Таким образом, цель исследования заключается в определении лингвоконцептологических позиций специально подготовленных нами аксиологически ориентированных учебных пособий по русской литературе для иностранных студентов, что позволяет на базе литературно-художественных текстов, содержащих базовые национальные ценности русского народа, построить аксиологически направленную учебную работу с иностранными студентами, результатом которой явится ценностная социализация иностранцев в России.

Объектом рассмотрения являются аксиологически значимые концепты как единицы языковой картины мира россиян, предметом рассмотрения – лингвоконцепты языковой картины мира россиян, проявленные в литературно-художественных произведениях русских писателей и требующие соотношения по своим ядерным и периферийным единицам с лингвоконцептами национальных картин мира иностранных студентов.

Задачи исследования: выявить и описать лингвокультурные концепты в подготовленной выборке художественных текстов аксиологической тематики для иностранных студентов; проанализировать в языковом плане созданную аксиологически направленную подборку литературно-художественных текстов, реализующих терминальные (главные общечеловеческие) ценности, в целях лингвоконцептуального анализа их в иностранной аудитории; актуализировать основополагающие ценности национальных культур в сознании их носителей (иностранных студентов) в ходе изучения ценностно ориентированных произведений русской литературы, чтобы на этой основе выявить их соответствие российским основополагающим культурным ценностям путём создания обобщенного семантического прототипа терминального концепта-ценности; разработать формат дискурсов, позволяющих иностранным студентам на основе «аксиогенных ситуаций» [18, с. 8–9], с которыми они ознакомились в процессе прочтения литературно-художественных произведений, моделировать оценочные суждения с использованием предъявленных им русскоязычных языковых единиц, которые реализуют в своей семантиче-

ской структуре ядерные элементы концептуального значения; путём выстраивания работы с аксиологически ориентированными концептами сформировать высокую культуру межнационального общения на основе толерантного подхода к менталитету различных народов как «набору специфических когнитивных, эмотивных и поведенческих стереотипов нации» [8, с. 8], проявленных в периферических этноспецифических слагаемых лингвоконцепта.

Гипотеза исследования: если посредством лингвокультурологического подхода к анализу базовых лингвоконцептов, содержащихся в текстах русской художественной литературы, актуализировать ценности национальных культур в сознании их носителей, то на этой основе можно выявить их соответствие российским культурным ценностям в ядерных единицах лингвоконцептов и выстроить метааксиологическую работу, при которой познающий субъект «даёт собственную оценку какой-либо общезначимой ценности» [5, с. 15], демонстрируя тем самым формирование соотносимых в языковом и ценностном плане лингвоконцептов российской и национальной картин мира.

Материалы и методы

Основным в исследовании является *лингвокультурологический* подход к культурным концептам с учётом этнического менталитета иностранных студентов, знакомящихся с русской литературой, который позволяет использовать все возможные подходы к анализу языкового материала: философский, исторический, социологический и др. – при движении от семантики отдельных единиц языка, представленных в русскоязычном литературно-художественном тексте, к концепту.

Используется также *метод семантико-когнитивного анализа*, который позволяет провести когнитивную интерпретацию терминального концепта в текстах из произведений русской художественной литературы, *метод лингвокогнитивной концептологии*, заключающийся в моделировании лингвистическими средствами концептов как единиц русского национального когнитивного сознания, национальной концептосферы и национальной культуры, *метод моделирования содержания исследуемого концепта* как глобальной мен-

тальной (мыслительной) единицы в её национальном, а также историческом, социальном, возрастном, гендерном, территориальном своеобразии. Также используется описательно-аналитический метод, позволяющий выделить аксиогенные ситуации в литературно-художественном тексте, необходимые для выявления лингвоконцепта; индуктивно-дедуктивный метод, позволяющий определить ядерные и периферийные единицы, слагающие аксиологически значимые концепты.

Материалом исследования выступают учебные пособия лингвокраеведческой направленности по русской литературе, созданные для иностранных студентов Кубанского государственного технологического университета и построенные с учётом терминальных концептуальных ценностей русского народа. Они охватывают творчество А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, связанное с Северным Кавказом и Кубанью [29], литературу конца XIX – начала XX века, связанную с деятельностью народников и Гражданской войной на Кубани [21], и русскую литературу Серебряного века, а также русского зарубежья, навеянную воспоминаниями о событиях Гражданской войны на Кубани [20]. Эти исторические периоды наиболее богаты аксиологически ёмкими сюжетами, «аксиогенными ситуациями», демонстрирующими «ценностно насыщенные фрагменты реальности», зафиксированные в «коммуникативном пространстве» [18, с. 5], и связанными с его осмыслением.

Результаты

Сама идея концепта пришла из античной философии, от эйдосов Платона [16], и заинтересовала лингвистов 90-х годов XX века тем, что представление о какой-то определённой единице наблюдаемой действительности может (по Платону) выражаться как в научном понятии о ней (логической категории, терминированной средствами языка), так и в исторически сложившемся национальном (донаучном) представлении об этой единице наблюдаемой действительности (вне терминологического подхода к её сущности). Кроме того, в процессе понятийной деятельности индивидуума фиксируется несколько разное представление об этой единице действительности в межпоколенческих (возрастных) группах,

гендерных и социальных группах, причём данное представление будет изменяться во временном континууме, что связано с изменением деятельности человека.

Этот феномен, как мы сегодня видим, отражается также в чётком следовании коммуникатора законам разных жанрово-стилевых аспектов дискурса при порождении речи, когда он вкладывает в текст только какую-то часть личного и общего концептуально знания, требуемую по условиям конкретного дискурса, как итог реализации определённого концепта.

Таким образом, раз у человека есть потребность управлять в своей речевой деятельности культурно обусловленными мыслительными категориями, то у него есть и потребность их организовывать и оптимальным образом обучаться ими пользоваться. Это позволило нам прийти к выводу об использовании лингвоконцепта в обучении, поскольку понятие «контент культуры» – наиболее удобная единица, маркирующая понимание / непонимание высказывания в процессе межличностного общения людей с разной знаниевой базой как внутри одного языкового социума, так и при межнациональных контактах.

Мы подходим к теории эйдосов Платона и теории современных лингвоконцептов с позиции аксиологической педагогики. Такой подход позволяет рассмотреть эйдос (по Платону) в одном из его проявлений – в варианте эталона, познаваемого разумом высшей реальности. Эталон воспринимается через чувства, способные изменяться (извечные идеи «красота» и «добро», например, будут различаться у народов и индивидов). Временной континуум естественным образом уничтожает сам предмет, породивший образ тех же «красоты» и «добра» (скульптура, книга, деяние прекращают своё существование в этом мире), но сама идея остаётся, сохраняется и переносится на подобную вещь или деяние, имеющее сходные характеристики (если быть точным, у Платона идея существует вне земной жизни и только «припоминается» в ней), станет «экономом» – «отражением вещи», как бы художественным образом [16, с. 36–37]. Теория обучения как раз и предполагает перенесение знаний из одной хорошо изученной области (в данном случае родного языка) на другую, изучаемую в настоящее время. Знакомя иностранцев с каким-то отвлечённым поня-

тием (чаще философского плана) в процессе изучения русско-го языка, преподаватель имеет дело с феноменом «эйкона» и должен через его посредство и специально организованную систему обучения дать возможность обучающемуся сравнить концепт-эталон родного языка с концептом-эталонном изучаемого (в данном случае русского) языка.

Именно сам принцип неполного соответствия национальной концептуальной идеи и представления о ней в другой культуре как раз и породил широкое изучение концептов на межъязыковом уровне, гендерном, межпоколенческом, жанрово-стилистическом, а также позволил рассматривать их в лингвистическом, социальном, педагогическом планах и в наиболее близком нам плане аксиологической педагогики.

Рассмотрим историю вопроса в формате сложившейся системы взглядов предшествующих исследователей уже не столь отдалённого от нас времени. Под концептом на межъязыковом уровне понимается лингвокультурная единица, формирующая «языковую картину мира данного народа» [1, с. 136], «сгусток культуры в сознании человека» [30, с. 40], «культурно отмеченный вербализованный смысл ... лексико-семантической парадигмы» [8, с. 36], «национально маркированный образ культуры, имеющий языковое выражение в виде слова, словосочетания, предложения и передающий некоторое лингвокультурологическое содержание, являющееся существенным для понимания национальных особенностей носителя языка» [1, с. 136].

Аксиологический подход дал возможность использовать созданную в ходе активного развития лингвоконцептологии базу концептов [17] в практике преподавания иностранных языков (в частности русского языка как иностранного) в целях формирования представления о единой парадигме базовых, терминальных (общечеловеческих) ценностных ориентаций у изучающих русский язык в многонациональной учебной группе студентов, приезжающих из стран с тропическим, жарким климатом: из арабских стран, Индии, стран Африки, которые традиционно выбирают юг России для получения высшего образования.

Социализация этих студентов на культурно-территориальном пространстве России затруднена по причине их принад-

лежности к различным исторически сложившимся духовно-религиозным направлениям (исламу, индуизму, буддизму, пантеону африканских божеств). Культурно-исторические установки народов всегда связаны с традиционной духовно-религиозной направленностью государств, от которой зависит национальный воспитательный идеал. Естественное ценностное различие малых социальных групп общества осложняется духовно-религиозными различиями. Поэтому при изучении русского языка в многонациональной группе иностранных студентов требуется установка на межнациональную толерантность, которая формируется различными способами, в том числе и путём знакомства с художественной литературой народа изучаемого языка (русского), что позволяет рассмотреть в учебной группе культуру и менталитет россиян с позиций разных национальных общностей и этнических культур. В этом случае на первый план выступают базовые национальные ценности этнических культур, то есть процесс обучения движется не в направлении выявления различий, а исходит от общности терминальных ценностей. В основу аксиологически ориентированного изучения русской литературы положена способность человека, о которой говорил ещё Эпикур, сопоставлять, сравнивать отвлечённые идеи и переносить их на новые виды реальности. Иными словами, необходимо изначально актуализировать терминальные концепты-ценности в национальном сознании иностранного студента как «высшие ориентиры» и национальные «коммуникативные модели поведения ... языковой личности в контексте культуры» [18, с. 4], в данном случае национальной культуры иностранных студентов. Так как культура – это «совокупность концептов и отношений между ними», как указывает Ю. С. Степанов [30, с. 40], то концептами при таком подходе выступают «универсалии», абстрактные понятия, которые являются базовыми единицами картины мира, обладающими важной значимостью для лингвокультурного общества» (Т. Ю. Тамерьян)¹, к которому принадлежат иностранные студенты. Далее проводятся исследования средствами концептуальной лингвистики и аксиологической

¹ Тамерьян Т. Ю. Языковая модель поликультурного мира: интерлингвокультурный аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Нальчик, 2004. С. 35. EDN: ZMXRIT

лингвистики, позволяющие описать способы мировосприятия русского человека путём анализа аксиогенных ситуаций, представленных в литературно-художественном тексте, дать лингвистическое наполнение избранного концепта средствами русского языка. Теоретически это можно представить следующим образом, используя классификацию Т. Б. Радбиля [27–28], предлагающего рассматривать концепты в зависимости от отражения ими ценностного содержания (понятие, прототип, схема, сценарий, фрейм, гештальт) [28, с. 234]. Лингвоконцепт представляется учебной единицей, функционирующей в ходе знакомства с литературно-художественным произведением при осознании общих ядерных и этноспецифических (периферических) коннотаций.

После актуализации национального концепта за счёт аксиогенной ситуации студентам предлагается ранжировать содержание концепта средствами своей национальной культуры и выяснить, насколько оценка ситуации в национальной культуре идентична её оценке в русской культурной традиции, а также сравнить ядерный (общий) и периферийный (национальный) пласт концепта. Затем сравниваются культурные особенности жизни России в связи с рассматриваемой аксиогенной ситуацией: исторические, социальные (межпоколенческие, гендерные и др. групповые поведенческие традиции). После этого можно сопоставить два этноспецифических концепта: российский и личный студенческий, реализуемый в его картине мира. Такой подход С. Г. Воркачёв называет «метааксиологическим», т. е. «оценкой оценки», когда поверх «общезначимой ценности» накладывается субъективная оценка носителя языка [5, с. 15].

Изначально при составлении антологии концептов лингвистами избирались те отвлечённые понятия-представления, которые в наибольшей степени характеризуют базовые национальные ценности народов мира. Концептологи, приступившие к этим исследованиям, выступали в качестве экспертов, которые должны были сравнить семы языковых реализаций прототипической понятийной основы языков и выделять общее и различное. Практически такую же процедуру самостоятельно совершает каждый человек, изучающий иностранный язык (в том числе и иностранный студент,

изучающий русский язык), надо только создать для него условия, которые позволят оптимально точно проделать эту процедуру, предложив литературно-художественные тексты, реализующие ядерный пласт лингвоконцепта уровня базовой межнациональной ценности (приоритетной нравственной установки: морально-этической, семейной, межпоколенческой, гендерной и пр.) с периферическим этноспецифическим пластом, что вызовет желание сравнить концепты и верно реализовать в ситуации общения на русском языке российский вариант лингвоконцепта.

В связи с тем, что в предлагаемых текстах содержатся терминальные ценности, реализуемые в русскоязычных лингвоконцептах, анализ таких текстов в многонациональной учебной группе позволяет положительно оценить традиционные морально-нравственные ценности россиян и в результате сформировать межнациональную толерантность, которая позволит успешно изучить иностранный язык. Задача преподавателя при этом сводится к выстраиванию методически верной работы с текстовыми материалами, которая позволяет выделить и рассмотреть избранный для анализа лингвоконцепт.

Деятельность студента-иностранца будет идти по пути выявления межнациональной ценности ядерного пласта концепта, например, «любви» в сочетании с его национально обусловленным содержанием, что проявится в актуализации «лингвокультурной этносемантической специфики», которая будет зависеть непосредственно от «менталитета национальной языковой личности» студента и от его личной «ментальности носителя языка» [8, с. 36–37].

Приведём в качестве примера аксиогенную ситуацию знакомства Лизы Муромской с Алексеем Берестовым («Барышня-крестьянка» А. С. Пушкина). Знакомство героини, построенное на мистификации, вызывает культурный шок у аспирантов из арабских стран, Индии и отчасти Африки, поскольку женщина-мистификатор в этих странах не может выступать в произведении как положительный герой. Если предварительно не давать историко-культурный комментарий, не рассматривать социальные отношения и заложенный автором и последовательно реализуемый комизм ситуации, а перед этим не обратиться к анализу терминаль-

ных концептов-ценностей «любовь», «влюблённость», «розыгрыш» в национальных языках членов учебной группы и в русском языке, то есть не реализовать наполнение концепта периферическим этноспецифическим пластом, где розыгрыш рассматривается не как формат обмана в целях наживы, а в анекдотичном варианте, то картина мира русского человека вызовет полное отторжение.

Выявленный в картине мира русского человека периферический пласт концепта надо затем наполнить лексико-грамматическим содержанием, чтобы он был успешно усвоен в дискурсе, сначала при чтении, а затем в игровых заданиях.

Последующий анализ дискурса позволяет проанализировать семантический и грамматический формат привлечённых лингвоконцептов, выявить аксиологическую картину мира русских людей XIX века, стоящих на разных ступенях социальной лестницы, но духовно схожих.

Семантические единицы розыгрыша и шутки практически не представлены в ядерных и периферических элементах концепта «мистификация» в национальной картине речи иностранных студентов, поэтому постоянную трудность вызывают литературные мистификации поэтессы Е. И. Васильевой, автора пьес для детей, сотрудничавшей с С. Я. Маршаком в детских театрах сначала на юге России, а затем в Москве. Её лёгкие для понимания стихи прекрасно демонстрируют мимические особенности передачи чувств при помощи палитры языковой картины мира русского человека, находят соответствия в языковых картинах мира иностранных студентов, но её уникальное умение заниматься литературными мистификациями понимания не находит. Это пример того, что рассматриваемый концепт не входит в число основных терминальных при освоении картины мира.

На первом месте по значимости ценностного содержания в языковой картине мира стоят аксиологически ёмкие концепты «материнская любовь», «жертвенность», «семейное счастье», «ложь во спасение», представленные в рассказе «Приёмыш» В. Г. Короленко. Эти терминальные концепты-ценности интересны тем, что частично разнятся своим периферическим национальным наполнением как в национальных культурах студентов, так и в индивидуальном сознании каждого из них,

зависящем от личностного опыта и гендерной принадлежности. Но общий результат работы с этими концептами в иностранной аудитории – создание представления о менталитете и духовной красоте русского крестьянина XIX века на основе анализа выборки мелиоративной лексики в дискурсе, лексико-грамматического описания портретов героев, трактовки их поступков, авторской вкрадчивой манеры повествования и предоставляемой автором возможности читателю самостоятельно подойти к оценке разворачивающихся бытовых аксиогенных ситуаций или присоединиться к той оценке, которую даёт событиям каждый из действующих лиц, различающихся в социальном, гендерном и возрастном планах. Названные концепты следует признать поистине национальными культурными единицами, характеризующими картину мира русского человека, поскольку они позволяют нам «сказать о данной культуре что-то существенное и самобытное» [4, с. 35].

Обсуждение и выводы

Логический и лингвоаксиологический анализ ценностей («концентраторов культуры» [18, с. 7]) средствами концептуальной лингвистики и аксиологической лингвистики предполагает работу с лингвоконцептами при изучении русского языка как иностранного при обращении внимания на картину мира (русского человека и людей иных национальностей).

На протяжении ряда лет нами выделялись и описывались лингвоконцепты русской литературы для задач обучения иностранных студентов. Они достаточно широко представлены в наших публикациях, поэтому здесь ограничимся только перечислением отдельных работ¹ [9–10; 31; 33].

Лингвоконцептуальный подход к знакомству с русской литературой иностранных студентов нефилологических профилей обучения отличается от классического подхода, предполагающего ответы на вопросы по содержанию литературно-художественного текста, от пересказа текста от имени разных персонажей. В основе лингвоконцептуаль-

¹ Гордиенко О. А., Зиньковская В. Е. Концепт «война» в литературе XIX века (на материалах Кавказской войны) // Концепт. 2015. № 08 (август). ART 15258. Электронный ресурс. URL: <http://e-koncept.ru/2015/15258.htm> (дата обращения: 01.05.2025); Гордиенко О. А. Картина мира глазами А. С. Пушкина (на материале использования рисунков поэта при изучении его творчества иностранными студентами) // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГУ». 2016. № 8. С. 288–297. Электронный ресурс. URL: <http://ntk.kubstu.ru/file/1098>. EDN: WISSAN (дата обращения: 01.07.2025).

ного подхода лежат постулаты аксиологической педагогики, которая призвана осуществлять обучение с ориентацией на ценностные характеристики изучаемых объектов действительности, что соответствует пониманию одного из аспектов концепта, который отражает, кроме прочего, ценностные характеристики знаний о мире и позволяет использовать концепты как базовые и этноспецифические ориентиры поступков. Ценностно ориентированные тексты русской национальной художественной литературы помогают при обучении русскому языку как иностранному в формировании аксиологического представления о картине мира жителей России путём сопоставления терминальных ценностей на уровне ядерного пласта концепта и его этноспецифической периферии.

Цель создания инновационных учебных пособий по русской литературе для иностранных студентов Кубани заключается в формировании межнациональной толерантности на основе выявления в литературных текстах, в которых отражается исторический и современный быт их новой малой родины, Кубани, терминальных ценностей с использованием в преподавании лингвоконцептуального анализа и средств аксиологической и концептуальной лингвистики.

Использование аксиогенных ситуаций и дискурса с маркированным аксиологическим содержанием, обращение к лингвокраеведению при подборе литературно-художественных текстов позволяет в современной непростой обстановке обратиться к лингвоидеологии: моделировать картину непротиворечивого мира на базе осознания терминальных ценностей, концептуально представленных в языке.

В дальнейшем предполагается продолжить работу по созданию аксиологически ориентированных учебных пособий для иностранных студентов на материале современной русской литературы с учётом лингвокраеведческой тематики. Это позволит соотнести менталитетные особенности и картину мира россиянина XIX, XX и начала XXI века, даст возможность сделать вывод о её стабильности и в то же время отследить изменение лексико-грамматического наполнения дискурса, что связано с изменением поведенческих норм по причине изменения социального портрета современников, задач межличностного общения, освоения коммуникативного интернет-пространства.

Список литературы

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам. 3-е изд. – М.: Русский язык: Курсы, 2021. – 496 с. EDN: XQRF7T
2. Антология художественных концептов русской литературы XX века. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 355 с. EDN: SDTLXP
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с. EDN: YLAWAR
4. Вежибцкая А., Шмелёв А. Д. Понимание культур через посредство ключевых слов: монография. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с. EDN: SUMHVV
5. Воркачёв С. Г. Аксиология и метааксиология лингвокультурных смыслов (К юбилею В. И. Карасика: проблемы лингвоаксиологии) // Русский язык за рубежом. – 2023. – № 2 (297). – С. 13–17. DOI: 10.37632/PI.2023.297.2.003. EDN: FPOBDU
6. Воркачёв С. Г. Лингвокультурная концептология: вектор развития // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. – Т. 24 (63). – № 2. – Ч. 3. Сер. «Филология. Социальные коммуникации». – Симферополь: Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, 2011. – С. 223–229.
7. Воркачёв С. Г. Постулаты лингвоконцептологии // Антология концептов. – М.: Гнозис, 2005. – С. 10–13. EDN: IAYUNT
8. Воркачёв С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с. EDN: QRBAUZ
9. Гордиенко О. А. Концепт «горец» в художественной литературе XIX века, тематически связанной с Кавказской войной // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). – 2015. – № 7 (16). – С. 25–26. EDN: WWNVMJ
10. Гордиенко О. А. К вопросу о концептах русской литературы, позволяющих осуществить культурную адаптацию иностранных студентов в России (на материале концепта «толерантность») // Инновационные процессы в высшей школе: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: КубГТУ, 2018. – С. 118–120. EDN: YNWVXB
11. Гордиенко О. А. Аксиологический подход к преподаванию иностранным студентам русского языка и литературы в поликультурном пространстве Северного Кавказа // Русский язык и ономастика в поликультурном образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа: проблемы и перспективы: сб. материалов XI Междунар. науч. конф.. – Майкоп, 2017. – С. 153–156. EDN: XTEIDJ
12. Гордиенко О. А., Зиньковская В. Е., Павленко-Илларионова К. А. Лингвокультурологический и лингворегионоведческий подходы к анализу творчества А. С. Пушкина в иностранной аудитории // Человек и текст: материалы VI Международной лингвокультурологической конференции, посвященной 225-летию со дня рождения А. С. Пушкина. – Ульяновск, 2024. – С. 40–46. EDN: NKLHAE
13. Гордиенко О. А., Мизенко Е. Н. Метааксиологический паринцип преподавания русской литературы и культуры // Актуальные вопросы гуманитарных исследований: сб. материалов Международной научно-практической конференции. – Краснодар, 2024. – С. 137–141. EDN: VXPXML
14. Гордиенко О. А., Шапошникова Т. Л. Русская и мировая литература в образовательном пространстве технического вуза как способ актуализации терминальных ценностей иностранных и российских студентов // XV Конгресс МАПРЯЛ. Избранные доклады. – СПб., 2024. – С. 2348–2354. EDN: NWVXLZ
15. Гордиенко О. А., Шапошникова Т. Л. Подход к духовным ценностям России как к терминальным при обучении русскому языку как иностранному // Ценности поликультурного мира и их отражение в учебных и контрольных материалах по русскому языку как иностранному и др. иностранным языкам: сб. статей. – СПб., 2021. – С. 142–146. EDN: VACONM
16. Зудилина Н. В. Учение Платона о трёх типах образов (эйдос, эйкон, эйдолон) как источник смысла «мнимый» у понятия «виртуальный» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2020. – Т. 6 (72). – № 1. – С. 35–45.

17. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. // Антология концептов. – М.: Гнозис (Т. 1–2005, Т. 2–2007), EDN: IAYUNT
18. Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. – М.: Гнозис, 2019. – 424 с.
19. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с. EDN: UGQAMP
20. Кубань литературная. Первая треть XX века. Лингвокраеведение: учебное пособие для иностранных студентов старших курсов / В. Е. Зиньковская, Т. А. Парина, О. А. Гордиенко. – Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2010. – 122 с.
21. Культурная и литературная жизнь Юга России начала XX в.: учебное пособие для студентов, изучающих дисциплину «История Кубани» / сост.: И. В. Рус-Брюшинина [и др.]; под ред. Т. Л. Шапошниковой. – Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2019. – 250 с.
22. Кубрякова Е. С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкратц, Л. Г. Лузина. – М.: МГУ, 1996. – С. 90–93 EDN: OGVICE
23. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. – М.: Академия, 1997. – С. 280–287. EDN: XQSUZL
24. Маслова В. А. Поэтическое слово: лингвистическая теория и поэтическая практика // Введение в когнитивную лингвистику / сост. Л. Г. Золотых. – Астрахань: Астраханский университет, 2007. – С. 54–63. EDN: SDQKJX
25. Миштина Н. Л. Методическая лингвоконцептология и её терминосистема // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2018. – № 188. – С. 153–164. EDN: YQVMZN
26. Попова З. Д., Стернин И. А. К проблеме унификации лингвокогнитивной терминологии // Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. – Вып. 4. – С. 54–60. EDN: QQGYGX
27. Радбиль Т. Б. Язык и мир. Парадоксы взаимоотражения. – 2-е изд. – М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. – 592 с. EDN: ZGSYRT
28. Радбиль Т. Б. Аномалии в сфере языковой концептуализации мира // Русский язык в научном освещении (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН). – 2007. – № 1 (13). – С. 239–266. EDN: SCOQQN
29. Русская классическая литература для иностранных студентов из СНГ. Северный Кавказ и Кубань в творчестве А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова. – Краснодар: Изд. Дом – Юг, 2020. – 250 с. EDN: QIOSJQ
30. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с. EDN: UJXYSP
31. Цифровая гуманитаристика в условиях образовательной среды юга России на службе толерантности (аксиологическая составляющая в преподавании русского языка иностранным учащимся): коллективная монография / Т. Л. Шапошникова, О. Р. Тучина, О. А. Гордиенко и др. – Краснодар: Изд. Дом – Юг, 2018. – 203 с. EDN: XMMHQL
32. Шапошникова Т. Л., Гордиенко О. А., Рус-Брюшинина И. В., Павленко-Илларионова К. А. Интегрированное обучение иностранных студентов русскому языку и литературе (методический и аксиологический аспекты) // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования: сб. материалов IX Международной науч.-практич. очно-заочной конференции. 23 октября 2024 г. – Краснодар, 2024. – С. 376–385. EDN: FDWUIK
33. Шапошникова Т. Л., Гордиенко О. А., Мизенко Е. Н. Воспитательный аспект изображения семьи в русской литературе начала XX века (в преподавании иностранным студентам) // Современные тенденции развития системы подготовки обучающихся: региональная практика: материалы международной научной конференции. – Красноярск, 2025. – С. 483–487. EDN: YAMUAF
34. Gordienko, O., Shaposhnikova T., Romanov D., Egorova A., Rykhal's'ke Yu., Glukhenky, I. Methods of implementing an axiological approach to teaching Russian as a foreign language on the basis of information and communication technologies, considered in the aspect of linguaculture. Modern Journal of Language Teaching Methods (ISSN: 2251–6204). Vol. 8, Issue 10, October 2018. Pp. 111–121.

Личный вклад соавторов
 Personal co-authors contribution
 30/40/30 %

Tatyana Shaposhnikova, Olga Gordienko, Ines Rus-Bryushinina

Teaching Aids on Russian Literature for Foreign Students of Kuban from Linguoconceptual Positions

The value context of teaching foreign students of non-philological majors to speak Russian for the purposes of using it in social practice involves referring to the concepts of spiritual and moral content present in the works of Russian literature and including axiological components. The use of linguocultural and linguoaxiological analysis of literary texts helps to familiarize students with traditional Russian spiritual and moral values. The multinational Southern region of Russia, rich in historical and cultural events, provides an opportunity to demonstrate the main traditional Russian spiritual and moral values, conceptually designed in the value field of Russian reality and reflected by us in the selections of works of Russian literature published by us for foreign students. The tasks of the teaching aids involve conducting educational work on the relationship between the value fields of the students' national culture and Russian culture using value-oriented concepts, which ensures the formation of ideas about the consistency of worldview at the level of original universal judgments, implemented in the format of terminal values. Conceptual analysis allows us to draw parallels between the spiritual interests of writers from Russia and the students' countries, which enables foreign students to independently involve in the analysis and comparison of works of native literature and classical world literature known to them while studying works of Russian literature. Thus, a conceptual model of the world of a Russian is built, which is reflected in Russian literature in comparison with national models of the world. At the same time, it is not intended to analyze the specific features of the national consciousness and thinking of specific speakers of foreign languages in a multinational group of students. The linguoconceptual approach, the method of semantic-cognitive analysis, the method of linguocognitive conceptology, the method of involving axiogenic situations are used, which allows us to consider concepts at the level of their core layer and ethnospecific periphery, contributing to the formation of the idea of interethnic tolerance when working with teaching aids.

Key words: Russian literature, foreign students, linguaxiology, linguoconceptology, traditional Russian spiritual and moral values.

For citation: Shaposhnikova, T. L., Gordienko, O. A., Rus-Bryushinina, I. V. (2025) *Uchebnye posobiya po russkoj literatury dlya inostrannykh studentov Kubani s lingvokonceptologicheskikh pozicij* [Teaching Aids on Russian Literature for Foreign Students of Kuban from Linguoconceptual Positions]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 163–182. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2025_3_163. EDN: OIPISD

Acknowledgements: Russian Ministry of Education for the support of projects No. 1642, 2019 and No. 073-15-2020-2639, 2020.

References

1. Azimov, E. G., Shchukin, A. N. (2021) *Sovremennyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy. Teoriya i praktika obucheniya yazykam* [Modern Dictionary of Methodological Terms and Notions. Theory and Practice of Teaching Languages]. 3rd ed. Moscow: Russkij yazyk: Kursy. (In Russian). EDN: XQRFTT
2. Vasil'eva, T. I., Karpicheva, N. L., Curkan, V. V. (2013) *Antologiya hudozhestvennykh konceptov russkoj literatury XX veka* [The Anthology of Artistic Concepts of Russian Literature of the XX Century]. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian). EDN: SDTLXP
3. Arutyunova, N. D. (1998) *Yazyk i mir cheloveka* [The Language and the World of the Human]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury. (In Russian). EDN: YLAWAR
4. Wierzbicka, A., Shmelyov, A. D. (2001) *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding the Culture by Means of the Key Words]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russian). EDN: SUMHVV
5. Vorkachev, S. G. (2023) *Aksiologiya i metaaksiologiya lingvokul'turnykh smyslov* [Axiology and Metaaxiology of Linguocultural Meanings]. *Russkij yazyk za rubezhom – Russian Abroad*. No. 1. Pp. 13–17. (In Russian). EDN: FPOBDU

6. Vorkachev, S. G. (2011) Lingvokul'turnaya konceptologiya: vektor razvitiya [Linguocultural Conceptology: the Vector of Development]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya "Filologiya. Social'nye kommunikatsii"* – Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series "Philology. Social Communications". Vol. 24 (63). No. 2. Part 3. Pp. 223–229. (In Russian).

7. Vorkachev, S. G. (2005) Postulaty lingvokonceptologii [Postulates of Linguiconceptology]. *Antologiya konceptov* [Antology of Concepts]. Moscow: Gnozis, 2005. Pp. 10–13. EDN: IAYUNT

8. Vorkachyov, S. G. (2004) *Shchast'e kak lingvokul'turnyy koncept* [Happiness as Linguocultural Concept]. Moscow: Gnozis. (In Russian). EDN: QRBAUZ

9. Gordienko, O. A. (2015) Koncept "gorec" v khudozhestvennoy literature XIX veka, tematicheski svyazannoy s Kavkazskoy voynoy [The Concept "Mountaineer" in the XIX Century Fiction Literature, Thematically Connected with the Caucasian War]. *Evrasiyskiy Soyuz Uchenykh* – Eurasian Union of Scientists. No. 7 (16). Pp. 25–26. (In Russian). EDN: WNWVMJ

10. Gordienko, O. A. (2018) K voprosu o konceptah russkoy literatury, pozvolyayushchih osushchestvit' kul'turnuyu adaptatsiyu inostrannykh studentov v Rossii (na materiale koncepta "tolerantnost") [To the Question of the Concepts of Russian Literature, Making It Possible to Implement the Cultural Adaptation of Foreign Students in Russia (in the Materials of the Concept "Tolerance")]. *Innovatsionnye processy v vysshey shkole* [Innovative Processes at Higher School]. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Krasnodar: KubGTU. Pp. 118–120. (In Russian). EDN: YNWWXB

11. Gordienko, O. A. (2017) Aksiologicheskiy podhod k prepodavaniiu inostrannym studentam russkogo yazyka i literatury v polikul'turnom prostranstve Severnogo Kavkaza [Axiological Approach to Teaching Foreign Students Russian Language and Literature in the Polycultural Area of the South of Russia and the North Caucasus]. *Russkiy yazyk i onomastika v polikul'turnom obrazovatel'nom prostranstve Yuga Rossii i Severnogo Kavkaza: problemy i perspektivy* [Russian Language and Onomastics in the Polycultural Space of the South of Russia and the North Caucasus]. Proceedings of the XI International Scientific Conference. Maykop. Pp. 153–156. (In Russian). EDN: XTEIDJ

12. Gordienko, O. A., Zin'kovskaya, V. E., Pavlenko-Illarionova, K. A. (2024) Lingvokul'turologicheskiy i lingvoregionovedcheskiy podhody k analizu tvorchestva A. S. Pushkina v inostrannoy auditorii [Linguocultural and Linguiregional Approaches to the Analysis of A. S. Pushkin's Creative Work in the Foreign Audience]. *Chelovek i tekst* [Human and Text]. Proceeding of the VI International Linguoculturological Conference, Dedicated to the 225th Anniversary of A. S. Pushkin's Birth. Ulyanovsk. Pp. 40–46. (In Russian). EDN: NKLHAE

13. Gordienko, O. A., Mizenko, E. N. (2024) Metaaksiologicheskiy princip prepodavaniya russkoj literatury i kul'tury [The Meta-axiological Principle of Teaching Russian Literature and Culture]. *Aktual'nye voprosy gumanitarnykh issledovaniy* [Actual Questions of Humanitarian Research]. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Krasnodar. Pp. 137–141. (In Russian). EDN: VXPXML

14. Gordienko, O. A., Shaposhnikova, T. L. (2024) Russkaya i mirovaya literatura v obrazovatel'nom prostranstve tekhnicheskogo vuza kak sposob aktualizatsii terminal'nykh cennostey inostrannykh i rossijskikh studentov [Russian and World Literature in the Educational Space of a Technical University as a Way to Actualize the Terminal Values of Foreign and Russian Students]. *XV Kongress MAPRYAL. Izbrannye doklady* [XV MAPRYAL Congress. Selected Reports]. St. Petersburg. Pp. 2348–2354. (In Russian). EDN: NWVXLZ

15. Gordienko, O. A., Shaposhnikova, T. L. (2021) Podkhod k dukhovnym cennostyam Rossii kak k terminal'nykh pri obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu [Approach to the Spiritual Values of Russia as to Terminal Ones when Teaching Russian as a Foreign Language]. *Cennosti polikul'turnogo mira i ih otrazhenie v uchebnykh i kontrol'nykh materialakh po russkomu yazyku kak inostrannomu i dr. inostrannym yazykam* [Values of the Polycultural World and Their Reflection in Learning and Control Materials in Russian as a Foreign Language and Other Foreign Languages]. Collection of articles. St. Petersburg. Pp. 142–146. (In Russian). EDN: VACONM

16. Zudilina, N. V. (2020) Uchenie Platona o tryokh tipakh obrazov (ejdos, ejkon, ejdolon) kak istochnik smysla «mnimyy» u ponyatiya "virtual'nyy" [Plato's Doctrine of Three Types of Images (Eidos, Eikon, Eidolon) as a Source of the Sense "Imaginary" in the Concept of "Virtual"]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya*.

Politologiya. Kul'turologiya – Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. Vol. 6 (72). No. 1. Pp. 35–45. (In Russian).

17. Karasik, V. I., Slyshkin, G. G. (2005, 2007) *Antologiya konceptov* [Antology of Concepts]. Vol. 1. Vol. 2. Moscow: Gnozis. (In Russian). EDN: IAYUNT

18. Karasik, V. I. (2019) *Yazykovaya spiral': cennosti, znaki, motivy* [Language Spiral: Values, Signs, Motives]. Moscow: Gnozis. (In Russian).

19. Karasik, V. I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd: Peremena. (In Russian). EDN: UGQAMP

20. Zin'kovskaya, V. E., Parinova, T. A., Gordienko, O. A. (2010) *Kuban' literaturnaya. Pervaya tret' XX veka. Lingvokraevedenie* [Kuban Literature. The First Third of the XX Century. Linguoregional Studies]. Krasnodar: Izdatel'skiy Dom – Yug. (In Russian).

21. Rus-Bryushinina, I. V., Shaposhnikova, T. L. (ed.) (2019) *Kul'turnaya i literaturnaya zhizn' Yuga Rossii nachala XX v.* [Cultural and Literature Life of the South of Russia in the Beginning of the XX Century]. Krasnodar: Izdatel'skiy Dom – Yug. (In Russian).

22. Kubryakova, E. S. (1996) *Koncept* [Concept]. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Brief Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow: MGU. Pp. 90–93. (In Russian). EDN: OGVICE

23. Lihachev, D. S. (1997) *Konceptosfera russkogo yazyka* [Conceptosphere of the Russian Language]. *Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta* [Russian Literature. From the Theory of Literature to the Text Structure]. Moscow: Akademiya. Pp. 280–287. (In Russian). EDN: XQSUZL

24. Maslova, V. A. (2007) *Poeticheskoe slovo: lingvisticheskaya teoriya i poeticheskaya praktika* [Poetic Word: Linguistic Theory and Poetic Practice]. *Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku* [Introduction to Cognitive Linguistics]. Astrahan: Astrahanskiy universitet. Pp. 54–63. (In Russian). EDN: SDQKJX

25. Mishatina, N. L. (2018) *Metodicheskaya lingvokonceptologiya i eyo terminosistema* [Methodological Linguoconceptology and Its Terminological System]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. No. 188. Pp. 153–164. (In Russian). EDN: YQVMZN

26. Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2005) *K probleme unifikatsii lingvokognitivnoy terminologii* [To the Problem of Linguocognitive Terminology Unification]. *Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku* [Introduction to Cognitive Linguistics]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. Pp. 54–60. (In Russian). EDN: QQGYGX

27. Radbil', T. B. (2017) *Yazyk i mir. Paradoksy vzaimootrazheniya* [Language and World. Paradoxes of Mutual Reflection]. Moscow: Izdatel'skiy Dom YaSk: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russian). EDN: ZGSYRT

28. Radbil', T. B. (2007) *Anomalii v sfere yazykovoy konceptualizatsii mira* [Anomalies in the Sphere of the Linguistic Conceptualization of the World]. *Russkiy yazyk v nauchnom osvещenii* [Russian in the Scientific Coverage]. No. 1 (13). Pp. 239–266. (In Russian). EDN: SCOQQN

29. Shaposhnikova, T. L. (2020) (ed.) *Russkaya klassicheskaya literatura dlya inostrannykh studentov iz SNG. Severnyy Kavkaz i Kuban' v tvorchestve A. S. Griboedova, A. S. Pushkina, M. Yu. Lermontova* [The Russian Classical Literature for Foreign Students from CIS. The North Caucasus and Kuban in the Creative Work by A. S. Griboedov, A. S. Pushkin, M. Yu. Lermontov]. Krasnodar: Izd. Dom – Yug. (In Russian). EDN: QIOSJQ

30. Stepanov, Yu. S. (1997) *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian Culture. Experience of Research]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoj kul'tury". (In Russian). EDN: UJXYSY

31. Shaposhnikova, T. L., Tuchina, O. R., Gordienko, O. A. et al. (2018) *Cifrovaya gumanitaristika v usloviyakh obrazovatel'noy sredy yuga Rossii na sluzhbe tolerantnosti (aksiologicheskaya sostavlyayushchaya v prepodavanii russkogo yazyka inostrannym uchashchimsya)* [Digital Humanities in the Conditions of the Educational Environment of the South of Russia in the Service of Tolerance (Axiological Component in Teaching Russian to Foreign Students)]. Krasnodar: Izd. Dom – Yug. (In Russian). EDN: XMMHQL

32. Shaposhnikova, T. L., Gordienko, O. A., Rus-Bryushinina, I. V., Pavlenko-Illarionova, K. A. (2024) *Integrirovannoe obuchenie inostrannykh studentov russkomu yazyku i literature (metodicheskij i aksiologicheskij aspekty)* [Integrated Teaching Russian Language and Literature to Foreign Students (Methodological and Axiological Aspects)]. *Filologichesk-*

ie i sociokul'turnye voprosy nauki i obrazovaniya [Philological and Sociocultural Questions of Science and Education]. Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference. Krasnodar: KubGTU. Pp. 376–385. (In Russian). EDN: FDWUIK

33. Shaposhnikova, T. L., Gordienko, O. A., Mizenko, E. N. (2025) *Vospitatel'nyy aspekt izobrazheniya sem'i v russkoy literature nachala XX veka (v prepodavanii inostrannym studentam)* [Educational Aspect of Depicting the Family in the Russian Literature of the Beginning of the XX Century (in Teaching to Foreign Students)]. *Sovremennye tendencii razvitiya sistemy podgotovki obuchayushchihhsya: regional'naya praktika* [Modern Trends of Developing the System of Training Students: Regional Practices]. Proceedings of the International Scientific Conference. Krasnoyarsk. Pp. 483–487. (In Russian). EDN: YAMUAF

34. Gordienko, O. A., Shaposhnikova, T. L., Romanov, D. A., Egorova, A. Yu., Rykhal'ske, Yu. S., Glukhenky, I. Yu. (2018) *Methods of Implementing an Axiological Approach to Teaching Russian as a Foreign Language on the Basis of Information and Communication Technologies, Considered in the Aspect of Linguaculture. Modern Journal of Language Teaching Methods*. Vol. 8. Issue 10. Pp. 111–121.

Об авторах

Шапошникова Татьяна Леонидовна, профессор, Кубанский государственный технологический университет, доктор педагогических наук, профессор, директор Регионального школьного технопарка «Квант Кубань-КубГТУ» (г. Краснодар, Российская Федерация); e-mail: shtale@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-3221-4954

Гордиенко Ольга Антоновна, доцент, Кубанский государственный технологический университет, кандидат педагогических наук, доцент (г. Краснодар, Российская Федерация); e-mail: gordienko-olga@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-2170-1346

Рус-Брюшнина Инес Валентина, заведующий кафедрой русского языка, Кубанский государственный технологический университет, кандидат филологических наук, доцент (г. Краснодар, Российская Федерация); e-mail: ines_rb@bk.ru; ORCID ID: 0000-0003-0295-8688

About the Authors

Tatyana Shaposhnikova, Professor, Kuban State Technological University, Doctor of Pedagogy, Professor, Director of Regional School Technology Park Quant Kuban-KubSTU (Krasnodar, Russian Federation); e-mail: shtale@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-3221-4954

Olga Gordienko, Associate Professor, Kuban State Technological University, PhD in Pedagogy, Associate Professor of the Department of Russian (Krasnodar, Russian Federation); e-mail: gordienko-olga@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-2170-1346

Ines Rus-Bryushinina, Head of the Department of Russian, Kuban State Technological University, PhD in Philology, Associate Professor (Krasnodar, Russian Federation); e-mail: ines_rb@bk.ru; ORCID ID: 0000-0003-0295-8688

дата получения: 17.06.2025 г.

дата принятия: 30.07.2025 г.

дата публикации: 30.09.2025 г.

date of receiving: 17 June 2025

date of acceptance: 30 July 2025

date of publication: 30 September 2025

Р. Эсхаг, З. Мохаммади

Лингвокультурные характеристики современного русского и иранского этикета

Культурный опыт каждого народа отражается в совокупности ряда факторов: посредством языка, речевого общения, набора устойчивых выражений, стереотипов общения и пр. Каждый народ является обладателем уникальных характеристик, отражающих его опыт и традиции, в каждом государстве существуют национальные особенности речевого этикета. В статье представлен сравнительный анализ лингвокультурных характеристик современного русского и персидского языков с целью выявления как сходств, так и существенных отличий, которые могут привести к межкультурным несовпадениям. Помимо определения самого понятия "лингвокультура", рассмотрены ключевые концепции, такие как вежливость, этикетные действия и коммуникативное поведение в контексте двух различных культур. Коммуникативное поведение, включая стиль речи, темп речи, использование пауз, прямолинейность или косвенность высказываний, также является важным аспектом лингвокультурного анализа. Анализ этих аспектов позволит понять, как особенности русской и иранской культур отражаются в языковом поведении их носителей и как эти отличия могут влиять на эффективность межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: лингвокультура, речевой этикет, этикетные действия, коммуникативное поведение, русский этикет, иранский этикет.

Для цитирования: Эсхаг Р., Мохаммади З. И. Лингвокультурные характеристики современного русского и иранского этикета // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 3. – С. 183–197. DOI: 10.35231/25419803_2025_3_183. EDN: LITZWQ

Наиболее значимой тенденцией в развитии науки середины прошлого столетия и начала новой эпохи является интеграция, благодаря которой совершенно разные области знаний находят точки соприкосновения, формируя существенно новые научные направления. Одной из таких наук в области языкознания стала лингвокультурология, сформировавшаяся в результате объединения и углубления взаимодействия двух основополагающих гуманитарных дисциплин – культурологии и языкознания. Как явствует из на-

звания данной дисциплины, объектом ее изучения является отражение культуры в языке и речи, в ней отслеживается тесная связь с национальной картиной мира, языковым сознанием и особенностями менталитета каждого народа.

Теоретические основы лингвокультурологии были заложены в середине XIX века в трудах немецкого филолога и языковеда В. фон Гумбольдта, утверждавшего, что «культура проявляет себя, прежде всего в языке, и именно язык способен ввести человека в определенную культуру» [18, с. 26].

На современном этапе в контексте русского языкознания значительный вклад в развитие лингвокультурологии внесли российские ученые Н. Д. Арутюнова [1], Е. М. Верещагин [6], В. В. Воробьев [7], В. И. Карасик [10], В. В. Красных [12], В. Г. Костомаров [13], В. А. Маслова [18], Ю. С. Степанов [23] и др. Подобные работы в персидской лингвистике представлены исследованиями С. Голами, Х. Хормати [8], С. Котлаки [14], Ф. Шарифиян [27] и др.

По убеждению В. В. Красных, лингвокультурология – это «дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе. Она непосредственно связана с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» [12, с. 12].

Согласно В. В. Воробьеву, «лингвокультурология изучает определенным образом отобранную и организованную совокупность культурных ценностей, исследует живые коммуникативные процессы порождения и восприятия речи, опыт языковой личности и национальный менталитет, представляет системное описание языковой картины мира и обеспечивает выполнение образовательных, воспитательных и интеллектуальных задач обучения» [6, с. 125].

По утверждению В. И. Карасика, в современную эпоху повышенный интерес к проблемам лингвокультурологии, переживающей период расцвета, обусловлен рядом причин. «Во-первых, это стремительная глобализация мировых проблем, необходимость учитывать универсальные и специфические характеристики поведения и общения различных народов в решении самых разнообразных вопросов, потребность знать заранее те ситуации, в которых велика вероятность межкультурного непонимания, важность определения и точного обо-

значения тех культурных ценностей, которые лежат в основе коммуникативной деятельности. Во-вторых, это объективная интегративная тенденция развития гуманитарных наук, необходимость освоения лингвистами результатов, добытых представителями смежных отраслей знания <...>. В-третьих, это прикладная сторона лингвистического знания, понимание языка как средства концентрированного осмысления коллективного опыта, который закодирован во всем богатстве значений слов, фразеологических единиц, общеизвестных текстов, формульных этикетных ситуаций и т. д., а этот опыт составляет суть изучаемого иностранного языка, находит прямые выходы в практику рекламного и политического воздействия, пронизывает коммуникативную среду массовой информации» [10, с. 3].

Материалы и методы

Данное исследование осуществляется в рамках сопоставительной лингвокультурологии и направлено на изучение лингвокультурных характеристик этикета в традиционном русском и иранском языковом сознании и коммуникативных практиках. Цель работы заключается в описании общих и уникальных черт в восприятии и использовании языка в русскоязычном и ираноязычном сообществах. Предпринятое сопоставление позволит обнаружить понимание кодовой системы лингвокультуры, которая включает знание этикетных речевых конструкций и правил их использования в различных ситуациях, что обусловлено культурно-специфическими нормами поведения и общения в русскоязычном и ираноязычном пространстве. В исследовании применяется сравнительно-сопоставительный метод анализа, понятийный анализ, интерпретативный анализ и интроспекция.

Результаты

Как правило, существующие в мире культуры отличаются друг от друга чертами сходства и отличия. Каждая культура оперирует смысловыми областями, одна часть которых в значительной степени подвержена универсализации, другая отличается уникальностью и самобытностью. По убеждению В. И. Карасика, это обусловлено тем, что различие между культурами в общем и целом носит неслучай-

ный характер, оно обусловлено комплексом причин, которые могут быть сгруппированы в три класса: исторические, географические и психологические [11].

Среди других значимых понятий, которые, по нашему мнению, тесно связаны с лингвокультурологией, следует выделить речевой этикет, этикетные действия и коммуникативное поведение. Эти концепции в совокупности представляют социальный, культурный и психологический портрет определенного народа.

В качестве национальной ценности речевой этикет формируется под воздействием условий общественной жизни и эволюционирует вместе с нацией, в которой накапливается как положительный, так и отрицательный опыт. Являясь отражением системных отношений реальной действительности, речевой этикет, обслуживая различные сферы взаимодействия людей, создает ритуал коммуникативного общения, то есть уникальный стиль общения. Ритуалы коммуникативного общения формируются в рамках грамматической категории вежливости, которая одновременно является и коммуникативно-прагматической категорией, и национально-специфической коммуникативной категорией с набором лексических, морфологических, синтаксических средств. Данные средства на уровне русского и персидского языкознания представляют особый интерес, так как наряду с экстралингвистическими факторами, такими как особенности национального характера и менталитета, принципы межличностного общения, культурные идеалы и убеждения, социальные нормы и установки, обычаи и традиции формируют национальный стиль общения. Кратко обсудим наиболее значимые из тех, что присутствуют в русской лингвокультуре, но не имеют аналогов в персидском языке.

Лексические средства вежливости, как правило, охватывают антропологические модели обращения в рамках имен собственных, социальных, служебно-профессиональных, возрастных, родственных, эмоционально-экспрессивных и прочих регулятивов. В фокусе внимания – специфические вежливые формулы, уникальные для русского языка и отсутствующие в персидском. Главное внимание уделяется обращению по имени и отчеству, а также использованию

только отчества в русском языке. В русском языке наиболее распространенным и универсальным способом вежливого обращения к знакомым людям, независимо от их возраста или социального статуса, является использование имени и отчества. Это основная отличительная черта русского этикета, которая не имеет прямых аналогов в персидском языке (*Я позабыл тетрадь, Эльза Францисковна, приготовил уроки, только позабыл все книги и тетради.* А. Гайдар. Школа).

Касательно вокатива «отчество» следует отметить, что В. А. Никонов, исследовав использование данного вокатива, отмечал: «Употребление одиночного отчества служило в 18 и 19 вв. нормой для выражения определенного сочетания фамильярности и уважения, например, к крепостным – воспитателям ..., а в крестьянской и рабочей среде держалось еще в начале 20 века» [20, с. 41]. В указанные периоды времени обращение по отчеству, наряду с выражением почтения и близости, сообщало сведения об адресате: 1) возраст – зрелый; 2) уровень образования – низкий / отсутствующий; 3) место проживания – городская / сельская местность; 4) принадлежность к простому сословию. При этом, сочетание отчества с местоимениями «ты» или «Вы» служило для налаживания и поддержания связи с собеседником, учитывая его социальный статус, отражая изменения в отношениях и определяя тон общения [25, с. 72]. В современной русской культуре и языке обращение по отчеству остается распространенной практикой. (А, **Ниловна!** Здравствуйте! Что у вас в руках? М. Горький. Мать).

В персидской лигвокультуре отсутствуют подобные модели вокативов, их эквивалентами являются обращения Aghaye / Jenabe для представителей мужского рода + фамилия Aghaye Rasooli (Господин Расули), а также Khanoome для представителей женского рода + фамилия Khanoome Khademi (Госпожа Хадеми)¹.

В рамках морфологических средств выражения вежливости в грамматике русского языка особый интерес вызывает категория вида, не имеющая аналога в персидском языке. Анализ использования глагольного вида в русском

¹ Подробное изложение вокативов в русском и персидском языках см.: Рудабе Эсхаг. Контрастивный анализ социальных регулятивов в русском и персидском языках // Современное педагогическое образование. 2023. № 5. С. 235–239. Электронный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontrastivnyy-analiz-sotsialnyh-regulyativov-v-russkom-i-persidskom-yazykah/viewer> (дата обращения: 01.07.2025).

языке с точки зрения коммуникативной прагматики показывает, что он играет важную роль в выполнении различных коммуникативных задач (речевых актов). Изучение того, как разные виды глаголов (совершенный и несовершенный) влияют на смысл высказывания и на то, что говорящий хочет этим высказыванием сделать (его иллокутивную силу), является перспективным направлением в исследованиях. Это направление предлагает новый подход к пониманию глагольного вида, альтернативный распространенному в современной лингвистике "ассоциативному объяснению", которое фокусируется на внутренних семантических связях между значениями глаголов, без учета их роли в коммуникации. Ассоциативное объяснение можно усматривать и в том случае, когда речеактовые функции русского глагольного вида описываются как своего рода вторичные следствия тех или иных семантических признаков, не имеющие собственного независимого статуса.

Е. В. Падучева анализирует ассоциативное объяснение, связывая тип иллокутивного акта – будь то просьба, совет или вежливое предложение – с граммемой глагольного вида, полагая, что их соотношение обусловлено наличием или отсутствием определенных семантических факторов, например, компонента, указывающего на обусловленность действия ситуацией, или характеристики «немедленно» [21].

Р. Бенаккьо объясняет разницу в употреблении глагольных видов при выражении вежливости следующим образом: совершенный вид фокусируется исключительно на результате действия, прямо и непосредственно выражая побуждение к нему. Несовершенный же вид, напротив, акцент делает не на самом результате, а на процессе, на предшествующих ему этапах и действиях, что делает побуждение более мягким и не таким категоричным. Другими словами, совершенный вид – это прямое и ясное указание на желаемый результат, а несовершенный – более косвенное и деликатное выражение просьбы или пожелания, уделяющее внимание подготовительным моментам, а не только финальной цели [5, с. 11].

Синтаксические средства категории вежливости охватывают широкий спектр речевых этикетных действий. Именно в рамках данных средств формируется «национальный стиль

коммуникации» или «коммуникативный этностиль» (термин впервые предложен Т. В. Лариной). По ее мнению, отличительные черты коммуникативного поведения людей обусловлены устоявшимися в течение длительного времени коллективными моделями поведения, которые находят отражение в выборе и использовании определенных способов и инструментов общения (как словесных, так и несловесных) в процессе взаимодействия, формируя тем самым национальный стиль коммуникации, или коммуникативный этностиль [17].

Согласно И. А. Стернину, Н. А. Кузьминой, Е. А. Абросимовой, коммуникативное поведение обладает национально-специфическими чертами и является важным аспектом проявления языковой личности в процессе общения. В каждой лингвокультурной общности существуют общекультурные нормы языкового поведения, отражающие установленные правила этикета и вежливого общения. Эти нормы связаны с универсальными ситуациями, возникающими между людьми, независимо от их возраста, статуса или сферы деятельности. Это такие ситуации, как привлечение внимания, обращение, знакомство, приветствие, прощание, извинение, комплимент, разговор по телефону, письменное сообщение, поздравление, благодарность, пожелание, утешение, сочувствие, соболезнование [16; 24].

Фатическая природа этикетных действий подразумевает возможность переформулировки и легкого перехода к дополнительному, парольному осмыслению. Сложное этикетное действие, развивающееся в соответствии с определенным сценарием В. И. Карасик называет церемонией. Примером сказанному служит церемониальное приветствие в ряде архаических культур, в которых участники коммуникации при встрече по традиции обмениваются друг другом заранее установленными вопросами о здоровье всех членов семьи [11]. В настоящее время в иранской лингвокультуре распространено подобное церемониальное приветствие, существуют вопросы, которыми в обязательном порядке обмениваются при встрече участники коммуникации в знак внимания, такта и уважения в отношении друг друга. В русской языковой традиции вопрос о здоровье чаще всего поднимается лишь в общении с пожилыми людьми.

Обсуждение и выводы

Наши наблюдения о культуре и жизни русского народа, являющегося представителем славянской культуры, и иранцев – представителей восточной культуры, позволили выявить следующие сходства и отличия.

* Анализ работ иранских исследователей (М. Р. Азин [2]; З. Ахмади¹ [3]; Аштиани Мадждабади [4]; А. Ф. Бэни²; П. Голестан [9]; А. А. Мадаени, Г. Х. Мостафави [19]; М. Шафаги³; Язданмехр Салими [28–29] и др.) выявил, что общекультурные нормы, характерные для иранской национальной идентичности и определяющие коммуникативные модели лингвокультурного сообщества, в таких ситуациях, как привлечение внимания, обращение, знакомство, приветствие, прощание, извинения, комплименты, телефонные разговоры, переписка, поздравления, выражения благодарности, пожелания, утешение, сочувствие и соболезнования, имеют множество аналогичных параллелей и средств выражения в русском языке.

* Русская и иранская коммуникативная культура склонны к вежливости с тем отличием, что русское коммуникативное поведение в рамках учтивости и этикета отражает искреннюю заинтересованность, направленную на внутреннее отношение, т. е. на тех, кто достоин вежливости и уважения. У представителей иранской культуры более ритуализованное поведение, поэтому в лингвокультуре Ирана уважение и вежливость демонстрируются ко всем собеседникам, вне зависимости от личного отношения к ним.

* Улыбка в русской культуре и общении не отражает вежливость участников коммуникации. Кроме того, дежурная улыбка в русской культуре говорит о скрытности и неискренности собеседника. В иранской культуре улыбка – сигнал вежливости, также в иранской культуре распространена особенность автоматически отвечать на улыбку.

* Общение противоположного пола в русской культурной традиции является горизонтальным (равный–равный), в иранской культуре вертикальным (вышестоящий–

¹ Ахмади З. Обучение иранских студентов русскому речевому этикету (речевые акты «извинение» и «просьба»): дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.

² Бэни А. Ф. Этикетные ситуации русского диалога с позиции носителя персидского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2024.

³ Шафаги М. Извинение в русском речевом поведении (с позиции носителя персидского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.

нижестоящий, старший-младший). Это также наблюдается в общении младших со старшими [22].

* В русском коммуникативном поведении скромность не направлена на принижение статуса говорящего, в персидском же языке принято повышать статус собеседника, принижая свой. По мнению О. В. Кошмановой, скромность в русском языковом сознании проявляется в мыслях, поведении и образе жизни индивида, ассоциируясь с простотой и сдержанностью. В иранской лингвокультуре основное внимание уделяется религиозному требованию проявлять скромность как перед Богом, так и перед людьми, при этом ключевым признаком данного концепта является как внутреннее, так и внешнее самопринятие личности. Таким образом, понимание и проявление скромности значительно различаются в русской и иранской культурах, отражая специфику их ценностных систем и религиозных традиций¹.

* Иранское коммуникативное поведение придерживается дистанции при межгендерном общении (соседи, сотрудники, незнакомые люди в общественных местах), при котором представители противоположного пола обращаются друг к другу на Вы и регулятивами *госпожа*, *господин*.

* Существует различие в национальных символических процедурах. Так, по поводу иранского этикета дарения Л. И. Харченкова отмечает: «Подарки также не принято дарить левой рукой. Преподносить подарок следует двумя руками или только правой. Незнание этой детали в дальнейшем при общении может вызвать недоразумение. В русской культуре это обстоятельство не является значимым» [26]. Следует уточнить, что в иранской культуре дарение подарков двумя руками или правой рукой символизирует уважение и почтение к получателю. Такой жест подчеркивает значимость момента и выражает искренние намерения дарителя.

* Особый интерес в иранской лингвокультуре представляет слово «да». В Иране слово «да» может подразумевать «возможно» или даже «нет». В отличие от европейских языков, где 70 % слов имеют денотативное значение, в персидском языке 80 % слов обладают коннотативным значением. Иран-

¹ Кошманова О. В. Концепт "скромность" в русской, американской и иранской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2007. 24 с.

цы осознают, что слова их собеседника не всегда отражают истинный смысл. Это создает богатую и многослойную лингвистическую культуру, в которой люди привыкли учитывать тонкости общения. Профессор политологии Тегеранского университета Н. Хадриан утверждает, что символичность и неопределенность являются неотъемлемыми аспектами языка фарси [15]. В русской лингвокультурной общности все совершенно конкретно и слова «да» и «нет» не имеют никаких оттенков, и используются, по существу, без двоякой интерпретации.

* В повседневной жизни соборность проявляется в стремлении к взаимопомощи, включая ожидание поддержки от незнакомцев – «люди помогут», «люди не оставят в беде». Существуют традиции предупреждения друг друга об опасностях. Соборность сознания в культуре обоих народов также находит отражение в обычае жить в больших семьях, в крепких связях между поколениями и в взаимной заботе о близких. В обеих культурах актуально выражение «живем для детей!»

* Душевность социальных отношений. В русской лингвокультуре помириться за столом, простить старые обиды является обычным делом. В иранской лингвокультуре люди стараются не ссориться и обходить острые углы в отношениях. Однако, если ссора неизбежна и на протяжении долгого времени поссорившиеся стороны не смогли простить друг другу обиды, то зачастую по иранской давней и доброй традиции стороны или сами или при содействии других людей стараются помириться на Ноуруз (Новый год), оставляя в старом году все неприязни и конфликты (но не всех случаев).

* Историческая терпеливость. Русскому человеку свойственны устойчивость духа и упование на светлое завтра; он непоколебимо держится за свое дело даже в условиях крайней трудности, когда надежда угасает до предела. В глубинной ментальности русских коренятся такие установки: «Все само собой разрешится», «Судьбе виднее на благо», «Все к лучшему». Подобные убеждения также присутствуют и у народа Ирана. Вековой мотив оптимизма в русском сознании – это вера, что будущие поколения будут жить благополучно («дети будут жить лучше нас»), чему есть параллели в иранской культуре.

* Религия и вера оказали глубинное влияние на формирование психологических черт русских и иранцев как этноса.

В учении обеих религий особо подчеркивается стойкость духа, искренность в поступках, почитание предков, сдержанность и скромный нрав. Представители русской и иранской лингвокультуры свято сохраняют древние обычаи: это не просто традиции – часть их исторического наследия, религиозного сознания и повседневной жизни. В обоих обществах высоко ценятся такие духовные ценности, как радушие хозяев, личная честность, честь воина, трудолюбие, бесстрашие, самоотверженное служение Родине, особая чуткость к нуждам ближних и готовность прийти на помощь, уважение старшему поколению. Образование в обеих культурах занимает особое место.

Краткий сравнительный анализ этикета в современной России и Иране показал наличие значительного сходства этих культур, несмотря на различия в их происхождении (восточные корни Ирана и славянские корни России), а также в религиях (ислам и христианство). Более детальное исследование необходимо для полного понимания выявленных параллелей. Однако уже на данном этапе очевидно, что общие черты этикета в этих культурах существуют, и их наличие заслуживает дальнейшего изучения. Обнаруженное сходство может быть связано с общими историческими, географическими или даже антропологическими факторами, которые требуют более глубокого анализа.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1981. – Т. 40. – Вып. 4 – С. 356–367.
2. Азин М. Р. Национальная специфика коммуникативной категории «вежливость» в русско- и персоязычной лингвокультурах // Русский язык за рубежом. – 2018. – № 3 (268). – С. 69–72.
3. Ахмади З. Вежливость и понятие «таароф» в иранской культуре // История и современность. Наука и школа. – 2014. – № 3. – С. 102–106.
4. Аштиани Маджабади К. Н. Речевой этикет в русской и персидской лингвокультурах (на примере соболезнования) // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 3 (100). – С. 231–233.
5. Бенаккьо Р. Выражение вежливости формами повелительного наклонения не-совершенного и совершенного вида в русском языке // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. – М.: Издательство Московского университета, 1997. – Т. 3. – С. 6–17.
6. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. – М., 1999. – 84 с.
7. Воробьев В. В. Лингвокультурология: теория и методы. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.
8. Голами С. Хормати Х. Практическое руководство по развитию навыков эмпатии. – Тегеран: Рошде фарханг, 2021. – 146 с.

9. Голестан П. Сопоставительная характеристика речевого этикета в русских и персидских деловых письмах // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2012. – № 4. – С. 89–92.
10. Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. – Волгоград, 2001. – С. 3–16.
11. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
12. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М: Гнозис, 2002. – 284 с.
13. Костомаров В. Г. Русский речевой этикет // Русский язык за рубежом. – 1967. – № 1. – С. 56–62.
14. Котлаки С. Вежливость, комплименты и концепция лица в иранской культуре. – Тегеран: Энтешарате элми фарханги, 2010. – 243 с.
15. Кошманова О. В. Краткий очерк иранского коммуникативного поведения // Коммуникативные исследования. Центр теории и практики речевой коммуникации Ярославского ГПУ, кафедра межкультурной коммуникации РГПУ им. А. И. Герцена. – Воронеж, 2008. – С. 28–31.
16. Кузьмина Н. А., Абросимова Е. А. Активные процессы в русском языке и коммуникации новейшего времени: хрестоматия. – Омск: Омский гос. ун-т, 2012. – 256 с.
17. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М.: Рукопис. памятники Древней Руси, 2009. – 512 с.
18. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
19. Мадаени А. А., Мостафави Г. Х. Номинации-концепты речевого этикета в русском и персидском языках // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 8. – С. 182–186.
20. Никонов В. А. Имя и общество. – М.: Наука, 1974. – 278 с.
21. Падучева Е. В. Семантика и прагматика несовершенного вида императива // Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – С. 66–84.
22. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в межкультурной коммуникации // Функциональные исследования: сборник статей по лингвистике. – М., 1997. – Вып. 4. – С. 5–21.
23. Степанов Ю. С. В поисках прагматики (проблема субъекта) // Известия АН СССР. ОЛЯ. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 325–332.
24. Стернин И. А. Модели описания коммуникативного поведения. – Воронеж: Гарант, 2015. – 52 с.
25. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. – М.: URSS, 2024. – 160 с.
26. Харченко Л. И. Общее и национально-специфическое в коммуникативном поведении русских и иранцев // Россия–Иран: диалог культур: международная научная конференция, 8 апреля 2016 года / под науч. ред. А. С. Запесоцкого. – СПб.: СПбГУП, 2017. – С. 89–93.
27. Шарифиян Ф. Лингвокультурология: концептуализации в области культуры и языка. Рафсанджан: Рафсанджанский университет им. Вали Аср, 2019. – 225 с.
28. Язданмехр С. М. Д. Речевой этикет приветствия в русско-персидском сопоставительном аспекте // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 1 (104). – С. 478–480.
29. Язданмехр С. М. Д., Салими А. К. Русский речевой этикет соболезнования, сочувствия и сопереживания в зеркале персидского языка // Гуманитарные исследования. – 2024. – № 2 (90). – С. 22–27.

Личный вклад соавторов
 Personal co-authors contribution
 60/40 %

Rudabe Es'haq, Zeynab Isakhan kizi Mohammadi

Linguocultural Characteristics of Modern Russian and Iranian Etiquette

As is known, the cultural experience of each nation is reflected in a combination of factors, namely through language, speech communication, a set of stable expressions, communication stereotypes, etc. Each nation has unique characteristics that reflect its experience and traditions; each state has its own national feature of speech etiquette. This article is an attempt to comparatively analyze the linguocultural characteristics of modern Russian and Persian languages, focusing on identifying both similarities and significant differences that can lead to intercultural discrepancies. In addition to defining the concept of "linguaculture", we will consider key concepts such as politeness, etiquette actions and communicative behavior in the context of two different cultures. Communicative behavior, including speech style, speech rate, use of pauses, straightforwardness or indirectness of statements, is also an important aspect of linguocultural analysis. Analysis of all these aspects will allow us to understand how the features of Russian and Iranian cultures are reflected in the linguistic behavior of their speakers and how these differences can affect the effectiveness of intercultural communication.

Key words: linguaculture, speech etiquette, etiquette actions, communicative behavior, Russian etiquette, Iranian etiquette.

For citation: Es'haq, R., Mohammadi, Z. I. (2025) Lingvokul'turny'e karakteristiki sovremennogo russkogo i iranskogo e'tiketa [Linguocultural Characteristics of Modern Russian and Iranian Etiquette]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 183–197. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2025_3_183. EDN: LITZWQ

References

1. Arytyunova, N. D. (1981) Faktor adresata [Addressee factor]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka – News of the USSR Academy of Sciences. Literature and Language Series*. Vol. 40. Issue 4. Pp. 356–367. (In Russian).
2. Azin, M. R. (2018) Nacional'naya specifika kommunikativnoj kategorii «vezhlivost'» v russko- i persoyazychnoj lingvokul'turah [National specificity of the communicative category "politeness" in Russian- and Persian-language linguacultures]. *Russkij yazyk za rubezhom – Russian language abroad*. No. 3 (268). Pp. 69–72. (In Russian).
3. Ahmadi, Z. (2014) Vezhlivost' i ponyatie «taarof» v iranskoj kul'ture [Politeness and the concept of "taarof" in Iranian culture]. *Istoriya i sovremennost'. Nauka i shkola – History and modernity. Science and school*. No. 3. Pp. 102–106. (In Russian).
4. Ashtiani Madzhdabadi, K. N. (2023) Rechevoj etiket v russkoj i persidskoj lingvokul'turah (na primere soboleznovaniya) [Speech etiquette in Russian and Persian linguistic cultures (using condolences as an example)]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The world of science, culture, education*. No. 3 (100). Pp. 231–233. (In Russian).
5. Benakk'o, R. (1997) Vyrazhenie vezhlivosti formami povelitel'nogo nakloneniya nesovershennogo i sovershennogo vida v russkom yazyke [Expression of politeness by forms of imperative mood of imperfective and perfective aspect in Russian]. *Trudy aspektologicheskogo seminaru filologicheskogo fakul'teta MGU im. M.V. Lomonosova. Tom 3*. [Proceedings of the aspectological seminar of the philological faculty of Moscow State University named after M. V. Lomonosov.]. Vol. 3. Moscow: Moscow University Publ. Pp. 6–17. (In Russian).
6. Vereshchagin, E. M., Kostomarov, V. G. (1999) V poiskah novyh putej razvitiya lingvostranovedeniya: koncepciya rechepovedencheskikh taktik [In Search of New Ways of Developing Linguistic and Regional Studies: The Concept of Speech-Behavioral Tactics] Moscow. (In Russian).
7. Vorob'ev, V. V. (1997) *Lingvokul'turologiya: teoriya i metody* [Linguocultural studies: theory and methods]. Moscow: Publishing house RUDN. (In Russian).

8. Golami, S., Hormati, H. (2021) *Prakticheskoe rukovodstvo po razvitiyu navykov empatii* [A Practical Guide to Developing Empathy Skills]. Tehran: Roshde Farhang Publ. (In Persian).
9. Golestan, P. (2012) *Sopostavitel'naya harakteristika rechevogo etiketa v russkikh i persidskikh delovykh pis'mah* [Comparative characteristics of speech etiquette in Russian and Persian business letters]. *Vestnik Centra mezhdunarodnogo obrazovaniya Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika – Bulletin of the Center for International Education of Moscow State University. Philology. Cultural Studies. Pedagogy. Methodology.* No. 4. Pp. 89–92. (In Russian).
10. Karasik, V. I. (2001) *O kategoriakh lingvokul'turologii. Yazykovaya lichnost': problemy kommunikativnoj deyatel'nosti* [On the categories of linguacultural studies. Linguistic personality: problems of communicative activity]. Volgograd: Volgograd. (In Russian).
11. Karasik, V. I. (2002) *Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskursy* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena Publ. (In Russian).
12. Krasnyh, V. V. (2002) *Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologiya* [Ethnopsycholinguistics and linguacultural studies]. Moscow: Gnosis Publ. (In Russian).
13. Kostomarov, V. G. (1967) *Russkij rechevoj etiket* [Russian speech etiquette]. *Russkij yazyk za rubezhom – Russian language abroad.* No. 1. Pp. 56–62. (In Russian).
14. Kotlaki, S. (2010) *Vezhlivost', komplimenty i koncepciya lica v iranskoj kul'ture* [Politeness, compliments and the concept of face in Iranian culture]. Tehran: Entesharate Elmi Farhangi Publ. (In Persian).
15. Koshmanova, O. V. (2008) *Kratkij ocherk iranskogo kommunikativnogo povedeniya* [Brief essay on Iranian communicative behavior]. *Kommunikativnye issledovaniya, Centr teorii i praktiki rechevoj kommunikacii Yaroslavl'skogo GPU, Kafedra mezhkul'turnoj kommunikacii Rossijskogo GPU im. Gercena* [Communication studies, Center for the theory and practice of speech communication of the Yaroslavl State Pedagogical University, Department of intercultural communication of the Herzen State Pedagogical University of Russia]. Voronezh. Pp. 28–31. (In Russian).
16. Kuz'mina, N. A., Abrosimova, E. A. (2012) *Aktivnye processy v russkom yazyke i kommunikacii novejshego vremeni: hrestomatiya* [Active processes in the Russian language and communication of modern times: anthology]. Omsk: Omskij universitet. (In Russian).
17. Larina, T. V. (2009) *Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikacii: sopostavlenie anglijskikh i russkikh lingvokul'turnykh tradicij* [Category of politeness and communication style: comparison of English and Russian linguocultural traditions]. Moscow. (In Russian).
18. Maslova, V. A. (2001) *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow: Academy Publ. (In Russian).
19. Madaeni, A. A., Mostafavi, G. H. (2013) *Nominacii-koncepty rechevogo etiketa v russkom i persidskom yazykah* [Nominations-concepts of speech etiquette in Russian and Persian languages]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk – Actual problems of humanitarian and natural sciences.* No. 8. Pp. 182–186. (In Russian).
20. Nikonov, V. A. (1974) *Imya i obshchestvo* [Name and society]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
21. Paducheva, E. V. (1992) *Semantika i pragmatika nesovershennogo vida imperativa* [Semantics and pragmatics of the imperfective aspect of the imperative]. *Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa. – 2-e izd., ispr. i dop.* [Semantic studies: Semantics of time and aspect in Russian; Semantics of narrative. 2nd ed., corrected and supplemented]. Moscow: Nauka Publ. Pp. 66–84. (In Russian).
22. Prohorov, YU. E. (1997) *Nacional'nye sociokul'turnye stereotipy rechevogo obshcheniya i ih rol' v mezhkul'turnoj kommunikacii* [National socio-cultural stereotypes of speech communication and their role in intercultural communication]. *Funkcional'nye issledovaniya: Sbornik statej po lingvistike* [Functional studies: Collection of articles on linguistics]. Moscow. Issue 4. Pp. 5–21. (In Russian).
23. Stepanov, YU. S. (1981) *V poiskah pragmatiki (problema sub'ekta)* [In Search of Pragmatics (the Problem of the Subject)]. *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka – Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Department of Literature and Language.* Vol. 40. No. 4. Pp. 325–332. (In Russian).

24. Sternin, I. A. (2015) *Modeli opisaniya kommunikativnogo povedeniya* [Models for describing communicative behavior]. Voronezh: Garant Publ. (In Russian).

25. Formanovskaya, N. I. (2024) *Russkij rechevoj etiket: lingvisticheskij i metodicheskij aspekty* [Russian speech etiquette: linguistic and methodological aspects]. Moscow: URSS publishing group. (In Russian).

26. Harchenkova, L. I. (2016) *Obshchee i nacional'no-spezificheskoe v kommunikativnom povedenii russkikh i irancev* [General and national-specific in the communicative behavior of Russians and Iranians]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo GUP. Seriya Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya – Bulletin of the St. Petersburg State Unitary Enterprise. Series Linguistics and Intercultural Communication*. No. 4. Pp. 115–120. (In Russian).

27. Sharifiyan, F. (2019) *Ligvokul'turologiya: konceptualizacii v oblasti kul'tury i yazyka* [Ligucultural Studies: Conceptualizations in the Field of Culture and Language]. Rafsanjan: Rafsanjan University named after Vali Asr. (In Persian).

28. Yazdanmekhr, S. M. D. (2024) *Rechevoj etiket privetstviya v russko-persidskom sopostavitel'nom aspekte* [Speech etiquette of greeting in Russian-Persian comparative aspect]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – World of science, culture, education*. No. 1 (104). Pp. 478–480. (In Russian).

29. Yazdanmekhr, S. M. D., Salimi, A. K. (2024) *Russkij rechevoj etiket soboleznovaniya, sochuvstviya i soperezhivaniya v zerkale persidskogo yazyka* [Russian speech etiquette of condolences, sympathy and empathy in the mirror of the Persian language]. *Gumanitarnye issledovaniya – Humanitarian studies*. No. 2 (90). Pp. 22–27. (In Russian).

Об авторах

Эсхаг Рудабег, старший преподаватель, Исламский университет Азад, Западно-тегеранское отделение, кандидат филологических наук (Тегеран, Иран); e-mail: eshagh.roodabeh@iau.ac.ir; ORCID ID: 0000-0003-1313-1491

Мохаммади Зейнаб Исахан кызы, старший преподаватель, Исламский университет Азад, Северо-тегеранское отделение, кандидат филологических наук (Тегеран, Иран); e-mail: zeinab.mohammadi@iau.ac.ir; ORCID ID: 0000-0002-7712-3493

About the Authors

Rudabe Es'haq, Senior Lecturer, Islamic Azad University, WT.C., PhD in Philology (Tehran, Iran); e-mail: eshagh.roodabeh@iau.ac.ir; ORCID ID: 0000-0003-1313-1491

Zeynab Isakhan kizi Mohammadi, Senior Lecturer, Islamic Azad University, NT.C., PhD in Philology (Tehran, Iran); e-mail: zeinab.mohammadi@iau.ac.ir; ORCID ID: 0000-0002-7712-3493

дата получения: 20.07.2025 г.
дата принятия: 30.08.2025 г.
дата публикации: 30.09.2025 г.

date of receiving: 20 July 2025
date of acceptance: 30 August 2025
date of publication: 30 September 2025

Д. Р. Гасимова

Выражение национального колорита в переводах на русский и азербайджанский языки романа Л. Фейхтвангера «Братья Лаутензак»

Понятие «национальный колорит» включает в себя все, что связано с обычаями и традициями, бытом, нравственными ценностями народа. Степень выраженности национального колорита в разных произведениях различная. Он находит свое отражение как в грамматической, лексической, семантической структурах, так и в содержании произведения. Многие проблемы перевода связаны с передачей национального колорита. В статье проводится сравнительный анализ переводов на русский и азербайджанский языки романа Л. Фейхтвангера «Братья Лаутензак», чтобы выяснить, удалось ли передать на целевой язык национально окрашенные элементы. Сравнение текстов оригинала и переводов показало, что переводчики отразили национальный колорит с помощью выбора слов и идиоматических выражений; сохранения структуры предложений оригинала; использования моделей диалектной или регионально окрашенной лексики целевого языка; пояснений и сносок; сохранения авторского стиля. Выявлены такие способы передачи национального колорита: заимствования, калькирование, описательный перевод, использование аналогий, опущения и добавления.

Ключевые слова: художественное произведение, национальный колорит, реалии – носители национального колорита, способы передачи реалий на иностранный язык.

Для цитирования: Гасимова Д. Р. Выражение национального колорита в переводах на русский и азербайджанский языки романа Л. Фейхтвангера «Братья Лаутензак» // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 3. – С. 198–211. DOI: 10.35231/25419803_2025_3_198. EDN: JSOAAA

Еще в XVIII веке немецкие философы Гердер и Фихте рассматривали нацию как организм с коллективной душой и коллективным характером. Естественным выражением этой души выступает при этом язык. Он является средством внутреннего объединения, сплоченности и одновременно инструментом внешнего разграничивания, различия. Нация рассматривалась философами как семья, у которой общие предки, признаки и цели, как писал Гердер в «Трактате о происхождении языка» [9].

В основе концепции Фихте лежит идея конструкции нации, его стратегия – воспитание нации. Посредством воспитания немцы смогут стать единым целым, «национальным телом» [8, s. 23]. Язык оказывает на это органическое тело неимоверное влияние. Язык объединяет человеческую массу единым разумом [8, s. 72]. По Фихте, язык – центральный критерий самобытности. Решающим тут является вопрос: был ли сохранен язык или был перенят чужой язык? Последний факт, как следствие, повлек бы растворение в чужой культуре, поверхностную жизнь языка, оторванного от своего живого корня. Но немцы всегда жили на своих исконных землях и говорили на живом языке [8, s. 58]. Рассуждая таким образом, Фихте отождествляет языковые границы с географическими и считает, что границы господства немецкой нации напрямую зависят от степени распространения немецкого языка [8, s. 228].

Великий немецкий романтик-идеалист В. Гумбольдт, занимавшийся разработкой проблемы национального содержания языка, писал: «Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, а его дух есть язык: тождество обоих нельзя точнее помыслить» [5, с. 161]. Т. А. Фесенко, анализируя работы Гумбольдта о языке, отмечает его важную мысль о том, что различие языков обусловлено не различием языковых знаков, а различием мировоззрений [4, с. 18].

Своеобразие языка ярче всего проявляется в литературе, где духу народа не поставлено никаких границ, где отчетливо проявляется национальный колорит. Для успешного же перевода литературного произведения и сохранения его национального колорита переводчик должен не только в совершенстве владеть исходным и целевым языками, но и глубоко знать свою и чужую культуру. Задача переводчика заключается как в передаче текста на целевой язык, так и в передаче фактов культуры. Большие трудности могут представлять национально окрашенные элементы. Когда культуры обнаруживают много схожих черт, перевод несколько упрощается, в частности, перевод этих элементов.

Материалы и методы

В статье проводится сравнительный анализ произведения Л. Фейхтвангера «Братья Лаутензак» и его переводов на рус-

ский и азербайджанский языки, чтобы выяснить, удалось ли сохранить в переводах национальный колорит романа, передать на целевой язык национально окрашенные элементы.

Литературные произведения характеризуются своей субъективностью, связанной с культурно обусловленным мировоззрением автора, которое должно найти свое обязательное отражение в переводе. Субъективность же переводчика ведет, как следствие, к тому, что может быть несколько вариантов перевода одного и того же оригинального текста. Восприятие перевода читателем также субъективно и индивидуально.

Знаменитая австрийская переводчица и славистка Э. Маркштейн писала: «Переводчик, равно как писатель, обладающий художественным талантом, должен уметь преобразовывать произведение на одном языке в произведение на другом. Талант и радость труда есть фундамент довольно важный, но не вполне достаточный» [13, s. 20] (перевод здесь и далее цитат из научных работ с немецкого языка наш. – Д. Г.). Данная цитата показывает, что перевод художественных произведений предполагает наличие особых способностей, сопоставимых с писательскими. Однако переводчик не имеет той свободы действий, которая есть у автора. Оригинальное произведение не может быть сокращено, дополнено или переделано¹ [16, s. 57]. Известный теоретик перевода Иржи Леви считал, что переводчик художественного произведения должен рассматриваться как креативный сосоздатель, который «должен проработать методику реконструкции реальности» [12, s. 45].

Результаты

Ценность литературного или любого другого произведения искусства измеряется тем, насколько в нем отражены национальный характер и жизнь народа, национальный колорит. Национальный колорит – это своеобразные национальные особенности, находящие выражение в художественном произведении и реализуемые в его образной системе.

Национальный колорит, выраженный с помощью специальных выразительных средств, – это результат целенаправленного намерения изложить получателю какие-либо события, разво-

¹ Weiß, Dorothea. Catull, und der Übersetzungsvergleich. Pegasus-Onlinezeitschrift VII/1. P. 8. Available at: http://www.pegasus-onlinezeitschrift.de/2007_1/erga_1_2007_weiss.html (accessed 02 May 2025).

рачивающиеся на совершенно реальном фоне. В противоположность этой сознательной стилистико-языковой грунтовке, естественный колорит позволяет получателю без применения каких-либо приемов познакомиться с вполне правдивыми образами определенной эпохи, представителями нации, различными общественными условиями. Будучи современником описываемых фактов или реконструируя их, автор использует для их обозначения знакомые ему наименования. Особый интерес представляют при этом реалии прошлого – названия должностей и званий, забытых на сегодняшний день предметов, модных явлений и т. д. Они являются доказательством того, что слова и выражения не исчезают вдруг из языка. В современном литературном языке они выходят из употребления, но продолжают использоваться в отдельных социальных и территориальных диалектах, а также в народной разговорной речи.

Согласно В. Коллеру, под реалиями вообще понимаются специфичные для разных стран обстоятельства политического, институционального, социокультурного, географического вида [10, с. 232]. Это могут быть как целые классы, включающие обычаи и традиции, блюда и напитки, так и отдельные предметы.

На сегодняшний день существуют различные классификации реалий. С. И. Влахов и С. П. Флорин делят реалии по предметному, местному, временному и переводческому критерию [3, с. 65]. В. С. Виноградов подразделяет реалии на: 1) бытовые реалии; 2) этнографические и мифологические; 3) реалии мира природы; 4) реалии государственно-административного устройства и общественной жизни (актуальные и исторические); 5) ономастические реалии; 6) ассоциативные реалии [2, с. 104–110]. Л. С. Бархударов группирует реалии на слова, обозначающие разного рода предметы материальной и духовной культуры, свойственные только данному народу, например, названия блюд национальной кухни, видов народной одежды и обуви, народных танцев, видов устного народного творчества и т. д., а также слова и устойчивые словосочетания, обозначающие характерные только для данной страны политические учреждения и общественные явления, торговые и общественные заведения [1, с. 95].

Если обратимся к более поздним классификациям, то исследователь Ян Педерсен также выделяет довольно широкий

спектр сфер, к которым относятся реалии, а именно: литература, реклама, имена знаменитостей, названия организаций, населенных пунктов, еда и напитки, правительство, развлечение, образование, спорт, религия [15, р. 59].

П. Ньюмарк различает шесть категорий реалий: реалии, связанные с экологией, общественной, личной жизнью, обычаями, различными видами деятельности, личными пристрастиями [14, р. 173].

В лингвистической литературе последних лет выделяют следующие способы передачи реалий на иностранный язык.

1. Заимствование. К нему относятся такие приемы, как транскрипция и транслитерация. При таком способе перевода слово либо легко ассимилируется, либо без каких-либо изменений заимствуется целевым языком. Переводчик при этом должен убедиться в том, что у читателя перевода для понимания значения этого слова уже есть некоторое представление о культуре исходного языка. Это хороший выбор в случае, если он хочет донести до своего читателя чуждые элементы другой культуры: нем. *der Parteigenosse* – рус. *партайгеноссе*, азерб. *partayqenosse*.

2. Калькирование – это буквальный перевод по частям чужого слова, вплоть до перевода отдельных морфем, при соблюдении словообразовательных норм целевого языка: нем. *die Volkskammer* – рус. *Народная палата*, азерб. *Xalq Palatasi*.

3. Описательный перевод. Этот способ перевода реалии заключается в раскрытии значения реалии при помощи ее более или менее развернутой дефиниции. Такой перевод содержит знания об исходной культуре. В художественном тексте переводчики обычно сочетают транскрипцию или калькирование и описательный перевод, приводя его в сноске: нем. *die Landwehr* – рус. *ландвер*, в вильгельмовской Германии категория военнообязанных, отбывших срок действительной службы и находящихся в резерве, азерб. *Landver, ikinci dərəcəli və ya ehtiyat qüvvələr*.

4. Использование аналогий в целевом языке. При данном способе перевода не обязательна передача всех отличительных черт исходной культуры в переводе на целевой язык. Реалия переводится приблизительным эквивалентом (аналогом) целевого языка: нем. *die Brezel* – рус. *крендель*, азерб. *Simit*.

5. Гипо-гиперонимический перевод. В целевом языке слово с более широким значением (гипероним) заменяет слово более узкого значения (гипоним) исходного языка. Специфические признаки реалий при этом отбрасываются, что приводит к потере точности и национально-культурного колорита. Особенно часто названия и имена передаются нарицательными существительными: нем. *der Skat* – рус. *карточная игра*, азерб. *kart oyunu*.

Обратное явление наблюдается, когда переводчик хочет внедрить в текст перевода элементы исходного языка. Тем самым происходит замена гиперонима гипонимом.

6. Перевод посредством согипонимов. Согипонимы – это слова, имеющие общий гипероним (слово обобщенной семантики): нем. *die Maultaschen*. – рус. *маульташены* (гипероним), *пельмени* и *вареники* (согипонимы); азерб. *maultaşen* (гипероним), *düşbəre* и *gürzə* (согипонимы).

7. Опускания. Опусканию подвергаются как отдельные слова, так и целые абзацы. Некоторые лингвисты говорят при этом о процессе переводческой обработки текста: нем. *die Tempotaschentücher* – рус. *носовые платки*, азерб. *cib dəsmallar*.

8. Добавления. Примечания, приводимые в сноске или располагаемые в приложении, относятся к типичным переводческим добавлениям. С их помощью читатель целевого языка узнает важные факты, касающиеся исходной культуры: нем. *die Hohenzollern* – рус. *династия Гогенцоллернов*, азерб. *Hohensollernlər nəslı*.

Из вышеперечисленных способов заимствование, калькирование и добавление ориентированы больше на исходный язык, в то время как опущение – на целевой. При выборе способа перевода переводчику следует разъяснить себе, является ли сохранение реалии в целевом тексте, а также принятие, внедрение и даже подчеркивание культурных различий целесообразным или все-таки следует защитить текст от избыточной чуждости. Задаваясь вопросом о полном отказе от вмешательства переводчика в содержание текста, В. Коллер констатирует: «Ответить на этот вопрос в общей форме невозможно. Перевод – это не только воспроизведение текста. Выполняя свою основную функцию, он должен быть также произведением текста (с комментирующими элементами,

модификациями и т. п.), что создаст хорошие предпосылки для разного рода вмешательств» [11, s. 112].

В нашей статье мы проведем сравнительное исследование переводов романа Л. Фейхтвангера «Братья Лаутензак» на русский и азербайджанский языки и проследим, как переводчикам удалось сохранить в своих переводах национальный колорит романа, передать на целевой язык национально окрашенные элементы.

Лион Фейхтвангер – один из интереснейших представителей немецкой литературы изгнания, который эмигрировал из Германии после прихода к власти нацистов. Среди наиболее известных произведений Фейхтвангера можно назвать «Безобразную герцогиню Маргариту Маульташ», «Семью Опперман», «Испанскую балладу», «Иефая и его дочь» и исследуемый нами роман «Братья Лаутензак».

Главный герой романа – ясновидящий Оскар Лаутензак – связывает свой необычный талант с фашистской идеологией, после чего добивается небывалых успехов. Вскоре он становится другом и советником самого Гитлера. Выясняется, что их объединяет тяга к господству, воздействию напыщенной речью не на разум, а чувства людей. По сути, оба они мошенники и жулики, грубияны, завистники, кровопийцы и мстители.

Братья Оскар и Ганс Лаутензак, несмотря на различие характеров, внутренне очень близки. Но эта близость обусловлена не наличием, а наоборот, отсутствием определенных черт. Оба брата лишены высоких человеческих качеств. В силу обстоятельств они получают возможность оказывать решающее влияние как на внутреннюю, так и внешнюю политику Германии. Именно по этой причине внутренняя ничтожность братьев становится весьма опасной.

Стремительный взлет и падение Оскара Лаутензака, условно верящего в свою необычную судьбу, предательство Ганса – все это было не случайностью, а закономерностью и нашло свое убедительное художественное отражение в произведении. Смерть Оскара носит символический характер и свидетельствует о скором политическом и идеологическом крахе немецкого фашизма.

Теперь же перейдем непосредственно к переводам данного произведения на русский и азербайджанский языки

и рассмотрим, как переводчикам удалось выразить национальный колорит.

Тематика романа обусловила большое количество общественно-политических реалий. Так, в следующем примере оба переводчика для передачи немецкой реалии *Gefreiter* используют заимствования: рус. *ефрейтор*, азерб. *yefreytor*. Данная реалия была заимствована из немецкого языка русским. Претерпев в русском языке определенные фонетические изменения, это слово перешло в азербайджанский:

1. Alois ist damals **Postgefreiter** gewesen, er hatte die Briefe des Bataillons zu zensurieren ... [7, s. 11] / В те времена Алоиз служил **ефрейтором** и был при батальоне почтовым цензором ... [6, с. 6] / Alois onda rəbitə bölməsində **yefreytor** idi və batalyona gələn məktubları senzuradan keçirirdi [16, s. 71].

Аналогичным образом поступает русский переводчик и в следующем предложении, в то время как азербайджанский использует функциональный аналог *bələdiyyə rəisi*:

2. Für seinen Vater, den Magistratssekretär, war der Verkehr mit feinen Leuten, mit dem **Bürgermeister** Osterhuber oder mit dem reichen Getreidehändler Ehrental, die Krone des Lebens gewesen [7, s. 40]. / Для его отца, секретаря муниципального совета, знакомство с именитыми людьми вроде **бургомистра** Остергубера или богатого хлеботорговца Эреннала было пределом желаний [6, с. 35]. / Şəhər bələdiyyə idarəsinin katibi olan atasının ən böyük arzusu nəcib adamlarla – **bələdiyyə rəisi** Osterhuberlə, taxıl alverçisi Erentalla oturub-durmaq idi [16, s. 498].

Для передачи слова *Stabschef* в русском используется полукалька, в азербайджанском – функциональный аналог:

3. Zinsdorff erzählte beiläufig, er habe die Silvesternacht bei dem **Stabschef** verbracht, bei Manfred Proell [7, s. 65]. / Цинздорф сообщал, между прочим, что он встречал Новый год у **начальника штаба** Манфреда Проэля [6, с. 59]. / Tsinzdorf sözarası eşitirdi ki, Yeni il axşamını **qərargah rəisi** Manfred Proella keçirib [16, s. 522].

Реалия *Reichsminister* на азербайджанский язык передается полукалькой. В русском же переводе она подвергается частичному опущению:

4. Zweitausend Mark sind das Gehalt eines **Reichsministers** [7, s. 120]. / Две тысячи марок – да ведь это оклад **министра** [6, с. 114]. / İki min mark **reyx nazirinin** maaşıdır [16, s. 573].

В произведении несколько раз встречается этнографическая реалья *Hanswurst* (Гансвурст – комический персонаж немецкого и австрийского народного театра). Так, в первом случае она входит в состав устойчивого выражения *den Hanswurst machen* (*разыгрывать шума*, *təlxəxlik etmək*), а во втором выступает как самостоятельное слово. Посмотрим, как переводчикам удалось передать эту реалию на целевой язык:

5. *Er wollte sich nicht länger vor diese Großkopfigen hinstellen und ihnen **den Hanswurst machen*** [7, s. 75]. / Не желает он больше **разыгрывать шума, ломать комедию** перед этой знатью... [6, с. 69] / *Bu kübarların qarşısında çox alçalmaıasaq, **təlxəxlik etməyəcək*** [16, s. 531].

Как видим, входящее в состав устойчивого выражения национально окрашенное слово оба переводчика также перевели словосочетанием.

6. *Im Ernst kann sie sich nicht für diesen finsternen **Hanswurst** entscheiden gegen mich* [7, s. 142]. / Не может же она всерьез выбрать из нас двоих этого мрачного **шума** [6, с. 136]. / *Yox, qardaşını heç vaxt o **ağzı qatıqlı gədən**in ayağına verməz!* [16, s. 593]. В этом предложении русский переводчик воспользовался имеющимся в целевом языке эквивалентом, а азербайджанский – приемом описательного перевода.

Не менее известным персонажем немецкого народного творчества является Тиль Уленшпигель, имя которого оба переводчика транскрибируют. Азербайджанский переводчик в сноске дает следующее пояснение: «*Till Oylenspiigel – alman xalq yaradıcılığında məzəli lətifələrin baş qəhrəmanı*» [16, s. 643].

7. *Er habe nie ein Hehl daraus gemacht, dass er seriöse Versuche mische mit allerlei **Till-Eulenspiegeleien*** ... [7, s. 196] / Он никогда и не скрывал, что сочетает серьезные опыты с разного рода трюками, в духе **Тюля Уленшпигеля** ... [6, с. 187] / *Hər ciddi eksperimentə **Till Oylenspiigelsayağı** bəzək-düzək vurduğunu heç vaxt gizlətməyib...* [16, s. 643].

Для передачи названия *Apfelstrudel* (традиционная немецкая выпечка) в обоих языках был применен аналог:

8. *Sie trug **Apfelstrudel** auf und Schlagsahne* [7, s. 91]. / Она подает **слоеный пирог с яблоками** и взбитыми сливками [6, с. 86]. / *Gedib **alma pıroqu** və sıyıq qaymaq gətirir* [16, s. 546].

Рассмотрим теперь, как был переведен на целевой язык немецкий фразеологизм *an (bei) j-m ist Hopfen und Malz verloren*:

9. "**An dir ist Hopfen und Malz verloren**", – sagte Hannsjörg [7, s. 110]. / **Для тебя и трудиться не стоит**, – сказал Гансйорг [6, с. 104]. / **Səni adam eləmək çətin məsələdir**, – Hansyörq dedi [16, s. 564].

Как видно из примеров, оба переводчика нашли подходящие фразеологизмы в языке перевода.

Входящее в состав фразеологизма *sein Licht unter den Scheffel stellen* слово *Scheffel* (шеффель) обозначает старую меру зерна. Русский переводчик использует эквивалентный фразеологизм, азербайджанский – прием описательного перевода:

10. Ich sollte **mein Licht nicht unter den Scheffel stellen** [7, s. 43]. / Я не должен, не вправе **зарывать свой талант** [6, с. 37]. / Mən gərək bu **istedadımı gizlətməyəydim** [16, s. 501].

Обсуждение и выводы

Достаточно внимательное сравнение текстов оригинала и переводов романа Л. Фейхтвангера «Братья Лаутензак» на русский и азербайджанский языки позволило нам убедиться в том, что выражение национального колорита в художественном переводе – это комплексная задача, охватывающая как языковые, так и культурные аспекты. Переводчики применили следующие лингвистические способы передачи национального колорита.

* Выбор слов и идиоматических выражений. В соответствующих случаях переводчики или намеренно сохраняли немецкие обороты речи, пословицы и идиомы, или же заменяли их адекватными эквивалентами в целевом языке.

* Сохранение структуры предложения оригинала. Сохранение структуры предложения оригинала принципиально важно для передачи типичного звучания языка. Сюда можно отнести склонность немецкого языка к длинным разветвленным предложениям, которые весьма характерны для немецкой классической литературы.

* Использование моделей диалектной или регионально окрашенной лексики. При наличии в оригинале слов из региональных диалектов или специфических социолектов целесообразным является создание по их образцу соот-

ветствующих вариаций в целевом языке. Чтобы избежать искусственности и неестественности, переводчик должен обладать очень тонким чутьем.

* Пояснения и сноски. Немецкая литература имеет богатые культурные и исторические традиции. Если для их передачи перевод оказывается недостаточным, переводчик, как мы имели возможность наблюдать, может прибегнуть к пояснениям и сноскам.

* Сохранение авторского стиля. Индивидуальный стиль автора невольно несет в себе национальный колорит, поэтому переводчики постарались сохранить не только содержание, но и стилистическое своеобразие оригинала.

Все указанное выше переводчикам удалось осуществить посредством следующих способов: заимствования, калькирования, описательного перевода, использования аналогий, опущения и добавления.

Список литературы

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
2. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, 1980. – 141 с.
4. Фесенко Т. А. Лингвофилософская концепция В. фон Гумбольдта в контексте семиотики // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. – № 2. – С. 16–24.
5. Постовалова В. И. Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. – М.: Наука, 1982. – 220 с.
6. Фейхтвангер Л. Братья Лаутензак // Фейхтвангер Л. Собрание сочинений в 20 т. – М.: Терра – Книжный клуб, 2001. – Т. 12. / перевод В. Станкевич. – 322 с.
7. Feuchtwanger L. Die Brüder Lautensack. Simone. – Berlin: Aufbau-Verlag, 1984. – 650 s.
8. Fichte J. G. Reden an die deutsche Nation. – Hamburg: Meiner, 1978. – XLI, 268 s. (Philosophische Bibliothek. Bd. 204).
9. Herder J. G. Abhandlung über den Ursprung der Sprache. – Stuttgart: Reclam, 2001. – 176 s.
10. Koller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. – 3 Auflage. – Heidelberg: Quelle und Meyer, 1987. – 290 s.
11. Koller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. – 7, aktualisierte Aufl. – Wiebelsheim: Quelle und Meyer, 2004. – 343 s.

12. Levy J. Die literarische Übersetzung: Theorie einer Kunstgattung. – Frankfurt am Main: Athenäum-Verl., 1969. – 308 s.
13. Markstein E. Textproduktion als literarische Praxis. Die literarische Übersetzung // Berufsbilder für Übersetzer und Dolmetscher. Perspektiven nach dem Studium. – Wien: WUV Universitätsverlag, 2002. – S. 20–23.
14. Newmark P. Translation and Culture // Meaning in Translation. Barbara Lewandowska-Tomaszczyk (ed.). – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2010. – S. 171–182.
15. Pedersen J. Subtitling Norms for Television: An Exploration Focussing on Extralinguistic Cultural References. – Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publ., 2011. – 242 p.
16. Feyhtvanqer L. Seçilmiş əsərləri. – Bakı: Şərq-Qərb, 2010. – 808 səh.

Jamila Gasimova

Expression of National Color in Translations into Russian and Azerbaijani Languages of L. Feuchtwanger's Novel *The Lautensack Brothers*

The concept of "national color" includes everything related to the customs and traditions, everyday life, and moral values of the people. The degree of expression of national color in different works varies. It is reflected in the grammatical, lexical, semantic structures, as well as in the content of the work. Many translation problems are related to the transfer of national color. The article provides a comparative analysis of translations of L. Feuchtwanger's novel *The Lautensack Brothers* into Russian and Azerbaijani to find out whether it was possible to convey nationally colored elements to the target language. Comparison of the original and translated texts showed that the translators reflected national color through the choice of words and idiomatic expressions; syntax and sentence structure; dialects or regionally colored vocabulary; explanations and footnotes; preservation of the author's style. Methods of conveying national color: borrowings, calques, descriptive translation, use of analogies, omissions and additions.

Key words: work of fiction, national color, realia – bearers of national color, ways of translating realia into a foreign language.

For citation: Gasimova, J. (2025) Vyzrazhenie nacional'nogo kolorita v perevodaх na russkij i azerbajdzhanskij yazyki romana L. Fejhtvangerа «Brat'ya Lautenzak» [Expression of National Color in Translations into Russian and Azerbaijani Languages of L. Feuchtwanger's Novel *The Lautensack Brothers*]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 198–211. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2025_3_198. EDN: JSOAAA

References

1. Barkhudarov, L. S. (1975) *Yazyk i perevod (Voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda)* [Language and translation (Issues of general and particular theory of translation)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russian).
2. Vinogradov, V. S. (2001) *Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy)* [Introduction to translation studies (general and lexical issues)]. Moscow: Izdatel'stvo instituta obshchego srednego obrazovaniya. (In Russian).
3. Vlahov, S., Florin, S. (1980) *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in translation]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russian).
4. Fesenko, T. A. (2003) *Lingvofilosofskaya kontseptsiya W. fon Gumbol'dta v kontekste semiotiki* [W. von Humboldt's linguistic and philosophical concept]. *Vestnik VGU, Seriya lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University, Linguistics and Intercultural Communication series*. No. 2. Pp. 16–24. (In Russian).
5. Postovalova, V. I. (1982) *Yazyk kak deyatel'nost'. Opyt interpretatsii kontseptsii W. Gumbol'dta* [Language as an activity. Experience of interpretation of the concept of W. Humboldt]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
6. Feikhtvanger, L. (2001) *Brat'ya Lautenzak [Lautensack brothers] Fejhtvanger L. Sobranie sochinenij v 20 t. Perevod V. Stankevich.* [Feuchtwanger L. Collected Works in 20 volumes]. Vol. 12. Moscow: Terra – Knizhny klub. (In Russian).
7. Feuchtwanger, L. (1984) *Die Brüder Lautensack. Simone.* Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag. (In German).
8. Fichte, J. (1978) *Reden an die deutsche Nation.* Hamburg: Meiner. (Philosophische Bibliothek. Bd. 204). (In German).
9. Herder, J. G. (2001) *Abhandlung über den Ursprung der Sprache.* Stuttgart: Reclam Verlag. (In German).
10. Koller, W. (1987) *Einführung in die Übersetzungswissenschaft.* 3 Auflage. Heidelberg: Quelle und Meyer. (In German).
11. Koller, Werner (2004) *Einführung in die Übersetzungswissenschaft.* Wiesbaden: Quelle und Meyer. (In German).
12. Levy, J. (1969) *Die literarische Übersetzung: Theorie einer Kunstgattung.* Frankfurt am Main: Athenäum-Verl. (In German).
13. Markstein, E. (2002) *Textproduktion als literarische Praxis. Die literarische Übersetzung. Berufsbilder für Übersetzer und Dolmetscher. Perspektiven nach dem Studium.* Wien: WUV Universitätsverlag. S. 20–23. (In German).
14. Newmark, P. (2010) *Translation and Culture. Meaning in Translation.* Barbara Lewandowska-Tomaszczyk (ed.). Frankfurt am Main: Peter Lang. S. 171–182. (In German).
15. Pedersen, J. (2011) *Subtitling Norms for Television: An Exploration Focusing on Extralinguistic Cultural References.* Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publ.
16. Feyxtvanqer, L. (2010) *Seçilmiş əsərləri.* Bakı: Şərq-Qərb. (In Azerbaijani).

Об авторе

Гасимова Джамиля Рамизовна, старший преподаватель, Азербайджанский университет языков (Баку, Республика Азербайджан); e-mail: gasimovajamila@yahoo.de; ORCID ID: 0000-0002-0382-9194

About the Author

Jamila Gasimova, Senior Lecturer, Azerbaijan University of Languages (Baku, Republic of Azerbaijan); e-mail: gasimovajamila@yahoo.de; ORCID ID: 0000-0002-0382-9194

дата получения: 07.07.2025 г.

дата принятия: 30.07.2025 г.

дата публикации: 30.09.2025 г.

date of receiving: 07 July 2025

date of acceptance: 30 July 2025

date of publication: 30 September 2025

[illegible]

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Н. К. Данилова

Поэт о поэтическом восприятии мира

Рецензия на книгу: Кушнер А. Поэтическое восприятие мира. —
СПб.: Дом детской книги, 2021. — 288 с.

В статье предлагается анализ книги А. Кушнера об особенностях поэтической мысли и поэтического строя. Исследование А. Кушнера, поэта и филолога, характеризуется как литературоведческий труд и одновременно как индивидуальное восприятие и переживание лирического текста. Монография состоит из статей, написанных в семидесятые – восьмидесятые годы двадцатого века, посвященных размышлению о творчестве русских поэтов XIX–XX веков. Сегодня они не только не устарели, но особенно привлекают тем, как Кушнер-поэт воспринимает, чувствует, осмысляет поэтическое творчество. и, шире – как искусство осмысляет самоё себя. Автор точно определяет существенные черты художественного мира Пушкина, Тютчева, Ахматовой, Анненского и других, называет особенно значимые черты их произведений. Пытается дать определение наступающей новой эпохе поэзии и новому взгляду на человека.

Ключевые слова: русская поэзия XIX–XX веков, лирика, А. С. Пушкин, А. Блок, О. Мандельштам, поэт и герой в лирике, интонация, рифма.

Для цитирования: Данилова Н. К. Поэт о поэтическом восприятии мира // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 3. – С. 214–219. DOI: 10.35231/25419803_2025_3_214. EDN: HYIHL

В 2021 году в Санкт-Петербурге вышла книга Александра Кушнера о русской поэзии XIX–XX веков – золотого и серебряного веков поэзии. В ней собраны статьи, написанные в семидесятые–восьмидесятые годы двадцатого века, сегодня они не только не устарели, но особенно привлекают тем, как Кушнер-поэт воспринимает, чувствует, осмысляет поэтическое творчество. и, шире – как искусство осмысляет самоё себя.

Начинается размышление обращением к пушкинской лирике, к личности автора в ней. По мнению А. Кушнера, А. Пушкин глубже всех заглянул в себя и именно этим выразил самое важное для всех. По тому, как представлен автор, стихи предлагается разделить на две группы: 1) те, в которых А. Пушкин выступает от себя "с прямой речью", 2) те, в которых он представлялся под масками. Многие из стихов первой группы были опубликованы только после смерти А. Пушкина ("дело не только в щепетильности Пушкина, но и в неподготовленности читателя к таким стихам, слишком отчётливо в них просматривается душа поэта"). Исследователь признается, что отдаёт предпочтение первой группе, в этих стихах ощущается биение пушкинского сердца, напряжение его души и ума («Воспоминание», «Пора, мой друг, пора!..», «Из Пиндемонти»). Отдельно отмечен ряд стихотворений, которые словно находятся на пути из одной группы в другую («Пророк», «Странник»), в них поражает пушкинское неудовлетворённое и ищущее сознание и чувство высокой духовной ответственности.

Автор на примере А. Пушкина указывает на странную связь жизни и творчества. Великое знание тайн человеческого сердца ничем не помогло Пушкину. Может, это и составляет главную прелесть человеческой жизни. То же можно сказать и о поэзии.

От Пушкина идёт основная тенденция современной поэзии – трата всех душевных сил, включение всего личного и общественного выстраданного опыта. Особо оговаривается сложная связь стихов А. Пушкина со стихами И. Анненского и О. Мандельштама.

Отдельная глава посвящена комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». В ней А. Кушнер делится попыткой ещё одного прочтения комедии, сверх принятого и привычного. Ключ к разгадке странностей текста в том, что это комедия в стихах. Она вся пронизана лирической стихией. В разговорах Чацкого и Софьи отмечены поразительные лирические формулы. Выделяя незаконченные, оборванные стихи, исследователь предполагает, что Грибоедов сознательно ограничивал расширение лирического плана ("наступал на горло собственной песне"). Лирической темой здесь названа Россия, огромная страна, бесконечные снежные пространства, окружающие Москву, а важным мотивом –

противопоставление душной и замкнутой Москвы холодным и разомкнутым пространствам.

Размышление о творчестве Н. Некрасова начинается с заявления, что некрасовская тема ушла, но поэзия его остается как живое, насущное явление. Главные черты её: сострадание к чужим несчастьям, стремление к нагой правде, способность смотреть в глаза ужасу, пренебрежение к поэтическим условностям. Завершает А. Кушнер характеристику творчества Некрасова откровением, что настоящее признание Некрасова – для него ещё впереди.

Далее речь идёт о таком распространённом в поэзии явлении, как переключки. Всё более частое обращение к чужому тексту, внедрение в новое произведение известного материала – черты, характерные для многих сфер современного искусства. Новизна отмечена в том, что в ходе этих переключек собственное поэтическое творчество объективируется и становится литературным фактом, пригодным для использования, как и чужой текст. Переключка с чужим голосом происходит на новом уровне.

Первым из видов переключки названо цитирование. Из других: отзвуки, отклики, непреднамеренные совпадения и т. д. Переключка, не осознаваемая воспринимающим сознанием как переключка, ведёт к невосполнимым утратам, однозначности, упрощению. В качестве примера А. Кушнер приводит «Поэму без героя» А. Ахматовой – сегодняшние читатели не замечают в ней отсылки к стихам М. Кузмина.

Автор утверждает, что поэтическая новизна нуждается в поэтической традиции. Время и жизнь диктуют поэту необходимость иных поэтических установок, иной переключки, внушают смену поэтической ориентации и поэтическую новизну.

Следующий объект постижения – творчество А. Блока. Для А. Блока характерно представление о поэте как о человеке, вносящем в мир гармонию и отвечающим за всё, происходящее в мире. Лирический герой стихов Блока – понятие очевидное, в литературоведении много говорилось о безусловной связи поэта (реального человека) и его вымышленного героя. Но А. Кушнер настаивает, что это Герой с большой буквы. Притягательность А. Блока он видит в силе духа, позволившей поэту взвалить на себя героическую роль и выдержать её до конца.

Иной представляется автору позиция поэта и героя в лирике О. Мандельштама, Б. Пастернака, Н. Заболоцкого. Включённость в общую жизнь, отказ от лирической маски, роли и театрализации кажутся наиболее продуктивным и современным отношением поэта к "пожизненности задачи".

В творчестве Ф. Тютчева А. Кушнера поражает удивительная связь стихов и писем. Оговорено, что здесь сходны не только мотивы: разлука, время, расстояние, их таинственная сила и враждебность человеку, – но и духовная напряжённость тех и других, зоркость наблюдений, глубина признаний. Мысль о непрочности жизни преследует Ф. Тютчева в стихах и в письмах. Исследователь замечает, что поэт не сочинял свои стихи, а проживал их, ничего не придумывалось из профессиональных соображений. Главное слово поэзии Ф. Тютчева – душа. Именно этим словом, по мнению автора, был "загипнотизирован" Ф. Тютчев со всей страстью.

Далее А. Кушнер пытается выделить главную черту, многое объясняющую в поэзии И. Анненского, называет её "особой интонационной неровностью". Стихи строятся по типу внутренней речи со всеми перебивками, интонациями разговорной речи. Устная речь – неиссякаемый арсенал поэтической речи, за её счёт обновляется поэтический язык. Делается вывод, что И. Анненский "научил" поэзию новым интонациям, подслушанным в живой речи, и тем оказал влияние на поэтов 1910–1920-х годов.

Если у И. Анненского отмечена разнородная рифма, то у Б. Пастернака определена "виртуозная" рифма. Она названа ведущей осью его поэтической системы, в которой неточная рифма искупается ошеломительной новизной. Такая рифма усложняет синтаксис, задаёт ассоциации, воздействует на эпитет.

Много места уделено размышлениям о поэзии, тайне искусства, связи и противоположности искусства и жизни, тому, как сам поэт воспринимает творчество. А. Кушнер даёт свои определения поэзии, они поражают неожиданностью, точностью и глубиной: «Поэзия – это наша память о том, какой бывает жизнь в лучшие свои минуты. Поэзия – аккумулятор счастья, сгусток энергии». Автор говорит, что в самые тяжёлые годы не утрачивается, а с особой силой проявляется удивительное свойство поэзии – способность вызывать в душе человека представление о счастье. Это касается в том числе

поэзии А. Блока, А. Ахматовой, Б. Пастернака, О. Мандельштама. Речь идёт не о гражданских темах, а о непосредственном поэтическом восприятии мира, о горячем внимании к его подробностям, поэтому, например, любовная лирика А. Ахматовой ни в чём не уступает её «Реквиему».

Завершается книга размышлений «Заметками на полях». А. Кушнер обращает внимание на смену парадигм в 1980-е годы: уходит "комсомольская" поэзия, заявляет о себе авангардная. Новая поэзия кажется автору новой бездарностью. Настоящая новизна поэзии XX века связана с обретением нового взгляда на человека: это осознание ценности жизни в эпоху подавления личности и человечности.

Далее в «Заметках...» следуют интересные и глубокие замечания о стихах Б. Пастернака, В. Маяковского, О. Мандельштама, Е. Баратынского, И. Бродского. И вновь автор возвращается к красоте и непостижимости поэтической мысли: её невозможно пересказать, нельзя путать с мыслью бытовой и даже философской, Она несёт радость.

Natalia Danilova

A Poet on the Poetic Perception of the World

Book review: Kushner, A. (2021) *Poet o poeticheskom vospriyatii mira* [Poetic Perception of the World]. St. Petersburg: House of Children's Books.

The article offers an analysis of the book by A. Kushner on the features of poetic thought and poetic structure. The study of A. Kushner, a poet and philologist, is characterized as a literary work and at the same time as an individual perception and experience of the lyrical text. The monograph consists of articles written in the seventies and eighties of the twentieth century, devoted to reflection on the work of Russian poets of the XIX–XX centuries. Today, they are not only not outdated, but are especially attractive in how Kushner the poet perceives, feels, and understands poetic creativity. and, more broadly, how art understands itself. The author precisely defines the essential features of the artistic world of Pushkin, Tyutchev, Akhmatova, Annensky and others, names especially significant features of their works. Tries to define the coming new era of poetry and a new view of man.

Key words: Russian poetry of the XIX–XX centuries, the lyrics, A. S. Pushkin, A. Blok, O. Mandelstam, the poet and the hero in the lyrics, intonation, rhyme.

For citation: Danilova, N. K. (2025) Poet o poeticheskom vospriyatii mira [A Poet on the Poetic Perception of the World]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 214–219. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2025_3_214. EDN: HYIIHL

Об авторе

Данилова Наталья Кузьминична, научный сотрудник, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: natali-danilov@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-9739-5624

About the Author

Natalia Danilova, Researcher, Pushkin Leningrad State University, PhD in Philology (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: natali-danilov@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-9739-5624

дата получения: 20.06.2025 г.
дата принятия: 30.07.2025 г.
дата публикации: 30.09.2025 г.

date of receiving: 20 June 2025
date of acceptance: 30 July 2025
date of publication: 30 September 2025

Т. В. Мальцева

XXX Международная научная конференция «Пушкинские чтения: художественные стратегии классической и новой словесности»: результаты и перспективы

В обзоре представлены результаты XXX Международной научной конференции «Пушкинские чтения: художественные стратегии классической и новой словесности», проходившей в Ленинградском государственном университете имени А. С. Пушкина 6–7 июня 2025 года (Санкт-Петербург, г. Пушкин). В конференции приняли участие ученые и специалисты российских академических учреждений и университетов из 63 городов России и ученые-русисты из Азербайджана, Беларуси, Ирана, Казахстана, Турции. На конференции были обсуждены следующие научные проблемы: динамика жанровых форм и стилевых тенденций в литературе XVIII–XXI веков; роль художественных образов и концептов в литературном тексте и искусстве; языковые единицы в пространстве текста и в медиакommunikации; цветовые обозначения в языке, речи и художественном тексте. На конференции работало десять секций, пять из них – онлайн, было представлено 110 докладов. Доклады участников конференции подтвердили неослабевающий интерес к личности Пушкина и его наследию, нормативную роль его стиля в современном русском языке и основополагающую роль его гуманистических идей в национальной картине мира.

Ключевые слова: пушкинская тема в литературе и искусстве, современный литературный процесс, литературная критика, научные конференции.

Для цитирования: Мальцева Т. В. XXX Международная научная конференция «Пушкинские чтения: художественные стратегии классической и новой словесности»: результаты и перспективы // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 3. – С. 220–234. DOI: 10.35231/25419803_2025_3_220. EDN: JJASWA

В Ленинградском государственном университете имени А. С. Пушкина 6–7 июня прошла XXX Международная научно-практическая конференция «Пушкинские чтения: художественные стратегии классической и новой словесности». В конференции приняли участие 109 ученых и специалистов российских академических учреждений и университетов из 63 городов России и 20 ученых-русистов из Азербайджана, Беларуси, Ирана, Казахстана, Турции.

© Мальцева Т. В., 2025

На церемонии открытия конференции с приветственным словом к ее участникам обратился ректор ЛГУ им. А. С. Пушкина доктор экономических наук профессор Григорий Викторович Двас. Он отметил повышение интереса к пушкинскому наследию за рубежом и расширение круга участников конференции – в этом году к конференции присоединились ученые и исследователи из пяти стран, которые представляли такие образовательные и научные организации, как Витебский государственный университет им. П. Машерова, Гродненский государственный университет, Минский государственный лингвистический университет, Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси (Беларусь), Гянджинский государственный университет (Азербайджан), Astana IT University, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Казахский национальный медицинский университет им. С. Асфендиярова (Казахстан), Тегеранский университет (Тегеран, Иран), Ататюркский университет, Университет Мехмета Акифа Эрсоя (Турция).

На конференции работали десять секций, пять из них – онлайн, было представлено 110 докладов. Доклады участников конференции подтвердили неослабевающий интерес к личности Пушкина и его наследию, нормативную роль его стиля в современном русском языке и основополагающую роль его гуманистических идей в национальной картине мира. Большинство докладчиков так или иначе обращались к пушкинским текстам, анализировали пушкинские реминисценции в современной литературе, пушкинские образы, ставшие основой национальных концептов.

На пленарном заседании были заслушаны доклады профессора Московского городского педагогического университета д. ф. н. А. В. Громовой (Москва) «В. В. Вересаев и И. А. Новиков как пушкинисты», в котором охарактеризованы два противоположных подхода к описанию личности и биографии Пушкина: Вересаев настаивал на расхождении человеческого и творческого облика писателя (итогом труда Вересаева стали книги «Пушкин в жизни» (1926) и «Спутники Пушкина» (1937), написанные в жанре «биографического монтажа»), а Новиков стремился показать цельность его личности (Новиков создал биографические романы, составившие дилогию «Пушкин

в изгнании» (1936–1944)); профессора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова д. ф. н. И. Б. Ничипорова (Москва) «Непрошедшее детство в сборнике Татьяны Толстой “Невидимая дева”», в котором непрошедшее детство художественно осмыслено как укорененный в архаических пластах культуры психологический и социальный феномен, сквозной сюжет, предмет интеллектуальной и эмоциональной актуализации, проясняющий его связи с историческим временем, реинтерпретирующий полузабытые образы и нарративы, по-новому интонирующий эпизоды из личной и семейной памяти; профессора Витебского государственного университета им. П. Машерова д. ф. н. В. А. Масловой (г. Витебск, Беларусь) «Высшая реальность в творчестве А. С. Пушкина: зов к духовному», в котором были рассмотрены наиболее известные трактовки пушкинского стихотворения «Пророк» и выдвинута авторская версия о значении Божьей воли и роли Провидения в становлении поэта; доцента Уральского государственного юридического университета к. ф. н. С. В. Панченко (г. Екатеринбург) «Пушкинский Екатеринбург: образные средства языка в медиатекстах библиотек», в котором всесторонне проанализированы 100 библиотечных медиатекстов, посвященных А. С. Пушкину в связи с юбилейной датой (225-летие со дня рождения), и выявлены разнообразные средства представления адресату яркого образа великого классика.

В секции «Динамика жанровых форм и стилевых тенденций в литературе XVIII–XXI веков» были обсуждены доклады доцента Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых к. ф. н. С. В. Бузиной (г. Владимир) «Идиллия в творчестве Н. И. Гнедича и П. А. Катенина: опыт сопоставления»; заведующего кафедрой педагогических инноваций и филологии Санкт-Петербургского института бизнеса и инноваций д. п. н. В. А. Доманского (Санкт-Петербург) «Живописное мастерство А. С. Пушкина в изображении кавказских пейзажей»; доцента Череповецкого государственного университета к. ф. н. Е. А. Ерохиной (г. Череповец) «Контраст как приём гармонизации художественного текста Н. М. Мелёхиной»; доцентов Сочинского филиала Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) к. ф. н. В. Е. Калгановой и Э. Л. Михайлова (г. Сочи) «Личность

Михаила Милонова и ее отражение в творчестве»; профессора Санкт-Петербургского института бизнеса и инноваций д. ф. н. О. Б. Кафановой (Санкт-Петербург) «“Маленькие трагедии” А. С. Пушкина в переводах И. С. Тургенева»; заведующего кафедрой второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых д. ф. н. В. В. Королевой (г. Владимир) «К проблеме темпорального слома в повести М. Булгакова “Дьяволиада”»; редактора отдела спецпроектов издательского дома «МР-Пресса» С. В. Лебедева (Москва) «Пушкинский код в малой прозе Л. Добычина»; ассистента Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых А. Р. Притомской (г. Владимир) «Категория времени в новелле В. Брюсова “Сестры”»; доцента Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия к. ф. н. Л. В. Уманцевой (г. Ростов-на-Дону) «Харизматичность А. С. Пушкина: личность и творчество»; аспиранта Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина Ю. В. Аксаментова (Санкт-Петербург) «Поэтика “таинственной прозы”». В целом, в докладах секции было прослежено развитие жанрово-стилевых тенденций русской литературы от пушкинского времени (С. В. Бузина, В. А. Доманский, В. Е. Калганова, Э. Л. Михайлов, Л. В. Уманцева, О. Б. Кафанова) до XX века (В. В. Королева, С. В. Лебедев, А. Р. Притомская) и современности (Е. А. Ерохина), обсуждены пограничные жанрово-стилевые явления (Ю. В. Аксаментов).

В секции «Роль художественных образов и концептов в литературном тексте и искусстве» были обсуждены доклады магистранта Московского городского педагогического университета А. Н. Ермиловой (Москва) «Образ Жанны Дюбарри в творчестве А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского»; доцента Московского городского педагогического университета к. ф. н. Т. С. Карпачевой (Москва) «Психология культовой зависимости в романе Ф. М. Достоевского “Село Степанчиково и его обитатели”»; магистранта В. А. Молодцовой и доцента Балтийского государственного университета им. И. Канта к. ф. н. О. М. Вертинской (г. Калининград) «Как звучит голос Урала? Художественная рецепция национальных топосов и концептов в “Сердце Пармы” А. Иванова»; заведующего кафедрой

русской и зарубежной литературы Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева д. ф. н. О. Ю. Осьмухиной (г. Саранск) «Своеобразие топографии рассказа В. Гроссмана "Тиргартен"»; заведующего лабораторией народной культуры Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова д. ф. н. Т. И. Рожковой (г. Магнитогорск) «Рассказ И. П. Максимова "В Пушкинских Горах": авторский опыт в поле литературной практики»; доцента Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева к. ф. н. А. В. Снигирева (г. Екатеринбург) «Пушкин как имя (на материале прозы братьев Стругацких)»; доцента Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина к. ф. н. Л. И. Вигериной (Санкт-Петербург) «Поэтика имени в повести И. С. Тургенева "История лейтенанта Ергунова"»; магистранта Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина С. Ю. Матасаря (Санкт-Петербург) «Исторический концепт в прозе русского зарубежья (первая волна)». Слушателями были отмечены обстоятельные доклады молодых исследователей А. Н. Ермиловой, В. А. Молодцовой, С. Ю. Матасаря, источники формирования национальных концептов (Т. С. Карпачева, О. Ю. Осьмухина), утверждение имени Пушкина как прецедентного феномена в наследующей художественной и документальной литературе (Т. И. Рожкова, А. В. Снигирев).

В секции «Текст: контекст, комментарий, интерпретации» были обсуждены доклады доцента Северо-Западного института управления – филиала РАНХИГС к. ю. н. А. Б. Иванюженко (Санкт-Петербург) «Аллюзии пушкинского образа Петра Первого в прозе С. Довлатова»; доцента Пермского национального исследовательского политехнического университета к. ф. н. Н. Б. Лапаевой Ристеска (г. Пермь) «Три стихотворения о Дубровнике: "зачарованность" местом (из истории литературы русской эмиграции первой волны)»; аспиранта Российского университета дружбы народов Л. Н. Лумповой (Москва) «Утилитарный характер сравнений и метафор как средство создания реалистического образа в романах Толстого ("Война и мир", "Анна Каренина")»; преподавателя Тольяттинского государственного университета Д. Р. Резникова (г. Тольятти) «Семантика прецедентного имени «Пушкин» и его смысловое варьирование в поэтическом тексте Т. Ю. Кибирова»; заведу-

ющего кафедрой русского языка и методики преподавания русского языка Пензенского государственного университета д. ф. н. И. Г. Родионовой (г. Пенза) «Вставные конструкции в текстах литературных портретов К. Г. Паустовского»; доцента Московского городского педагогического университета к. ф. н. Г. В. Стрельцовой и аспиранта А. Ю. Юхановой (Москва) «Рецепция творчества Амелии Оупи в английской критике первой половины XIX века»; редактора службы выпуска телеканала «Звезда» С. Ю. Темербулатовой (Москва) «Прецедентные тексты А. С. Пушкина в научно-популярных журналах для детей “Квантик” и “Лучик”»; доцента Уральского государственного юридического университета к. ф. н. Ю. Б. Феденевой (г. Екатеринбург) «Пушкин в пространстве юридической мысли: эволюция восприятия»; доцента Российского государственного гидрометеорологического университета к. ф. н. А. А. Чевтаева (Санкт-Петербург) «“Жизнь грозна, и прекрасна, и дразнит...”: динамика сюжета и художественная аксиология в стихотворении П. Г. Антокольского “Пушкин”»; аспиранта Литературного института им. А. М. Горького К. А. Якименко (Москва) «Рецепция творчества А. С. Пушкина в прозе Владимира Солоухина». В докладах были проанализированы функции аллюзий на тексты Пушкина (А. Б. Иванюженко, К. А. Якименко, А. А. Чевтаев), интерпретирован прецедентный феномен «Пушкин», установлены его грамматические признаки в тексте как особой фразеологической единицы (Д. Р. Резников), обучающая роль текстов Пушкина (С. Ю. Темербулатова).

В секции «Языковые единицы в пространстве текста и в медиакommunikации» были обсуждены доклады профессора Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена д. ф. н. К. П. Сидоренко (Санкт-Петербург) «Ассоциативный потенциал басенного слова И. А. Крылова (Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А. И. Герцена. Проект № 79-ВГ)»; доцента Северо-Западного государственного медицинского университета им. И. И. Мечникова к. ф. н. Н. Н. Вострокнутовой (Санкт-Петербург) «Художественный текст на занятиях по русскому языку как иностранному в медицинском вузе (из опыта работы)»; ст. преподавателя Университета Российской академии образования к. ф. - м. н. В. В. Высоцкой (Москва) «Виды

модальности и семантика отрицания в романе Гончарова “Обломов”»; доцента Южного федерального университета к. ф. н. С. С. Изюмской (г. Ростов-на-Дону) «Ведущие мыслители первой половины XIX века о функциональном статусе заимствованных слов: коммуникативно-прагматический аспект»; профессора Тюменского государственного университета д. ф. н. Е. В. Купчик (г. Тюмень) «Метафорические модели с субъектной зоной БОЛЬ в русских поэтических текстах»; доцента Санкт-Петербургского государственного института культуры к. ф. н. Е. Ю. Хрисонопуло (Санкт-Петербург) «Грамматические оппозиции в стихотворении А. С. Пушкина “Я вас любил” и особенности их передачи в поэтических переводах на английский язык»; заведующего кафедрой риторики и стилистики русского языка Уральского государственного юридического университета к. ф. н. Н. А. Юшковой (г. Екатеринбург) «Жизнь и творчество А. С. Пушкина как прецедентный феномен в языковом сознании молодежи»; магистранта Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина М. Е. Дербеденева (Санкт-Петербург) «Трактовка концепта “успех” в современной лингвистике»; доцента Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина к. ф. н. Е. Л. Калининой (Санкт-Петербург) «Лингвопоэтические особенности рассказа В. П. Астафьева “Гуси в полынье”»; доцента Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина к. ф. н. Л. В. Кудриной (Санкт-Петербург). Пушкин в интернет-мемах. Направленность докладов показала высокий уровень вовлеченности результатов лингвистических исследований в практическую сферу применения – медиасреду, эквивалентный перевод, словарную практику, преподавание русского языка как иностранного.

В секции «Цветовые обозначения в языке, речи и художественном тексте» были обсуждены доклады профессора Пензенского государственного университета д. ф. н. С. В. Кезиной (г. Пенза) «Культурная значимость лексемы красный»; доцента Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского к. ф. н. О. В. Крамковой (Нижний Новгород) «Цвет волос: способы номинации и оценочная семантика»; профессора Южно-Уральского государственного университета д. ф. н. А. А. Мироновой и аспиранта Цуй Сяоцин (г. Челябинск)

«Сложные колоративы в китайской рекламе губной помады»; научного сотрудника института языкознания РАН М. М. Руссо (Москва) «Семантические источники базовых цветообозначений: красный»; доцента Гродненского государственного университета им. Янки Купалы к. ф. н. Т. В. Сивовой (г. Гродно, Беларусь) «От красного к цвету свекольной пенки: функциональный диапазон терминов цвета (опыт полидискурсивного исследования)»; заведующего отделом научно-технической информации Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова к. культ. Н. Т. Тарумовой (Москва) «Семантическая многоплановость традиций народной культуры и цвета в языке поэзии Андрея Белого»; заведующего кафедрой романских языков и лингводидактики Московского городского педагогического университета к. ф. н. Е. И. Черкашиной и доцента к. ф. н. Т. В. Слестниковой (Москва) «Многозначность цветовой палитры в разных лингвокультурах»; главного инженера АО «ОДК-Газовые турбины» к. ф. н. А. Б. Чернышева (г. Рыбинск) «Цвета грозы и ночи в творчестве Б. Л. Пастернака»; студента Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина А. Р. Дюкиной (Санкт-Петербург) «О некоторых особенностях освоения детьми цветовой картины мира (на основе номинаций с семантикой красного)»; главного научного сотрудника научно-образовательного центра русского языка и литературы Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина д. ф. н. О. А. Мещеряковой (Санкт-Петербург) «Семантика цвета в сказках А. С. Пушкина и в русских народных сказках: сопоставительный аспект». В докладах были предложены методики оценки восприятия цвета и валидности результатов опросов (А. Р. Дюкина, Т. В. Сивова), проанализирована семантика цвета в художественном тексте (О. А. Мещерякова, А. Б. Чернышев, Н. Т. Тарумова), семантика базовых цветолексем в различных лингвокультурах (М. М. Руссо, С. В. Кезина, Е. И. Черкашина, Т. В. Слестникова), практические функции цветообозначений (О. В. Крамкова, А. А. Миронова, Цуй Сяоцин); отмечена перспективность и практическая значимость изучения этой области лингвистики и востребованность полидискурсивных исследований.

В трех онлайн-секциях «Слово в языке, речи и художественном тексте» были обсуждены доклады доцен-

та Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого к. ф. н. В. И. Абрамовой и ст. научного сотрудника к. ф. н. Ю. В. Архангельской (г. Тула) «Слово А. С. Пушкина в пространстве Рунета»; доцента Гянджинского государственного университета к. ф. н. К. Г. Ахмедовой и ст. преподавателя Г. А. Гафаровой (г. Гяндже, Азербайджан) «Роль А. С. Пушкина в образовательном стандарте Азербайджана»; профессоров Ататюркского университета д. ф. н. С. М. Аюпова и С. Б. Аюповой (г. Эрзурум, Турция) «Пушкинский текст в произведениях Тургенева и Чехова»; аспиранта Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина И. Е. Быковой (г. Елец) «Особенности жанра вальсы в лирике А. С. Пушкина»; доцента Волгоградского государственного университета к. ф. н. С. Ю. Воробьевой (Волгоград) «Тема творческой личности и творческого труда у А. С. Пушкина и М. А. Булгакова»; доцента Кубанского государственного технологического университета к. ф. н. О. А. Гордиенко, директора регионального школьного технопарка «Квант, Кубань-КубГТУ» д. п. н. Т. Л. Шапошниковой и аспиранта Ю. Ш. Юсуповой (г. Краснодар) «Учебные пособия по русской литературе для иностранных студентов Кубани с лингвоконцептологических позиций»; профессора Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва д. ф. н. С. П. Гудковой и бакалавра С. М. Каримовой (г. Саранск) «Особенности трансформации жанровой книги стихов в современной отечественной поэзии (на материале творчества Г. Сапгира)»; докторанта Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева Г. Ж. Досмаганбетовой (Астана, Казахстан) «Образ путешествия и странника в казахской литературной традиции»; аспиранта Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва Б. В. Ефремова (г. Саранск) «Репрезентация концепта "успех" в американских бизнес-мемуарах XXI века»; профессора Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина (Мининский университет) д. ф. н. В. Т. Захаровой (Нижний Новгород) «Сюжетная ситуация "память о древней Руси" в русской прозе XX века»; аспиранта Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва Р. А. Кадеевой (г. Саранск) «Специфика соотношения автора и героя в "харьковской трилогии" Э. Лимонова»;

заведующего кафедрой славянской филологии и культуры Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского д. ф. н. М. Г. Уртминцевой и аспиранта Н. Ж. Карahanян (Нижний Новгород) «Образная стилистика фельетонов М. Горького 1890-х годов»; доцента Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина к. ф. н. М. А. Жирковой (Санкт-Петербург) «Идиллический хронотоп в повести Саши Черного “Чудесное лето”»; магистранта Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва Д. Ю. Гагариной (г. Саранск) «Ирреальное и метафизическое в романе О. Славниковой “Прыжок в длину”»; доцента Московского педагогического государственного университета, доцента кафедры гуманитарных наук Московского Международного университета к. ф. н. С. Ф. Меркушова (Москва) «Поэтическая рецепция одной сакраментальной фразы Пушкина в XX веке»; магистранта Севастопольского государственного университета Д. Д. Корниук (Севастополь) «Интернет-мем как особая единица интермедиальности»; доцента Краснодарского университета МВД России к. ф. н. М. Н. Куниной и заведующего кафедрой русского и иностранных языков Краснодарского университета МВД России к. ф. н. С. В. Кулинской (г. Краснодар) «Элементы героического дискурса в текстах пресс служб правоохранительных органов»; студента Гуманитарного института филиала Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова в г. Северодвинске Д. А. Малетина (г. Северодвинск) «Тема Фауста в русской и зарубежной литературе XIX века»; аспиранта Тегеранского университета М. Моради (Тегеран, Иран) «Пушкин как символ русской национальной идентичности в восприятии иранских студентов, изучающих русский язык»; мл. научного сотрудника Международной научно-исследовательской лаборатории «Лингвистическая экология Арктики» Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова С. С. Павлова (г. Якутск) «Концепт МОРЕ в художественной картине мира чукотского писателя Юрия Рытхэу»; сотрудника Тегеранского университета к. ф. н. М. Рахбари (Тегеран, Иран) «Языковая общность между персидским и осетинским языками»; докторанта Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева С. А. Сералимовой (Астана, Казахстан) «Худо-

жественная рецепция национальных топосов»; профессора Сургутского государственного педагогического университета д. ф. н. Т. А. Сироткиной (г. Сургут) «Ономастикон романа Елены Чижовой “Город, написанный по памяти”»; доцента университета Мехмета Акифа Эрсою к. ф. н. Т. Акбаба (г. Бурдур, Турция) «Путешествие в Арзрум» А. С. Пушкина»; доцента Тегеранского университета А.-Ш. Масуме (Тегеран, Иран) «Парвин Этесами: поэт сентиментов и эмоций»; доцента Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина к. ф. н. О. Н. Красниковой (Санкт-Петербург) «Трагедии Софокла с позиции лингвокультурологии: изучение цветообозначений в переводах текстов драматурга»; аспиранта Ф. Мохаммадния-Ханаий, профессоров Тегеранского университета к. ф. н. М. Яхьяпур и к. ф. н. Дж. Карими-Мотаххара (Тегеран, Иран) «Русская тема в рассказе иранского писателя Садега Хедаята “Катя”»; профессора Костромского государственного университета д. ф. н. М. А. Фокиной (г. Кострома) «Фразеологические единицы в “Застольном слове о Пушкине”»; заведующего отделом фольклора и литературы Калмыцкого научного центра РАН д. ф. н. Р. М. Ханиновой (г. Элиста). «"Свой" – "другой": пушкинская тема в современной калмыцкой русскоязычной лирике»; профессора Белгородского государственного национального исследовательского университета д. ф. н. В. К. Харченко (г. Белгород) «Пушкин о воспитании юношества: актуальности сегодняшнего дня»; аспиранта Московского городского педагогического университета А. В. Хлебцовой (Москва) «Мотив духовно-нравственной ответственности советских людей за судьбы тех, кто оказался рядом, в повести К. М. Симонова “Четыре шага”»; доцента Сибирского государственного института искусств им. Д. Хворостовского к. ф. н. О. Ю. Шароновой (г. Красноярск) «Особенности некоторых театральных интерпретаций рассказа Ф. М. Достоевского “Сон смешного человека”»; доцента Гуманитарного института филиала Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова в г. Северодвинске к. ф. н. Е. Ю. Шестаковой (г. Северодвинск) «Концепция детства в публицистике и прозе Н. М. Карамзина»; доцента Московского городского педагогического университета к. ф. н. В. Шетэля (Москва) Комментарии к переводу на польский язык рома-

на Ф. М. Достоевского “Преступление и наказание”; доцента Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета к. ф. н. Н. В. Медведевой (г. Пермь) «Национальные образы мира как доминанты этнокультурного сознания инонационально-русского билингва: организация работы с художественным текстом в подготовке будущего билингвального учителя русского языка». В целом, участники конференции отметили востребованность гуманитарных исследований при изучении национальных картин мира (В. К. Харченко), наметили наиболее перспективный арсенал национальных концептов (Е. Ю. Шестакова, А. В. Хлебцова, О. Ю. Шаронова), актуальные методики изучения русского языка в иноязычной аудитории и роль русской литературы этом процессе (Н. В. Медведева, М. Яхьяпур, Дж. Карими-Мотаххар, Р. М. Ханинова, М. Моради, В. Шетэля, Т. Акбаба, М. Рахбари).

На заседаниях двух онлайн-секций «Поэтика цвета в языке, речи и художественном тексте» были обсуждены доклады ассоциированного профессора Astana IT University к. ф. н. М. Д. Абжапаровой (Астана, Казахстан) «Сравнительный анализ функционально-семантического поля обозначений цветов “желтый” и “коричневый” в казахском языке и его аналогов в алтайском языке»; доцента Российского государственного гуманитарного университета к. ф. н. Я. А. Астаховой (Москва) «Заметки о цвете” Л. Витгенштейна: лингвистический аспект»; ст. преподавателя Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова к. ф. н. Е. Ю. Воробьевой (Москва) «Цвет в создании поэтического образа»; доцента Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова к. ф. н. О. Н. Григорьевой (Москва) «Семантика и функции цветообозначений в прозе А. С. Пушкина»; заведующего отделом белорусско-русских языковых связей Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси к. ф. н. И. В. Елынцевой (Минск, Беларусь) «Наименования продуктов питания как прототипы цветообозначений в современном русском языке»; магистранта К. Ирани, профессоров Тегеранского университета к. ф. н. М. Яхьяпур и Дж. Карими-Мотаххара (Тегеран, Иран) «Символика цветов в современной персидской поэзии»; ведущего научного сотрудника Института научной информации по общественным наукам

(ИНИОН РАН) д. ф. н. В. Г. Кульпиной (Москва) «Свето- и цветолексемы в произведениях А. С. Пушкина как суггестивные индикаторы оценки, эстетического чувства и эмоционального подъема»; ст. научного сотрудника Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН к. ф. н. А. В. Гик (Москва) «Поэтика "белого" у десяти авторов "Серебряного века" (на материале Словаря языка русской поэзии XX века)»; ассистента Смоленского государственного университета А. А. Нанкевич (г. Смоленск) «Соотношение между языковыми и неязыковыми категориями цвета»; доцента Казанской государственной консерватории им. Н. Г. Жиганова к. ф. н. Ф. Ф. Насибуллиной (г. Казань) «Психолингвистический аспект колоритов в немецком и русском языках»; сотрудника Пензенского государственного университета к. ф. н. М. Н. Перфиловой (г. Пенза) «Лексико-семантическая группа белого тона в тайных языках русских ремесленников и торговцев»; доцента Минского государственного лингвистического университета к. ф. н. Ю. Н. Русиной и студента П. В. Тихомировой (Минск, Беларусь) «Прилагательные-цветообозначения в англоязычных романах жанра фэнтези: функционирование и перевод на русский язык»; доцента Таганрогского института им. А. П. Чехова к. ф. н. А. Н. Савицкой (г. Таганрог) «Цветообозначения как культурный код в русской фразеологии»; доцента Воронежского государственного педагогического университета к. ф. н. А. И. Усковой (г. Воронеж) «Цветовая картина мира русского арго»; профессора Липецкого государственного педагогического университета им. П. П. Семенова-Тян-Шанского д. ф. н. О. С. Шуруповой (г. Липецк) «Мир глазами ученого: цветовой код романа В. Дудинцева "Белые одежды"»; доцента Уфимского университета науки и технологий к. ф. н. Р. В. Яковлевой (г. Уфа) «Исследование ассоциативной цветности звуков немецкого языка на материале религиозно-богословских текстов». В докладах были предложены методики анализа цветономинаций как культурного национального кода (А. Н. Савицкая, Р. В. Яковлева, М. Н. Перфилова, Ю. Н. Русина, П. В. Тихомирова, А. И. Ускова), аспекты восприятия цвета (В. Г. Кульпина, Ф. Ф. Насибуллина), символика и поэтика цвета в художественном тексте (О. С. Шурупова, А. В. Гик); отмечена

перспективность и практическая значимость изучения этой области лингвистики.

Завершилась конференция экскурсией в литературный музей-усадьбу «Приютино», связанную с именем Пушкина и пушкинским кругом поэтов. Участники конференции стали гостями заключительных мероприятий Пушкинской недели, организованной музеем. По результатам конференции подготовлен и издан сборник материалов конференции объемом 411 страниц. В него включено 78 докладов.

Tatiana Maltseva

XXX International Academic Conference "Pushkin Readings: Artistic Strategies of Classical and Modern Literature": Results and Prospects

This review discusses the results of the XXX International Academic Conference "Pushkin Readings: Artistic Strategies of Classical and Modern Literature," held at A. S. Pushkin Leningrad State University on June 6–7, 2025. The conference was attended by 139 scholars and specialists from Russian academic institutions and universities, as well as Slavic scholars from Azerbaijan, Belarus, Iran, Kazakhstan, and Turkey. The following research topics were discussed at the conference: the dynamics of genre forms and stylistic trends in literature from the 18th to the 21st centuries; the role of artistic images and concepts in literary text and art; linguistic units in textual space and media communication; and color coding in language, speech, and literary text. The conference consisted of ten sections, five of which were online, and 110 papers were presented. The conference participants' papers confirmed the continuing interest in Pushkin and his legacy, the normative role of his style in the modern Russian language, and the fundamental role of his humanistic ideas in the national worldview.

Key words: Pushkin themes in literature and art, contemporary literary development, literary criticism, academic conferences.

For citation: Maltseva, T. V. (2025) XXX Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya «Pushkinskie chteniya: hudozhestvennye strategii klassicheskoy i novoy slovesnosti»: rezul'taty i perspektivy [XXX International Academic Conference "Pushkin Readings: Artistic Strategies of Classical and Modern Literature": Results and Prospects]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 220–234. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2025_3_220. EDN: JIASWA

Об авторе

Мальцева Татьяна Владимировна, заведующий научно-образовательным центром русского языка и литературы, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: kafilit@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-8432-4314

About the Author

Maltseva Tatiana, Head of the Scientific and Educational Center of the Russian Language and Literature, Pushkin Leningrad State University, Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: kafilit@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-8432-4314

дата получения: 10.07.2025 г.
дата принятия: 30.07.2025 г.
дата публикации: 30.09.2025 г.

date of receiving: 10 July 2025
date of acceptance: 30 July 2025
date of publication: 30 September 2025

Для заметок

научный журнал

Art Logos

(искусство слова)

№ 3 (32)
2025

Редактор **Т. В. Мальцева**

Технический редактор **Е. И. Ягин**

Оригинал-макет и обложка **Е. И. Ягин**

Подписано в печать 30.09.2025. Формат 60x84 1/16.

Гарнитуры Jost, Lora. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 14,75. Тираж 500 экз. (первый завод – 50 экз.)

Заказ № 2061

Адрес редакции

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 451-91-76 <http://lengu.ru/>
e-mail: art.logos@lengu.ru

Адрес учредителя, издателя

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58 <http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru